

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

Печатаемые вслѣдъ за симъ „Очерки и воспоминанія“ принадлежатъ перу тайнаго совѣтника Николая Марковича Колмакова. Читатели „Русской Старины“ уже знакомы съ нѣкоторыми трудами Николая Марковича, напечатанными въ нашемъ журналѣ, начиная съ 1886 года; статьи его суть слѣдующія: „Починъ крестьянскаго дѣла въ 1857 году—разборъ записокъ Я. А. Соловьева“; „Домъ и фамилія графовъ Строгоновыхъ“; „Біографія графа Виктора Никитича Панина и М. И. Топильскаго“ и, наконецъ, „Старый судъ“. Всѣ эти статьи отличаются живостью изложенія, отличною группировкою вполнѣ интересныхъ фактовъ и прочитаны были вашими многочисленными читателями съ несомнѣннымъ любопытствомъ.

Приводимъ нѣсколько данныхъ о жизни и трудахъ Н. М. Колмакова: онъ родился въ 1816 году, 15-го ноября, въ м. Середина Буда, Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, Черниговской губерніи. Отецъ его, изъ дворянъ Курской губерніи, окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ и былъ перваго выпуска изъ сего университета. Авторъ очерковъ первоначально учился въ уѣздныхъ училищахъ гг. Сѣвска, Бѣлгорода и Глухова; по пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1829 году, онъ, по отсутствію вакансій въ кадетскихъ корпусахъ поступилъ, по особому высочайшему повелѣнію, въ инженерную роту с.-петербургскаго баталіона военныхъ кантонистовъ, гдѣ и оставался по 1833 г. Засимъ въ слѣдующемъ 1834 году онъ поступилъ въ с.-петербургскій университетъ по юридическому факультету, гдѣ и окончилъ курсъ въ 1838 г.

Въ 1844 году Колмаковъ поступилъ въ департаментъ министерства юстиціи, гдѣ оставался по 1861 годъ, занимая мѣсто въ сенатѣ оберъ-секретаря, и въ департаментѣ начальника отдѣленія, старшаго юрисконсульта и, наконецъ, чиновника особыхъ порученій 5-го класса. Въ 1861 году, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Николай Марковичъ вышелъ въ отставку а въ 1866 году снова былъ опредѣленъ, по высочайшему повелѣнію, председателемъ кievской палаты и оставался въ этой должности по 1875 г.

Во время службы въ министерствѣ юстиціи онъ принималъ участіе въ разработкѣ многихъ проектовъ по законодательнымъ вопросамъ и въ особенности по начертанію законоположенія о мировыхъ посредникахъ, судебныхъ слѣдователяхъ и полиціи.

Проекты сіи составляли предметъ особой комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ Н. А. Милютина, въ составѣ коей участвовали: Я. А. Соловьевъ, Н. И. Стояновскій, К. К. Гротъ, В. А. Ардимовичъ, С. И. Зарудный и другіе.

По жизни и службѣ авторъ очерковъ былъ другомъ покойныхъ М. Н. Любощинскаго и С. И. Заруднаго.

Ред.

I.

Введеніе.—Мѣстечко Середина Буда.—Корчемство.—Проѣздъ государя Александра Павловича чрезъ Буду.—Сѣвскъ, Дмитріевъ, Бѣлгородъ.—Наказанія въ училищахъ.—Казни по городамъ.—Проѣздъ государя Александра чрезъ Бѣлгородъ.—Графиня Чернышева.—Присяга дѣтей.—Жизнь въ Бѣлгородѣ.—Переѣздъ изъ Бѣлгорода въ Серединую Буду.—Ученіе въ школѣ и игры.—С. Береза.—Семейство Атрѣшковыхъ.—Глуховское училище.—Пискуновъ.—Небесное явленіе.—Сыновья Артемія Яковлевича Терещенко: Николо, Федоръ и Семенъ Терещенко.

лужебная моя дѣятельность давно кончилась, имущественныя дѣла также приведены къ концу, новаго впереди ничего не представляется, а потому душа моя невольно обращается къ прошедшему и полна воспоминаніями о минувшемъ.

Вотъ почему мнѣ пришло на мысль сдѣлать очеркъ моей жизни съ самаго дѣтства.

Руководить меня этимъ не изображеніе моей дѣятельности въ исключительномъ какомъ-либо смыслѣ, или похвальба самого себя, нѣтъ, мнѣ хочется описать мою жизнь, какъ она была, со всѣми ея невзгодами, и подтвердить извѣстную истину, что Богъ не безъ милости, а свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Да, Провидѣніе Божіе хранило меня при всѣхъ случаяхъ; въ него я постоянно вѣрилъ и обращался къ нему, какъ къ хранителю и защитнику моему.

Послѣдствіемъ сего было то, что бѣдный мальчикъ 12-ти лѣтъ, пришедшій почти пѣшкомъ изъ Черниговской губерніи въ Петербургъ, при обозѣ клади, учился безъ посторонней помощи, окончилъ курсъ въ университетѣ, служилъ долго и замѣтно для сверстниковъ своихъ и теперь спокойно безъ упрека совѣсти, благодаря Бога, доживаетъ свой вѣкъ, въ качествѣ землевладѣльца Волинской губерніи.

Въ послѣднее-же десятилѣтіе царствованія императора Николая и въ правленіе царя Александра II я, по своей службѣ въ министерствѣ юстиціи, сенатѣ и юго-западномъ краѣ, тоже по судебному

вѣдомству, слылъ дѣльцемъ, а потому многое мнѣ было извѣстно и шло чрезъ мои руки.

Собственно говоря, мнѣ не хотѣлось-бы говорить о самомъ себѣ, но, описывая личныя воспоминанія, нѣтъ возможности избѣжать этого, а потому прошу читателя извинить меня въ этомъ.

Итакъ, начнемъ:

Мой отецъ, Маркъ Акимовичъ Колмаковъ, былъ изъ дворянъ Курской губерніи и окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ; кажется, онъ былъ едва-ли не изъ перваго выпуска сего университета, что относится къ первому десятилѣтію текущаго столѣтія, и былъ товарищемъ отца Сергѣя Ивановича Заруднаго, умершаго въ 1888 году, извѣстнаго юриста и писателя. Привожу этотъ фактъ потому, что чрезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ сего я жилъ съ Сергѣемъ Ивановичемъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ на одной и той-же квартирѣ и часто, въ бесѣдахъ своихъ, вспоминали нашихъ отцовъ.

Отецъ мой зналъ превосходно древніе языки и многія науки, въ томъ, конечно, объемѣ, въ каковомъ входили таковыя въ составъ тогдашняго университетскаго образованія. По окончаніи курса онъ служилъ сначала по учебному вѣдомству, а потомъ по министерству финансовъ. Ученики отца, которыхъ я, спустя много лѣтъ, встрѣчалъ въ Черниговѣ и Петербургѣ, помнили его и отзывались о немъ, какъ о превосходномъ, знающемъ учителѣ и наставникѣ.

Живя въ Черниговской губерніи, онъ познакомился съ семействомъ протоіерея мѣстечка Серединой Буды, Ивана Лузанова, и женился на его дочери Аннѣ. Это моя мать.

Лузановъ воспитывался въ кіевской духовной академіи, былъ извѣстенъ по своей учености, которая въ то время по преимуществу выражалась въ знаніи древнихъ языковъ и классическихъ писателей. Онъ былъ товарищемъ знаменитаго въ свое время въ Кіевѣ проповѣдника Леванды, состоялъ съ нимъ до самой смерти въ перепискѣ и оставилъ по себѣ порядочную бібліотеку, свидѣтельствовавшую о его учености. Въ хроникахъ одного изъ нашихъ историческихъ журналовъ упоминается о протоіерей Лузановѣ, какъ объ ученомъ мужѣ. Дѣятельностію Лузанова построена въ Серединой Будѣ церковь, во имя Рождества Богородицы, по плану извѣстнаго въ прошломъ столѣтіи архитектора графа Растрелли. Имя Лузанова донинѣ красуется на внутренней стѣнѣ сего храма, при входѣ въ оный. Храмъ этотъ до сихъ поръ существуетъ и невольно привлекаетъ общее вниманіе. Протоіерей Лузановъ, какъ уроженецъ города Козельца, Черниговской губерніи, былъ близокъ къ графу Разумовскому, который родомъ тоже изъ сего-же уѣзда, села Лемешин.

Графу Разумовскому, какъ гетману, принадлежало много имѣній въ Черниговской губерніи, въ томъ числѣ и мѣстечко Серединая Буда. Этою близостію объясняется, почему въ мѣстечкѣ Серединой Будѣ выстроенъ храмъ по плану графа Растрелли, строившаго дома въ С.-Петербургѣ для графа Разумовскаго. Храмъ этотъ есть какъ будто копія съ церкви въ г. Козельцѣ, построенной также графомъ Растрелли, и чрезвычайно схожъ съ церковью Никола Морскаго въ Петербургѣ, воздвигнутою тоже имъ.

По отзыву стариковъ, сошедшихъ давно въ могилу, Лузановъ убѣдилъ графа Разумовскаго отказаться отъ крѣпостныхъ правъ на имѣніе Серединая Буда, чѣмъ и оставилъ по себѣ добрую память. Имѣніе Серединая Буда, кажется, въ числѣ прочихъ, принадлежало къ тѣмъ имуществамъ, которыя опредѣлялись на гетманскую булаву, т. е. на содержаніе самого гетмана. Въ знакъ благодарности жители Серединой Буды поднесли Лузанову наполненный червонцами золотой кубокъ, который хранится у меня до сихъ поръ.

Братъ моей матери, Павелъ, служилъ въ гвардіи, а подъ конецъ жизни былъ, кажется, сначала городничимъ въ Глуховѣ, а потомъ тамошнимъ предводителемъ дворянства; женатъ онъ былъ на Елисаветѣ Михайловнѣ Марковичъ, которая принадлежала къ почетнымъ фамиліямъ Черниговской губерніи.

Второй братъ матери, Герасимъ, служилъ казакомъ при атаманѣ Платовѣ и женатъ былъ на дочери извѣстнаго въ свое время въ С.-Петербургѣ скульптора, Ивана Петровича Мартосъ. Мартосъ былъ вице-президентомъ академіи художествъ; произведенія-же его до сихъ поръ украшаютъ паркъ въ Павловскѣ, Александровскую колонну въ Петербургѣ, Казанскій соборъ и многія другія мѣста.

Самъ дядя, Герасимъ Лузановъ, былъ писателемъ и даже баснописцемъ. Написанныя имъ басни были когда-то въ ходу и отличались остроуміемъ; басни эти въ настоящее время составляютъ библиографическую рѣдкость, но тѣмъ не менѣе, въ свое время, ихъ читали и восхищались. Первое ихъ изданіе, кажется, было въ г. Орлѣ и вотъ почему онѣ исчезли изъ числа книгъ, обращающихся въ книжной торговлѣ.

15 ноября 1816 года въ м. Серединой Будѣ я появился на свѣтъ Божій. Имущество моихъ родителей состояло въ небольшомъ деревянномъ домикѣ съ садомъ, огородомъ и винокурнею. Въ прежнее время въ Малороссіи всѣ имѣли право на свободное винокуренье, а потому у каждого, мало-мальски зажиточнаго, хозяина была своя винокурня. Вино тогда составляло предметъ свободного

винокуренья и торговли и продавалось, сколько помню, не дороже 40 копеекъ за ведро, и не мудрено: цѣна хлѣба за пудъ тогда не превышала 10 копеекъ.

Черниговская губ., какъ извѣстно, окружена плодородными мѣстами, а потому и при бездорожьи вывозить хлѣбъ было некуда, и вотъ почему хлѣбъ, по нуждѣ, обращался въ водку, а остатками отъ винокуренья, бардой, кормили скоть. Правомъ свободнаго винокуренья Малороссія сильно дорожила и право это было выговорено даже въ трактатахъ при соединеніи Малороссіи съ Россією, — но время все измѣнило.

Такъ было во всей Черниговской губерніи или, лучше сказать, въ Малороссіи, но за чертой ея, въ Орловской и Курской губерніяхъ, существовала сначала казенная, а потомъ откупная продажа, гдѣ цѣна на водку превышала много разъ цѣну, чѣмъ въ Малороссіи. Мѣстечко Середина Буда лежитъ какъ разъ на самой границѣ Сѣвскаго уѣзда, Орловской губерніи. Разность въ цѣнѣ на водку въ Россіи и Малороссіи производила бездну неурядицъ, убійствъ и вообще преступленій. Откупщики, державшіе въ Россіи откупъ, имѣли на границѣ губерніи многочисленную стражу вооруженныхъ людей. Каждый путешественникъ и вообще проѣзжій изъ Малороссіи въ Россію подвергался осмотру и при этомъ перерывалось все, что было у него въ повозкѣ, безъ всякаго снисхожденія; но всѣ эти осмотры не останавливали русскихъ крестьянъ провозить водку въ болѣе или меньшемъ количествѣ, а иногда цѣлыми боченками и бочками. Для этого они собирались цѣлыми толпами, вооружались чѣмъ попало: топорами, косами, дубинками, и, набравши водки, пробирались окольными путями въ мѣста русскихъ уѣздовъ; тутъ происходили встрѣчи, кровавое избіеніе или стражи, или крестьянъ, смотря по тому, кто былъ сильнѣе. Цѣлые десятки людей исчезали безслѣдно; присутственныя мѣста завалены были уголовными дѣлами по провозу водки изъ Малороссіи въ Россію. Преступленія сіи назывались корчемствомъ и правительство или, лучше сказать, чины откупнаго вѣдомства усердно служили этому дѣлу, поощряемые къ тому щедрыми взятками отъ откупщиковъ. Кстати сказать, что Орловская губернія въ былое время вообще не отличалась тишиною: разбой по дорогамъ и особенно въ Брянскихъ глѣсахъ почасту оглашались звѣрскими убійствами. Въ разбояхъ замѣшаны были даже и сами помѣщики. Да, было такое время!

Народная поговорка: „Орелъ да Кромы первые воры, а Карачевъ на поддачу, а Елецъ—всѣмъ отецъ“, слышится еще и теперь въ устахъ тамошнихъ жителей.

Въ Кіевѣ, гдѣ я теперь живу, очень много извозчиковъ изъ Орловской губерніи; разъ я напомнилъ одному изъ нихъ: а знаешь-ли, что говорятъ про Орель?—при этомъ напомнилъ ему поговорку: Орель да Кромы и т. д.

— Какъ не знать, отвѣчалъ извозчикъ, у насъ ее всѣ знаютъ. Да люди-то не тѣ стали, что прежде. Вотъ оно что, прибавилъ онъ.

И дѣйствительно такъ, все проходитъ своимъ чередомъ, устраняются причины, исчезаютъ и послѣдствія.

Право Малороссіи на свободное винокуренье мало-по-малу ограничивалось и кончилось тѣмъ, что въ 1860-хъ годахъ права эти совсѣмъ уничтожены, наступила акцизная система.

Долго потомъ, да и теперь еще старыя паны указываютъ на нарушеніе сихъ правъ Россією. А было время, когда въ Малороссіи при дешевизнѣ водки откармливался скотъ, вырабатывались разныя наливки, прославившія свою родину, — и пили-же здѣсь здорово, а пьяницами не считались. Доходами отъ винокуреньи многіе кормили свою семью и казались не бѣдными. Такихъ панковъ въ Серединой Будѣ, да и по другимъ сосѣднимъ мѣстамъ было не мало. Я помню семейства Долголевскихъ, Калугиныхъ, Даровскихъ и другихъ — всѣ они имѣли сыновей, которые, не смотря на скудость своихъ фамиліныхъ средствъ, отправлялись въ столицу, поступали въ университетъ и въ послѣдствіи оказывались полезными дѣятелями.

Вотъ почему въ 1820-хъ годахъ по присутственнымъ мѣстамъ, а въ особенности въ сенатѣ, лучшими служаками были хохлы.

Въ 1825 году чрезъ Серединую Буду, по дорогѣ въ г. Таганрогъ, проѣзжалъ государь императоръ Александръ Павловичъ. Въ какихъ видахъ и почему безъ всякаго предувѣдомленія онъ выбралъ эту совершенно глухую дорогу, для жителей оной было необъяснимо, но не въ томъ дѣло. Во время проѣзда государя чрезъ мѣстечко на обывательскихъ лошадяхъ какой-то ошалѣлый мѣстный пѣтухъ хотѣлъ перебѣжать чрезъ дорогу, гдѣ ѣхалъ государь, и попалъ какъ разъ подъ колесо коляски, — разумѣется, голова его отлетѣла. Видѣвшіе это ахнули и начали говорить, что это не къ добру! Въ послѣдствіи времени, когда смерть государя 19-го ноября 1825 г. огласилась въ Россіи, жители Серединой Буды вспоминали происшествіе съ пѣтухомъ.

— „Это была вѣрная примѣта, — говорили простодушные будляны: что съ паремъ случится бѣда — такъ оно и вышло!“

Вообще Серединая Буда, какъ уголокъ Малороссіи, тогда, а пожалуй и теперь, полна была разныхъ суевѣрій. Повѣрья о домовыхъ, всѣхъ возможныхъ чертяхъ, вѣдьмахъ и лѣшихъ принимались здѣсь за чистую правду.

Во время малолѣтства моего, одна наша сосѣдка, по имени Козлова, а тамъ по мѣстному называвшаяся Козлихой, слыла за вѣдьму и никакія увѣренія не могли убѣдить никого въ томъ, что это сущій вздоръ.

Всѣ отъ нея отстранялись, она и сама знала, что о ней думаютъ и говорятъ, и какъ будто сознавала, да не вѣдьма-ли она на самомъ дѣлѣ? На бѣду позади ея сада было когда-то кладбище, откуда время отъ времени появлялись фосфорическіе огоньки, вотъ они-то и служили главными неопровержимыми доказательствами того, что она дѣйствительно вѣдьма и что къ ней летаютъ нечистые духи. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ это была трудолюбивая женщина, но не якшавшаяся съ сосѣдами въ выпивкѣ варенухи и разныхъ наливокъ.

Пребываніе моего семейства въ Серединой Будѣ, въ началѣ моего дѣтства, было непродолжительно. Мы переехали въ г. Сѣвскъ, Орловской губерніи, отстоящій въ 30-ти верстахъ отъ Серединой Буды.

Г. Сѣвскъ — небольшой городокъ на рѣкѣ Марицѣ: въ немъ я помню гору съ разными провалами и ямами, наполненными человѣческими костями. Это остатки воиновъ, павшихъ въ битвѣ, полчищъ Дмитрія Самозванца съ московскою ратью въ 1605 году. По громадной массѣ костей можно было судить о числѣ павшихъ. То было начало смутнаго времени. Тогдашніе жители едва-ли знали о томъ, что происходило за два вѣка предъ симъ.

Городъ Сѣвскъ остался мнѣ памятнымъ по нѣкоторымъ другимъ событіямъ. Сгорѣлъ винный казенный подвалъ, и такъ какъ, по тогдашнимъ понятіямъ, казенное не тонетъ и не горитъ, то всѣ сѣвскіе чиновники, служившіе по министерству финансовъ, въ томъ числѣ и мой отецъ, были подвергнуты взысканію на возмѣщеніе убытковъ казны. Вотъ по этому случаю имущество моего отца подвергнуто было продажѣ и въ числѣ этого имущества всѣ наши крѣпостные люди, кучера, лакеи и вообще дворовые, попали подъ молотокъ.

Мы, дѣти, привыкшіе къ нимъ, когда ихъ увели, плакали навзрыдъ и слезамъ нашимъ не было конца. Прошло много лѣтъ, торги эти были признаны неправильными, люди, кои были живы, намъ возвращены; но я уже былъ кончившимъ курсъ въ университетѣ и счелъ своимъ святымъ долгомъ дать имъ всѣмъ свободу.

Я радовался, что дожилъ до такого момента, но люди плакали, говоря: „Мы ваши; зачѣмъ вы насъ покидаете“. Нужно было много словъ, чтобы убѣдить ихъ принять отпускныя.

Потомъ въ г. Сѣвскѣ случилось другое событіе, оставшееся въ

моей памяти на всю жизнь. Тамъ около церкви Вознесенія былъ скатъ съ горы къ рѣкѣ, но не по прямой линіи внизъ, а дугообразный, по сторонамъ коего былъ провалъ необычайной глубины.

Старшій мой братъ, Александръ, усадилъ меня и другаго еще мальчика съ собой въ салазки и покатались по скользкому спуску. При быстротѣ бѣга и при неумѣніи управлять салазками, мы быстро покатались внизъ по прямой линіи и, въ концѣ концовъ, полетѣли въ провалы. Къ счастью, снѣгъ былъ глубокій и мы, съ высоты нѣсколькихъ саженъ, врѣзались въ него и исчезли въ немъ. Я былъ между двумя сѣдоками и удивительно, какъ я не былъ расплюснутъ при паденіи, но Богъ спасъ насъ всѣхъ—мы отдѣлались только крупными ушибами. Думали, что послѣ этого паденія я буду горбатымъ или калѣкой, но ничего этого не случилось,—я остался крѣпкимъ и здоровымъ мальчикомъ.

Въ Сѣвскѣ я уже ходилъ въ училище и на бывшемъ тамъ экзаменѣ, помню, сказалъ стихи, оставшіеся до сихъ поръ въ моей памяти. Стихи были слѣдующіе:

Къ Тебѣ, Всевышній, я взываю!
Подай, Всещедрый, мнѣ
Не то, что я желаю,
Но то, что Самъ восхощешь Ты!

Похваламъ не было конца: отецъ меня обнялъ, а мать плакала отъ умиленія; мнѣ тогда было около 6-ти лѣтъ, а теперь свыше 70 лѣтъ. Стихи сами по себѣ не важны, но то замѣчательно, какъ я ихъ удержалъ въ памяти въ теченіи столь долгаго времени.

Другое для меня сильное впечатлѣніе въ Сѣвскѣ было слѣдующее: я разъ видѣлъ, какъ одинъ маляръ, красившій куполъ одной церкви, оборвался съ веревки, за которую онъ держался, и полетѣлъ внизъ; не забуду никогда, какъ въ воздухѣ, на полетѣ, онъ дѣлалъ судорожныя движенія и какъ, наконецъ, онъ грохнулся о землю и распластался. Впечатлѣніе это такъ было сильно, что оно и теперь не изгладилось изъ моей памяти и часто во снѣ я вижу того падающаго человѣка, просыпаюсь и кричу...

А кажется, послѣ столь долгаго времени можно было забыть, но нѣтъ—помню.

Итакъ, жизнь въ Сѣвскѣ не оставила по себѣ особыхъ пріятныхъ воспоминаній.

Мы переѣхали въ городъ Дмитріевку. Это тоже маленькій городокъ, лежащій въ недалекомъ разстояніи отъ Сѣвска. Квартира наша, къ несчастью, была около самой бойни городского мясника;

каждый день мы слышали раздирающіе стоны разныхъ животныхъ, умирающихъ подъ ножемъ или обухомъ варварскаго мясника. Это терзало насъ всѣхъ. Рогатый скотъ, овцы и свиньи чутко слышатъ запахъ крови и вообще стenanія себя подобныхъ.

Городъ Дмитріевка оставилъ у меня еще другое воспоминаніе: на площади этого города выстроена была церковь, съ довольно высокою колокольнею, но не успѣли ее кончить, какъ она всею своею массою разрушилась до самаго основанія. Обстоятельство это оставило по себѣ тяжелое впечатлѣніе у жителей. Одни говорили, что будто-бы подъ фундаментомъ оказались водяные ключи, а другіе, что подъ онымъ обрѣли могилы святыхъ.

Впослѣдствіи времени, лѣтъ чрезъ 25, я проѣзжалъ чрезъ Дмитріевку и, глядя на вновь отстроенную колокольню на томъ-же мѣстѣ, я спросилъ своего ямщика: знаетъ-ли онъ, что когда-то вотъ эта колокольня упала?

— „Это правда“, сказалъ ямщикъ, „но это было давно, лѣтъ сто тому назадъ“. Тщетно я увѣрялъ его въ противномъ, онъ остался при своемъ убѣжденіи.

Но, главное, я помнилъ Дмитріевку по другому обстоятельству: здѣсь я, будучи мальчикомъ, захворалъ жестокою болѣзною, названія которой я не знаю.

Всѣ отчаялись въ моей жизни, дошло до того, какъ мнѣ говорила мать впослѣдствіи, что даже для меня заказанъ былъ гробикъ для моего погребенія. Меня спасъ огородный лукъ: нянька моя, подъ влияніемъ любви ко мнѣ, давала мнѣ все, къ чему протягивались мои рученки. Лукъ былъ въ изобиліи и на глазахъ и вотъ я ѣлъ его съ пожирающею жадностію. Болѣзнь уступила и, по увѣренію докторовъ, спасеніе мое обязано этому огородному луку. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ я спрашивалъ ихъ относительно цѣлебности лука и они подтвердили то-же. Итакъ, жизнь моя была спасена и бѣдный мальчикъ, благодаря Бога, остался живъ.

Въ 1824 году семейство наше переехало въ г. Бѣлгородъ. Это городъ Курской губерніи и находится теперь на Харьковской желѣзной дорогѣ. Въ прежнее время, да и теперь, онъ поражаетъ взоры своею бѣлизною, и немудрено: около него находится мѣловая гора, дающая обильный матерьялъ, чтобы быть бѣлымъ. Рѣка Донецъ и другая рѣчка, кажется, Синявка, даютъ жителямъ много удобствъ. Городское училище, куда я вскорѣ поступилъ, отличалось тогда своимъ благоустройствомъ, но что возмущаетъ мои воспоминанія,—это наказанія, практиковавшіяся въ семъ училищѣ. Лѣнивыхъ учениковъ облакали въ ветхую и совершенно оборванную

солдатскую шинель, навязывали на нее разные куски бумаги и тряпки и, сверхъ того, надѣвали на голову бумажный колпакъ и въ такомъ нарядѣ, который весьма не кстати называли порфирю, водили ученика на веревкѣ по городу, преимущественно-же по базару и лавкамъ. Такое уродливое наказаніе было постоянно въ ходу и никого не смущало.

Училищныя занятія начинались обыкновенно перекличкою учениковъ, кто на лицо и кого нѣтъ. Иногда получались отвѣты на вопросъ, почему такого нѣтъ, откликомъ: сапогъ нѣтъ. Оправданіе въ неимѣніи сапогъ тогда принималось за весьма уважительное, и не удивительно: мастера сапожники не были многочисленны и часто приходилось бѣгать босикомъ, пока появятся сапоги.

Потомъ дѣлалась расправа съ лѣнливыми; учитель смотрѣлъ списки аудиторовъ о томъ, кто изъ учениковъ зналъ урокъ и кто не зналъ. Подъ именемъ аудиторовъ разумѣлись тѣ ученики, кои прослушивали уроки другихъ и дѣлали о нихъ свои отмѣтки. Надъ всѣми аудиторами былъ еще аудиторъ аудиторовъ: это былъ первый изъ учениковъ. Учитель, смотря на отмѣтки аудиторовъ, наказывалъ незнающихъ уроковъ палами, т. е. ударами линейки по ладонямъ. Это было дѣло или, лучше сказать, расправа самая обыкновенная. Думаю, что тогдашніе учителя, воспитанные сами въ подобной школѣ, не безъ удовольствія и со всею жестокостію наносили удары мальчикамъ по ладонямъ. Криковъ со стороны ихъ не было, слышно было только лясканье. Лѣнливые ученики, не знавшіе своихъ уроковъ, предъ приходомъ учителя терли свои крошечныя ладони руку объ руку до красна или, лучше сказать, до онемѣнія, а потомъ, когда предъ ними появлялся съ линейкой суровый учитель, быстро подставляли ему свои дѣтскія ладони. Число ударовъ зависѣло отъ учителя; кажись это, повторяю, тѣшило ихъ.

Въ недавнее время я встрѣтилъ въ Кіевѣ одного весьма почтеннаго старца, учившагося вмѣстѣ со мною когда-то въ Глуховскомъ уѣздномъ училищѣ. Мы съ ужасомъ вспоминали о такъ называемыхъ палаяхъ или ударахъ линейкою по рукамъ, кои съ искусствомъ награждали одинъ изъ учителей, по имени Величко.

Я самъ старецъ, бывшій аудиторъ-аудиторовъ, подвергся этой-же пыткѣ, но не за незнаніе уроковъ, нѣтъ, а потому, что ученики въ классѣ, бывшіе подъ моимъ надзоромъ, на шумѣли и вотъ въ этотъ разъ я подвергся сему наказанію. Ладони мои послѣ ударовъ были красны и точно какъ будто ихъ кололи тысячами иголокъ. Все это я помню, какъ будто вчера случилось.

Да, было время, наказывали безъ сожалѣнія и звѣрски. Впро-

чемъ, казни и вообще тѣлесныя наказанія въ прежнее время были зауряднымъ дѣломъ.

Всякаго рода учебныя заведенія и торговныя площади, гдѣ производились, по обыкновенію, казни уголовныхъ преступниковъ, потомъ полковыя ученія на улицахъ, гдѣ солдатъ послѣ и во время ученія тутъ-же наказывали по произволу командира то палками, то палашиами, почасту оглашались крикомъ: „помилосердствуйте, кто въ Бога вѣруеть!“

И все это кончилось съ указомъ блаженной памяти милосерднаго императора Александра II, 17-го апрѣля 1863 года!

Да, велика заслуга этого государя предъ человѣчествомъ уничтоженіемъ тѣлесныхъ казней!

Событіе это еще недостаточно оцѣнено у насъ и только недавно маститый князь Н. С. Голицынъ („Русская Старина“, апрѣль мѣсяцъ 1890 г.) посвятилъ этому предмету прекрасную прочувствованную статью; при этомъ скажемъ, что первая записка объ отмѣнѣ тѣлесныхъ истязаній, послужившая началомъ обсужденія сего предмета, принадлежитъ князю Николаю Алексѣевичу Орлову („Русская Старина“, 1881 г., томъ XXXI, стр. 75—102).

Читая все это, нельзя не удивляться терпѣливости сносившихъ казни и любви въ старину властей къ нимъ.

Въ прежнее время, по городамъ, обыкновенно передъ казнію, барабанщикъ, съ извѣстнымъ числомъ гарнизонныхъ солдатъ, ходилъ по городу и барабанилъ, давая тѣмъ знать, что на площади будетъ совершаться казнь. Я говорю о гражданскихъ казняхъ. Народъ бѣжалъ на площадь и его очамъ представлялось слѣдующее: деревянный станокъ, называемый кобыла, приспособленный такъ, чтобы преступникъ могъ быть связанъ по рукамъ и ногамъ, въ полустоячемъ положеніи; около него стоялъ палачъ или, какъ его именovali въ Малороссіи, катъ, съ кнутомъ въ рукахъ.

И вотъ, по прочтеніи приговора, онъ, отступая отъ станка нѣсколько шаговъ, потомъ быстро приближаясь къ наказуемому, который былъ съ открытою спиною, наносилъ ему со всего размаха удары. Раздавались стоны и народъ имъ болѣзненно вторилъ.

Чѣмъ оправдать такіа казни?

Ничего другаго нельзя сказать, какъ то, что было такое время.

Если принять во вниманіе, что только дворяне и купцы первыхъ двухъ гильдій избавлены были отъ сего позорнаго наказанія, то можно себя вообразить, какъ многочисленны были по городамъ такіа казни. Сводъ нашихъ уголовныхъ наказаній до изданія

уложенія 1845 г. по преимуществу состоялъ въ присужденіи извѣстнаго числа ударовъ плетей или кнута.

Помню, иногда катъ съ разрѣшенія властей, при особой стражѣ, ходилъ по городу и въ особенности около лавокъ; лавочники съ трепетомъ въ рукахъ и отвращеніемъ въ лицѣ кидали ему монеты въ подставленную шапку, молясь, вѣроятно, въ душѣ: Боже, избавь меня отъ его рукъ! — Вотъ эти сцены поражали меня въ дѣтствѣ, чего, конечно, я никогда не забуду.

Но будемъ продолжать далѣе. Лѣтомъ 1825 года императоръ Александръ I, при проѣздѣ въ Таганрогъ, посѣтилъ г. Бѣлгородъ. Коляска его была желтая, это былъ любимый цвѣтъ его царствованія, а при императорѣ Николаѣ цвѣтъ этотъ замѣненъ синимъ.

По пріѣздѣ въ Бѣлгородъ, государь прямо направился въ женскій монастырь, гдѣ въ то время жила на старости лѣтъ двора Екатерины II-й штатсъ-дама, восприемница его, императора Александра, отъ купели, — Анна Иродіоновна Чернышева — супруга генералъ-фельдмаршала графа Захарія Григорьевича Чернышева. О ней въ „Русской Старинѣ“ 1870 г., т. II, и 1874 г., т. XI, помѣщены любопытныя свѣдѣнія; но независимо отъ сего, въ зрѣлыхъ лѣтахъ я слышалъ о ней нѣсколько анекдотовъ изъ устъ ея родственницы графини Софіи Владиміровны Строгоновой, умершей въ 1845 году. По ея описанію — Анна Иродіоновна была иногда богомолка, а иногда грозная и своенравная женщина. Она умерла въ Смоленскѣ въ 1830 г., 85 лѣтъ отъ роду, и погребена въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ.

Зимой того-же года жители города Бѣлгорода встрѣчали уже государя Александра мертваго: печальная колесница его направлялась изъ Таганрога въ Петербургъ, а гробъ съ останками его поставленъ былъ въ мѣстномъ соборѣ.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ сего, жители г. Бѣлгорода, а равно и ученики мѣстнаго училища, не смотря на ихъ малолѣтство, присягали императору Константину Павловичу, а немного спустя — насъ, учениковъ, снова повели въ церковь присягать императору Николаю Павловичу. Само собою, мы не понимали этой перемѣны; насъ, мальчугановъ, привели въ церковь, поставили предъ алтаремъ, велѣли поднять кверху два пальца правой руки и повторять вслѣдъ за священникомъ слова присяги. Теперь причина перемѣны въ престолонаслѣдіи ясна, а тогда была очень темною. Немудрено, что, такъ называемые, декабристы воспользовались этимъ и погубили массу невинныхъ солдатъ, говоря, что цесаревича Константина заставили насильно отказаться отъ престола.

Жизнь моей семьи въ Бѣлгородѣ была безъ особаго достатка.

И вотъ среди такой скудной обстановки отецъ мой, почти скоропостижно, умираетъ 28 января 1827 года, успѣвъ только, за нѣсколько часовъ до смерти, помолиться вмѣстѣ съ нами Богу и благословить насъ.

Мы остались сиротами. Къ счастью, мы, какъ дѣти, не чувствовали тяжкаго этого положенія; но поистинѣ можно сказать: свѣтъ не безъ добрыхъ людей! явились какія-то лица, вѣроятно, товарищи по службѣ отца, распорядились его похоронами, а насъ троицхъ отправили съ старою нянькою въ матерн въ Серединую Буду, снабдивъ на дорогу самымъ необходимымъ.

Въ тотъ самый годъ, день и часъ, когда отецъ въ г. Бѣлгородѣ испускалъ свой послѣдній вздохъ, въ Петербургѣ у Полицейскаго моста, въ домѣ Строгонова, родился младенецъ, князь Александръ Васильевичъ Голицынъ. Это былъ сынъ княгини Аглады Павловны Голицыной, рожденной графини Строгоновой.

Впослѣдствіи времени я былъ приглашенъ къ нему въ качествѣ первоначальнаго учителя, а потомъ, по окончаніи мною университетскаго курса, сдѣлался уже его наставникомъ.

Такое положеніе дало мнѣ возможность обставить всю мою жизнь и обезпечить мою семью возможнымъ благополучіемъ.

Да, Господь Богъ милосердъ былъ ко мнѣ.

Можно думать, что все это было дѣло случая; пожалуй, но случай этотъ ниспосланъ былъ Господомъ Богомъ, по Его милости и милосердію ко мнѣ, и въ этомъ я вижу Провидѣніе Божіе.

Путешествіе изъ Бѣлгорода въ Серединую Буду продолжалось нѣсколько дней. На пути, въ лѣсахъ, намъ повстрѣчался человѣкъ свирѣпый на видъ и весьма невзрачный. Онъ повелительно остановилъ насъ, задалъ намъ нѣсколько вопросовъ, кто мы и откуда, осмотрѣлъ нашу скудную обстановку и наши испуганныя дѣтскія лица, попросилъ хлѣба и денегъ и отпустилъ насъ съ Богомъ. Разумѣется, все ему дано было, что онъ просилъ, и самая передача совершалась трепетными нашими дѣтскими руками.

Послѣ ямщикъ съ испугомъ объявилъ намъ, что это былъ, навѣрно, разбойникъ, но побоялся Бога и не зарѣзалъ насъ, дѣтей.

Вспоминая это событіе, я видѣлъ въ немъ новое проявленіе милости Божіей. По пріѣздѣ въ Серединую Буду, матушка поручила мое дальнѣйшее обученіе одной барышнѣ, по имени Надеждѣ Михайловнѣ Подобѣдовой. Но увы, я, бывши въ Бѣлгородскомъ училищѣ, едва-ли не болѣе зналъ моей воспитательницы. Обученіе мое у ней ограничивалось тѣмъ, что она, раскрывъ какую-либо книгу,

задавала мнѣ прочесть изъ нея, говоря: отсюда — досюда. Само собою это, при умѣннѣ читать бойко и быстро, не составляло для меня никакого труда. Она обучала и другихъ мальчиковъ; ея квартира была чѣмъ-то въ родѣ школы; насъ, мальчиковъ, было чело-вѣкъ десять. Къ ней мы являлись рано утромъ, поѣвши сначала хорошо дома. На дорогу матушка снабжала меня разными съѣдомыми продуктами, въ родѣ яицъ, хлѣба, огурцовъ и кіушоковъ или кукурузы.

Вотъ этими продуктами набивши карманы шароваръ, мы являлись въ школу Надежды Михайловны. Ученіе наше начиналось и продолжалось чтеніемъ вслухъ, во всю гортань, заданныхъ уроковъ. Намъ казалось, что мы, читая громко, вовсе не мѣшаемъ другъ другу и что наши уши не были оглушены общимъ гамомъ. Чтеніе состояло въ повтореніи одного и того-же заданнаго урока.

Часовъ въ школѣ не было, — мѣриломъ времени служилъ гвоздь, воткнутый въ подоконникъ: это было что-то въ родѣ солнечныхъ часовъ. Тѣнь отъ гвоздя, то увеличиваясь, то уменьшаясь, смотря по ходу солнца, служила указаніемъ времени. Всѣ мы зорко слѣдили за тѣнью отъ гвоздя и вдругъ, съ неописанною радостію, ближайшій къ мѣрилу времени ученикъ кричалъ: вже. Это значило, что тѣнь отъ гвоздя дошла уже до замѣтки, т. е. времени завтрака. Ученіе быстро прекращалось; мальчики, вскочивъ изъ-за скамеекъ, быстро доставали принесенное ими съѣдомое и пожирали, — затѣмъ начинались игры: кувырканье, борьба другъ съ другомъ, игра въ шаръ, мячъ и бабки. Эта послѣдняя была что-то въ родѣ азартной игры.

Ловкіе мальчики, къ коимъ я и себя безспорно причислялъ, выигрывая у другихъ бабочныя кости и тутъ-же продавая, скопляли тѣмъ капиталы изъ нѣсколькихъ грошей, а иногда и цѣлаго мѣднаго пятака, или много, много десяти копеекъ. Тѣмъ не менѣе взоръ счастливца игрока мальчика сіялъ неописанною радостію, когда въ карманѣ своихъ шароваръ онъ ощупывалъ нѣсколько выигранныхъ грошей. Игра эта мнѣ въ особенности задалась, и я, действительно, обладалъ ею въ совершенствѣ. Промаховъ почти не было и правая моя рука наловчилась съ дѣтства до того, что я и въ зрѣлыхъ лѣтахъ и даже до сего времени чувствую крѣпость и ловкость въ ней.

Увѣряю, что въ теченіи многолѣтней моей жизни мнѣ по разнымъ дѣламъ случалось зарабатывать и класть въ свой карманъ даже тысячи рублей, но я не былъ такъ радъ, какъ тогда, когда выигрывалъ въ дѣтствѣ нѣсколько грошей въ бабки. Такъ времена переменчивы.

Я не знаю другой игры, болѣе распространенной въ Россіи,

какъ игра въ бабки. Эту игру между русскими мальчиками можно встрѣтить вездѣ: и въ столицахъ, и въ городахъ, и по деревнямъ. Скажу болѣе, что, бывши въ Петербургѣ и служа тамъ по Министерству Юстиціи, въ чинѣ чуть-ли не статскаго совѣтника, я позади Казанскаго собора случайно увидѣлъ цѣлую толпу мальчиковъ, игравшихъ въ бабки. Смотри на нихъ, я невольно вспомнилъ бывшее, остановился, выѣшался въ ихъ говоръ и условился съ ними такъ: если я дамъ промахъ,—плачу имъ гривенникъ, а если собью съ кона бабки, то выдеру за чубъ кого-либо изъ нихъ. Условіе принято. Каждый изъ нихъ совалъ мнѣ въ руки свой битокъ; я взялъ его сначала у одного, потомъ у другаго и кончилось тѣмъ, что мнѣ пришлось, разумѣется шутя и съ любовію, выдрать за чубъ многихъ изъ нихъ и только для потѣхи я сдѣлалъ нарочно нѣсколько промаховъ и заплатилъ мальчикамъ условленные гривенники, чѣмъ они, конечно, остались крайне довольны, а въ головѣ моей промелькнуло цѣлыхъ 30, если не болѣе, лѣтъ. Пожалуй кто-либо, видя меня играющимъ въ бабки, причислитъ бы меня къ сумасшедшимъ, но это было только живое воспоминаніе дѣтства.

Ученіе мое у Подобѣдовой продолжалось около года, а между тѣмъ въ это время многіе изъ насъ, учениковъ, кончали свои книги. Обстоятельство это сопровождалось непремѣнно особымъ празднествомъ.

Родители окончившаго книгу приносили въ школу горшокъ медовой каши, съ нѣсколькими воткнутыми въ нее мѣдными монетами; все это ставилось на столъ въ учительницѣ и всѣ ученики коштовали или пробовали ложкою эту кашу, поздравляя и учительницу, и ученика. Этотъ обычай, кажется, былъ общимъ въ Малороссіи и едва-ли онъ не существуетъ и до сихъ поръ, особенно въ школахъ у дьячковъ и священниковъ.

Мнѣ не привелось, однако-жъ, приносить медовую кашу къ ней, такъ какъ я читалъ всѣ русскія книги одинаково бойко, безъ всякаго приготовленія.

Я оставилъ школу Подобѣдовой; тетушка моя, сестра матери моей, Марія Ивановна Атрѣшкова, жившая въ селѣ Берѣзѣ, что около города Глухова, взяла меня къ себѣ. Семью ея и вообще домъ, по своей обстановкѣ, я считалъ барскими.

Марія Ивановна имѣла четверехъ сыновей. Одинъ изъ нихъ, Наркизъ Ивановичъ Атрѣшковъ, извѣстенъ былъ, въ свое время, въ Петербургѣ, 1830—1860 гг., по своей суетливости, изобрѣтенію разныхъ нововведеній, изданію журналовъ общепользныхъ свѣдѣній и сочиненій Пушкина по смерти его, пріобрѣтенію Батюшевскихъ

имѣній и, наконецъ, отчасти по учрежденію „Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита“. О немъ даже Пушкинъ при жизни упоминалъ, но только умышленно коверкалъ его имя, называя его Отрыжковымъ („Сочиненія Пушкина“, изданіе г. Суворина, книга VIII, стр. 387).

Атрѣшковъ, дѣйствительно, прославившаяся личность, однако-жь—не въ хвалебномъ смыслѣ, а въ обратномъ.

Когда-нибудь о немъ мы расскажемъ особенно, а теперь, упомянувъ, что онъ умеръ въ крайней бѣдности, будемъ продолжать свою исторію.

Марія Ивановна Атрѣшкова, кромѣ сына Наркиза, имѣла еще трехъ сыновей и четырехъ дочерей. Одну изъ нихъ называли Елизаветой и вотъ подъ ея-то ближайшее вѣдѣніе я и поступилъ.

Дѣвушка эта, преисполненная романтизма, занялась въ особеннѣйшей степени мною,—я въ самое короткое время прочелъ съ нею всѣ тогдашніе романы, бывшіе въ домѣ тетушки, а равнымъ образомъ изучилъ и пѣсни того времени. Романъ „Викторъ“ или дитя въ лѣсу; пѣсни „Гусаръ, на саблю опираясь“ и другія, все это было разучено. Однимъ словомъ, мы читали, восхищались, вздыхали, глядя на луну, дѣлали свои лица блѣдными, выпивая для сего порядочныя дозы уксуса, и щурили глаза. Румяный цвѣтъ лица тогда былъ не въ модѣ. Я, разумѣется, самъ, бывши 12-ти лѣтъ, не сочувствовалъ всему этому, но невольно долженъ былъ подражать Елизаветѣ Ивановнѣ. Загорѣлое отъ солнца лицо тогда считалось признакомъ мужицкой натуры и дурнаго воспитанія, поэтому лицо мое Елизавета Ивановна иногда приказывала мыть сывороткой и огуречнымъ рассоломъ. Часто мнѣ хотѣлось отъ нея шмыгнуть къ мальчикамъ или на конюшню къ лошадямъ; иногда это удавалось, но она настойчиво требовала, чтобы я былъ около нея. Съ меня она брала письменныя и словесныя клятвы о томъ, что я не буду убѣгать отъ нея; разумѣется, клятвы безпрестанно нарушались и натура мальчика брала свое.

Въ 1828 году чрезъ с. Березу проходили въ турецкую войну гвардейскіе гусары. Гг. офицеры сочли своимъ долгомъ посѣтить домъ тетушки и очаровать моихъ кузинъ Атрѣшковыхъ. Помню—въ числѣ гусаръ былъ одинъ изъ Муравьевыхъ. Все время стоянки въ селѣ Березѣ гусары почти не выходили изъ дома тетушки. Музыка, пѣсни, романсы, писаніе стиховъ въ альбомы, общанія извѣщать съ дороги, намеки на теплую дружбу и любовь—все было въ ходу. Наконецъ, настало время разлуки; гусары удалились, кузины мои загрустили и зачитывались стихами, оставленными ими

въ альбомахъ, даже втихомолку вздыхали и плавали и что-то про себя писали. Я, мальчикъ, за время стояннн гусаръ былъ забыть моею Елизаветою Ивановною. Долго потомъ мои барышни не забывали гусаръ, вспоминая и разбирая между собою: кто изъ нихъ былъ лучше и красивѣе; всякая хвалила своего избраннаго.

Кузинъ этихъ давно нѣтъ на свѣтѣ, остались дѣти ихъ и внуки, но я не забылъ ихъ и помню рассказанное мною, какъ будто недавно все это случилось.

Лѣтъ сорокъ послѣ сего, я, проѣздомъ изъ Глухова въ с. Локотки, заѣзжалъ въ с. Березу и само-собою я, съ замираніемъ сердца, подѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ была усадьба Атрѣшковой; моимъ глазамъ представилось слѣдующее: вмѣсто обширнаго дома была куча мусора, такъ какъ домъ ея сгорѣлъ до тла лѣтъ десять предъ симъ,—и только въ одномъ углу бывшаго двора стояла полуразрушенная небольшая избушка.

Я вошелъ въ нее. Тамъ сидѣлъ старецъ. „Какъ тебя зовутъ?“ спросилъ я его.—„Микита,“ отвѣчалъ онъ.—„А, ты былъ кучеромъ у Марьи Ивановны Атрѣшковой?“—„Да,“ сказалъ онъ, устремивъ на меня пытливый свой взоръ.—„Ты меня не знаешь?“ продолжалъ я, „а помнишь-ли Миколашу-панича, котораго ты возилъ въ Глуховъ въ классы? Вотъ я и есть Миколаша, посмотри-ка хорошенько,—авось узнаешь“. Микита испуганными глазами началъ въ меня всматриваться, потомъ, схвативъ мои руки, припалъ къ нимъ устами и началъ горько навзрыдъ плакать. Скажу, что я и самъ былъ тогда уже сѣдой, а, вспоминая минувшее, заплакалъ вмѣстѣ съ Микитой слезно. Мы обнялись и разстались.

Засимъ я побывалъ на могилѣ Марьи Ивановны, поклонился ей праху и поѣхалъ далѣе.

Глуховское уѣздное училище въ мое время ничѣмъ не отличалось отъ Бѣлгородскаго училища: то же задаваніе уроковъ ученикамъ отсюда—досюда по книгамъ, безъ всякаго объясненія со стороны учителя, тѣ же наказанія по рукамъ линейкою практиковались и въ Глуховѣ. Но здѣсь были, однако-жъ, и свои особенности: это поднесеніе учениками учителямъ подарковъ послѣ каждого каникулярнаго времени и праздниковъ. Каждый ученикъ мало-мальски состоятельныхъ родителей, являясь въ училище, непремѣнно заходилъ къ учителю на домъ и подносилъ ему подарки, говоря: „вотъ это отъ папеньки или маменьки, или отъ дяди“ и т. п. Подарки состояли преимущественно въ разной живности: одинъ подносилъ пѣтуха, другой — курицу, индюшку и т. д. Все это впускалось въ комнату, гдѣ жилъ учитель, и служило залогомъ преуспѣянія ученика въ будущемъ въ наукахъ.

Экзамены въ Глуховѣ были торжественны; собирались родители и интересующаяся публика. Ученикамъ задавались мудренныя задачи, по преимуществу изъ ариметики, такъ, напримѣръ, я помню задачу изъ одного арифметическаго учебника въ стихахъ; она начиналась такъ: „Одной новопріѣзжей французской мадамъ вздумалось цѣнить свое богатство въ чемоданѣ“. Затѣмъ исчислялись ея наряды, въ томъ числѣ какое-то фуру и т. д., и упускались только нѣкоторыя вещи изъ ея нарядовъ, стоящія копейки. Требовалось опредѣлить всю сумму и по частямъ. Ученики, изучившіе эту задачу, заблаговременно, быстро и съ улыбкой ее разрѣшали, чѣмъ въ особенности приводили въ восторгъ своихъ родителей.

Все это возбуждало смѣхъ въ публикѣ, а національное чувство при насмѣшкѣ надъ француженкой, льстило самолюбію русскихъ матерей.

Извѣстная задача: летѣло стадо гусей, а на встрѣчу ему одинъ гусь, также была предметомъ изумленія публики.

Преподавался въ училищѣ нѣмецкій языкъ, изученіе котораго ограничивалось знаніемъ членовъ: *der, die, das* и глаголовъ *ich liebe*; предъявлялись на экзаменъ и рисунки, состоявшіе въ изображеніи глазъ, ушей, носа и ногъ, но цѣлаго лица или корпуса человѣка не обрѣталось,—это было выше знанія учителя рисованія.

Помню, въ мое время (1828 г.) смотрителемъ училища былъ Казанскій, учителемъ ариметики Алексѣй Филипповичъ Величко, а попечителемъ Александръ Михайловичъ Марковичъ, бывшій впоследствии (1832—1838 гг.) губернскимъ предводителемъ дворянства.

Самъ я въ Глуховскомъ училищѣ былъ въ родѣ главнаго репетитора и назывался аудиторъ аудиторовъ. Я каждый день прослушивалъ аудиторовъ, которые въ свою очередь слѣдили за уроками другихъ учениковъ. Учитель просматривалъ списки и затѣмъ, вооружась линейкою, снабжалъ ладони лѣнивыхъ учениковъ палками. Однимъ словомъ, повторялся обиходъ Бѣлгородскаго училища.

Знаніе мною ариметики обратило на себя вниманіе учителя Величко, онъ предложилъ мнѣ быть въ его пансіонѣ въ родѣ репетитора его учениковъ. Мнѣ было 12 лѣтъ и само-собою я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе и поселился у него.

Прежде-же сего я жилъ въ квартирѣ у купца Фомы Павловича Пискунова. Фигура его была замѣчательна: это былъ невообразимый толстякъ; жена его, по своей корпораціи, была совершенная ему пара; руки свои они носили не иначе, какъ на животѣ. Пискуновъ торговалъ хлѣбными продуктами и всякимъ зерномъ; скупая продукты

въ осеннее время, когда все было дешево, и продавая оныя зимою и по веснѣ, онъ нажилъ себѣ значительное состояніе. Я помню, у него видѣлъ весьма порядочной величины сундукъ, наполненный серебряными рублями.

Бывало, онъ отворить сундукъ и, показывая мнѣ монеты, говорить: бачишь, хочешь? и увидѣвъ мою утвердительную улыбку, произносить: а другаго не хочешь? Подъ другимъ онъ разумѣлъ не совсѣмъ удобное слово для употребленія въ печати. То же самое бывало и съ медомъ или съ саломъ: показывая мнѣ ложку мѣду или кусъ сала, говорилъ: хочешь? — а затѣмъ: а того не хочешь? и т. д. Были и варіаціи шутокъ Ѳомы Ивановича. Иногда онъ настойчиво требовалъ, чтобы я непремѣнно протянулъ къ нему руку, для полученія отъ него монеты, но лишь только я протягивалъ свою руку къ его рукѣ, какъ кулакъ его превращался въ кукишъ, поднесенный имъ къ самому моему носу. Очевидно, Ѳома Павловичъ былъ большой шутникъ или комикъ своего рода.

Каждое утро, вставая, онъ начиналъ свой день чтеніемъ вслухъ житія святыхъ и, слушая его, я познакомился смолоду съ чудесами святыхъ угодниковъ.

У него была дочь Меланія и сынъ Григорій; послѣдній былъ дурковатъ, а дочь—чувствительная и толстая дѣва. Къ несчастію, она была малограмотна и на бѣду влюбилась въ какого-то парня. Получивъ отъ него любовную цидулку, ей нужно было отвѣтить ему; что дѣлать? она обратилась ко мнѣ и я, подѣ ея диктовку, написалъ нѣжный отвѣтъ.

Переписка эта вскорѣ была обнаружена отцомъ; я получилъ строгій выговоръ, но сама она подверглась болѣе внушительнымъ вразумленіямъ. А чрезъ нѣсколько дней ворота дома моего Ѳомы Павловича оказались вымазанными дегтемъ: это по обычаю хохловъ означало, что домъ его обезчещенъ. Можетъ быть, это было дѣло негодяя и гнусной клеветы, но тѣмъ не менѣе обстоятельство это крѣпко огорчило моихъ хозяевъ, супруговъ Пискуновыхъ.

Я переѣхалъ на квартиру Величко; у него былъ пансіонъ, учились дѣвочки и мальчики, послѣдніе ходили въ классы, а дѣвочки оставались дома и брали уроки. Здѣсь, кромѣ научныхъ предметовъ, обучали танцамъ. Одинъ изъ танцевъ назывался митродура, а казачекъ былъ въ большемъ ходу.

Глуховъ въ 1825 году былъ малымъ городкомъ. По самой главной улицѣ были развалины нѣкогда малороссійскихъ коллегій, оставшихся отъ упраздненнаго гетманства; церковь Троицы, какъ и нынѣ, была любимымъ храмомъ этого города.

Сами жители были очень религіозны, соблюдали строго посты и вѣрили всѣмъ знаменіямъ и примѣтамъ. Разъ зимою въ 1828 г., надъ самымъ Глуховымъ, на небѣ виденъ былъ радужный большой кругъ, въ срединѣ его ясный полный мѣсяцъ и отъ него лучами образовался, широкими полосами, громадный крестъ, а по сторонамъ круга, въ углахъ креста, видны были четыре огненныхъ большихъ шара.

Всѣ жители города выбѣжали съ испугомъ на улицу, стали на колѣни, падали ницъ и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, заголосили навзрыдъ, полагая, что пришелъ конецъ міра и вотъ, вотъ Ангелъ Божій вострубитъ въ рогъ, призывая грѣшниковъ стать ошую, а праведниковъ одесную. Былъ общій раздирающій плачь. Ревѣли и мы, дѣти. Небесное это явленіе продолжалось около часу и затѣмъ, мало по малу блѣднѣя, исчезло. Жители, измученные страхомъ, не скоро успокоились: молились всю ночь и на другой день правили молебны о Божескомъ милосердіи, ожидая печальныхъ событій.

Немудрено, была турецкая война.

Явленіе это осталось надолго въ памяти жителей города Глухова и еще недавно въ г. Кіевѣ я вспомнилъ объ этомъ съ однимъ моимъ сверстникомъ, видѣвшимъ тоже это знаменіе. Онъ глубоко вѣрилъ, что это было чудное, Божеское явленіе, предвѣщавшее народное бѣдствіе, но теплыми молитвами вѣрующихъ жителей г. Глухова оно было отклонено.

Одинъ только учитель А. Ф. Величко, знатокъ ариметики и физики, объяснялъ это явленіе законами отраженія лунныхъ лучей въ сгущенной зимней атмосферѣ, но ему никто не вѣрилъ, называя его безбожникомъ.

Насталъ 1829 годъ и мнѣ представилась возможность отправиться въ Петербургъ.

Въ заключеніе о г. Глуховѣ скажу, что изъ среды его вышли замѣчательныя личности, именно дѣти Артемія Яковлевича, сыновья Никола, Ѳеодоръ и Семенъ Артемьевичи Терещенко.

Отецъ ихъ, Артемій, былъ скромный торговецъ хлѣбныхъ продуктовъ и крестьянскихъ принадлежностей, но сыновья, въ особенностяхъ Никола и Ѳеодоръ Артемьевичи, въ теченіи четырехъ съ небольшимъ послѣднихъ десятилѣтій, изъ скупщиковъ хлѣба и сахара возросли до небывалыхъ размѣровъ крупнѣйшихъ торговцевъ, землевладѣльцевъ, заводчиковъ, благотворителей и, наконецъ, любителей и покровителей искусствъ. Никола Артемьевичъ былъ мой сверстникъ, ибо воспитывался со мною въ Глуховскомъ училищѣ въ одно и то-же время.

Города Глуховъ, Кіевъ и другія мѣста преисполнены пожертвованіями братьевъ Терещенко въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, но г. Глуховъ, какъ родина ихъ, остался священнымъ мѣстомъ для нихъ. Въ память сего они въ настоящее время въ этомъ городѣ создаютъ великолѣпный храмъ, и въ нижнемъ подвальномъ этажѣ онаго устраиваютъ для всей фамиліи своей мѣсто вѣчнаго упокоенія. Городъ этотъ, можно сказать, облагодѣтельствованъ ими.

Упоминая объ этомъ, я еще могу засвидѣтельствовать о томъ, что ни они, братья Терещенко, ни дѣти ихъ, идущія по слѣдамъ ихъ, ни другіе члены ихъ фамиліи, никогда не говорятъ, а тѣмъ болѣе не хвалятся своими пожертвованіями, — черта рѣдкая въ людяхъ, которые сами себя пробили дорогу. Описаніе дѣятельности этой почтенной фамиліи заслуживало бы особаго изложенія, тѣмъ болѣе, что это было бы отчасти и исторія развитія русскаго землевладѣнія за послѣднія десятилѣтія не только въ юго-западномъ краѣ, но и въ сопредѣльныхъ къ нему губерніяхъ, именно: Курской, Черниговской и Могилевской. Въ подтвержденіе сего скажемъ, что, по слухамъ, фамиліею Терещенко въ пяти губерніяхъ, за послѣднія десятилѣтія, приобрѣтено болѣе ста пятидесяти тысячъ десятинъ земли.

За полезную дѣятельность Артемій Яковлевичъ Терещенко съ сыновьями возведенъ былъ покойнымъ государемъ императоромъ Александромъ II въ дворянское достоинство. Нынѣ всѣ сыновья его состоятъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и украшены, по заслугамъ, звѣздами. Вообще, фамилія Терещенко — по своей любви къ благотворительности и развитію заводской и торговой промышленности — занимаетъ первое мѣсто въ юго-западномъ краѣ и Малороссіи.

Н. М. Родмаковъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

II ').

Переѣздъ въ Петербургъ.—Дядя Павелъ Лузановъ.—Швейцаръ университета Савельичъ.—Наркиъ Атрѣшковъ.—Жизнь у булочника.—Поступленіе въ батальонъ военныхъ кантонистовъ.—Графъ П. А. Клейнмихель.—Выходъ изъ батальона и поступленіе въ университетъ.—Профессоръ Чижевъ.—Ректоръ Дегуровъ.—Встрѣча съ М. Н. Любошинскимъ.—Профессоръ Райковский, Ивановскій, студентъ Зубовъ.—Профессоръ Н. В. Гоголь.—И. С. Тургеневъ.—И. П. Мухоминъ.—П. А. Плетневъ.—Шнейдеръ.—Фишеръ.—А. В. Никитенко.—П. С. Порошинъ.—Братья Куторги.

удемъ продолжать нашъ разсказъ. Одинъ глуховскій помѣщикъ, отправляя въ Петербургъ разную провизію и съ нею посылая для обученія трехъ крестьянскихъ дѣвчушекъ, съ этою оказіею задумалъ отправить и меня.

Первоначально я долженъ былъ пріѣхать къ дядѣ Павлу Ивановичу Лузанову въ с. Локотки Глуховскаго уѣзда, недалеко отъ Шостенскаго пороховаго завода. Онъ не имѣлъ дѣтей, посему или вообще, какъ бойкій мальчикъ, я ему понравился; онъ помѣстилъ меня въ свою библіотеку, гдѣ мнѣ представилась возможность прочесть, въ переводѣ на русскій языкъ, древнихъ мудрецовъ.

По жизни дядя мой былъ человѣкъ доблаго, но прежняго закала.

1) См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 23—43.

Помню: въ одну изъ субботъ внесли въ мою комнату скамейку, явился человѣкъ съ розгами, а за нимъ появился и самъ дядя. — „Ну, Николаша,“ сказалъ онъ, „хотя ты и хорошій мальчикъ, но все-таки сегодня суббота, и чтобъ ты былъ всегда такимъ, треба тебя постегать!“ — „Какъ!“ вскричалъ я: „За что? Да меня никогда и нигдѣ не сѣкли!“ — „Да сегодня суббота“, повторилъ дядя. „Такъ что-жъ?“ отвѣчалъ я. Не знаю, убѣждался-ли мои доводами дядя или нѣтъ, но, къ счастью, на мои крики появилась тетушка Елисавета Михайловна и избавила меня отъ позорнаго стеганія. „А въ наше время“, заключилъ совершенно спокойно дядя: „насъ всегда по субботамъ поролъ; правъ-ли былъ хлопецъ или нѣтъ—ложись и дѣло съ концомъ!“

Дѣйствительно, по рассказамъ стариковъ того времени, въ школахъ малороссійскихъ, а въ особенности содержимыхъ духовенствомъ, суббота была днемъ поголовнаго сѣченія всѣхъ учениковъ.

Но самъ я лично принадлежалъ тогда къ новому поколѣнію.

Началось приготовленіе мое къ отъѣзду въ Петербургъ: сшили мнѣ фризую шинельку, смастерили изъ одежды кой-что и другое, рассчитали, что мое путешествіе продолжится съ небольшимъ мѣсяцъ, дали мнѣ 10 рублей деньгами, мѣшокъ крупъ, сала нѣсколько фунтовъ и заснѣмъ благословили въ путь.

Дядя, прощаясь со мною, прослезился, вспоминая, вѣроятно, то время, когда и онъ, при подобныхъ-же обстоятельствахъ, ѣхалъ въ Петербургъ. Матушка, бывшая при моемъ отъѣздѣ, навзрыдъ плакала, но ничего не могла мнѣ дать на дорогу,—скудность ея средствъ сильно одолѣвала.

Сумма денегъ, выданныхъ мнѣ на дорогу, казалась мнѣ тогда неистощимою, но, увы! на дѣлѣ вышло не такъ. Путешествіе наше на возу, съ одною лошадыю, проводникомъ и тремя дѣвушками, начавшееся въ половинѣ іюня 1829 г., окончилось едва въ концѣ августа того-же года. Ыхали мы, разумѣется, шагомъ, проѣзжая верстъ 20 или нѣсколько болѣе въ день,—и то не сплошь, а по часту дневали; приходилось безъ счету идти пѣшкомъ и босикомъ, сберегая сапоги и облегчая лошадь отъ излишней тяжести, а въ особенности при подъемѣ въ гору. На поляхъ и въ лѣсу, гдѣ обрѣталась вода, мы останавливались и варили кашу изъ крупъ съ саломъ, а въ городахъ запасались хлѣбомъ. Ыхали мы чрезъ Новгородъ-Сѣверскъ, Стародубъ, Мглинъ, Рославль, Смоленскъ и т. д. Всего пути намъ предстояло сдѣлать около 1100 верстъ.

Въ Смоленскѣ, въ годъ моего проѣзда, въ 1829 году, т. е. чрезъ 17 лѣтъ послѣ 1812 г., я видѣлъ еще обгорѣлыя зданія и разрушенныя стѣны.

Пріѣхавши на Пулковую гору, откуда виденъ былъ Петербургъ, проводникъ нашъ указалъ намъ на городъ, но, разумѣется, ничего опредѣленнаго рассмотреть не могли, но вдругъ ни съ того, ни съ чего спутницы мои начали плакать, а за ними и я. Утѣшить насъ было нечѣмъ: будущее для насъ представлялось неизвѣстнымъ, а разлука съ родиною являлась очевидною.

Остановились мы на Васильевскомъ острову, у какого-то знакомаго нашему проводнику, который привезъ насъ въ Петербургъ. Собственно меня послали къ Наркизу Ивановичу Атрѣшкову, но мнѣ сперва нужно было отыскать дядю моего Колмакова, Ивана Акимовича, у котораго жилъ мой братъ Александръ. Для этого я отправился въ университетъ, который въ то время находился въ Семеновскомъ полку.

Я безъ труда нашелъ университетское зданіе, смѣло и не снимая шапки, вошелъ въ швейцарскую, гдѣ швейцаромъ тогда былъ, извѣстный въ то время и многіе послѣдующіе годы, Савельичъ. Прежде нежели я объяснилъ ему цѣль моего прихода, Савельичъ встрѣтилъ меня гнѣвнымъ вопросомъ: „чтожъ ты шапку-то не ломаешь, а? Не видишь образа на стѣнѣ, или не знаешь съ кѣмъ говоришь?“ При этомъ Савельичъ указалъ мнѣ на свою грудь, увѣшанную многими медалями и крестами.

Я струхнулъ, быстро снялъ шапку, извинился и повторилъ свой вопросъ. Савельичъ видимо смягчился; „а зачѣмъ тебѣ профессоръ Колмаковъ?“ спросилъ онъ меня. „Да это мой дяденька, я пріѣхалъ изъ Малороссіи и не знаю, гдѣ онъ живетъ!“ „Вотъ такъ-бы вы и сказали!“ произнесъ онъ смягченнымъ голосомъ, мѣняя ты на вы.

Такимъ образомъ разговоръ мой съ Савельичемъ кончился совершенно въ дружескомъ тонѣ и я получилъ отъ него всѣ нужныя свѣдѣнія. Черезъ пять лѣтъ послѣ сего я былъ уже студентомъ юридическаго факультета и, встрѣтивъ въ швейцарской Савельича, напомнилъ ему о первомъ нашемъ знакомствѣ. Къ удивленію моему, онъ меня не забылъ, и описанное обстоятельство послужило основаніемъ моихъ многолѣтнихъ съ Савельичемъ пріязненныхъ отношеній. Онъ почасту впослѣдствіи меня и другихъ снабжалъ книгами и записками, кои ему оставляли кончившіе курсъ студенты.

Всѣ студенты и профессора петербургскаго университета, начиная съ конца 1820-хъ годовъ, чуть-ли не въ теченіи болѣе полувѣка, помнили Савельича и относились къ нему съ большимъ сочувствіемъ, любили его, и потомъ, когда онъ умеръ, почтили его похороны сердечнымъ и дружескимъ поминовеніемъ.

Дядю я нашелъ жившимъ на дачѣ въ Старой деревнѣ; въ его

семьѣ жилъ и мой братъ Александръ, бывшій тогда уже студентомъ. Само собою, всѣ они рады были меня видѣть и тотчасъ-же занялись обмундированіемъ меня по столичному, а вопросъ о томъ, что 'со мною дѣлать, не входилъ въ ихъ соображеніе.

Наркиза Ивановича Атрѣшкова я тоже нашелъ безъ затрудненія. Положеніе его было не самостоятельное; мысль о томъ, что я пріѣхалъ собственно къ нему, будучи присланъ его матерью, видимо тяготила его, а потому, весьма понятно, онъ желалъ, какъ можно скорѣе, устроить меня. Онъ началъ съ того, что повезъ меня въ Инженерное училище, чтобы опредѣлить меня на казенный счетъ, но послѣдовалъ отказъ, по неимѣнію вакансіи. Засимъ Атрѣшковъ заставилъ меня написать и подать на высочайшее имя прошеніе съ изъясненіемъ, что я сирота, нахожусь безъ крова и пищи и т. д. Въ то-же время онъ помѣстилъ меня на квартирѣ у одного булочника, по имени Котцеля, жившаго на углу Столярнаго переулка и Мѣщанской, въ домѣ Даниберга. Хозяинъ мой былъ нѣмецъ чужацъ; пѣлую ночь онъ работалъ, не покладая рукъ, а утромъ товаръ свой распредѣлялъ между разносчиками, производилъ съ ними расчетъ за минувшій день и, хлебнувъ чарки три водки, ложился спать. Чужацество его состояло въ томъ, что онъ своихъ разносчиковъ руссопетовъ-мужиковъ заставлялъ пѣть и по преимуществу одну и ту-же пѣсню. Пѣснь эта теперь почти забыта, но тогда она пѣлась съ большою охотою и азартомъ. Пѣснь эта слѣдующая:

За горами, за долами,
Бонапарте съ пиясунами
Вздумаѣ ровень стать,
Вздумаѣ ровень стать.
Скоро польскимъ онъ наскучилъ,
Музыкантовъ перемучилъ,
Семъ на Русь пойду,
Семъ на Русь пойду и т. д.

Парень, пѣвшій эту пѣсню, былъ большой весельчакъ: онъ пѣлъ приплясывалъ, прищелкивалъ пальцами и приводилъ моего нѣмца въ неистовый восторгъ. Въ учащенномъ подчиваніи, со стороны хозяина нѣмца своихъ разносчиковъ, не было недостатка. Жена нѣмца булочника, слыша спозаранку пѣсни и гамъ, выскакивала изъ своей спальни и напоминала ему о благочиніи, но въ отвѣтъ отъ него получала такой подзатыльникъ, что мгновенно убѣгала, пряталась подъ мою кровать и охала долго еще послѣ утренняго веселья ея мужа.

Во всякомъ случаѣ нѣмцы супруги, по отношенію ко мнѣ, были

добрѣйшими людьми: они кормили меня досыта и даже любили. Теперь, спустя 60 лѣтъ, когда я слышу запахъ отъ спеченныхъ булокъ, что случается всякій разъ при проходѣ около булочной, я всегда съ любовью вспоминаю моихъ петербургскихъ нѣмцевъ-Котделовъ. Вѣроятно, они давно уже отошли въ вѣчность, но воспоминанія о нихъ до сихъ поръ не изгладились изъ моей памяти.

Было 1-е октября 1829 года, праздникъ Покрова Пресвятой Богородицы; шелъ снѣгъ съ перемежкой дождя; я сидѣлъ у окна въ моей квартирѣ у булочника и безотрадно съ грустію смотрѣлъ на улицу. Вдругъ подъѣзжаетъ на курьерской телѣжкѣ, въ одну лошадь, къ окну булочника солдатъ и, называя мое имя, спрашиваетъ: не здѣсь-ли я живу? Я вздрогнулъ, сказалъ свое имя и получилъ такой отвѣтъ: „миѣ-то тебя и нужно! Изволь одѣваться и ѣхать со мною; ты опредѣленъ, по высочайшему повелѣнію, въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ“. Что такое баталіонъ военныхъ кантонистовъ—я не зналъ, а потому не безъ боязни поспѣшилъ одѣться и, объяснивъ моимъ хозяевамъ, куда меня везутъ, отправился съ посланнымъ.

У Поцѣлуева моста, на Мойкѣ, рядомъ съ домомъ интендантства, стоитъ и теперь обширное зданіе,—это и было помѣщеніе баталіона военныхъ кантонистовъ. Въ настоящее время на этомъ зданіи красуется другое названіе—„главное военно-судное управленіе“. Здѣсь же помѣщаются военно-окружной судъ и военно-юридическая академія.

Мы подъѣхали къ воротамъ: часовой, стоявшій около нихъ, выпустилъ насъ и снова заперъ. Точно какъ будто тюрьма, подумалъ я, и дѣйствительно это было что-то въ родѣ тюрьмы.

Курьеръ, везшій меня, сдалъ по командѣ и при этомъ вручилъ пакетъ, кому слѣдуетъ, въ коемъ значилось, что я, за неимѣніемъ вакансій въ кадетскихъ корпусахъ, опредѣленъ въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Засимъ быстро облекли меня въ сѣрую куртку самого грубаго солдатскаго сукна, съ желтымъ узкимъ воротникомъ, который такъ сильно давилъ мою шею и горло, что я чуть не задыхался, но о такомъ стѣсненіи нельзя было заявлять. Мальчики кантонисты окружили меня и осматривали съ ногъ до головы, говоря: вотъ новичекъ! Лица ихъ были грубы и по нимъ можно было догадаться, что это были „по большинству“ солдатскія дѣти. Глядя на нихъ и на всю солдатскую обстановку, я горько заплакалъ. Засимъ, ложась спать, горячо молился Богу и тихо заснулъ. Въ эту первую ночь я видѣлъ сонъ, который остался миѣ памятнымъ навсегда, а главное, онъ крѣпилъ постоянно мой

духъ и давалъ мнѣ мочь впослѣдствіи переносить все съ терпѣніемъ, въ надеждѣ на лучшія времена. Мнѣ снилась широкая рѣка и я видѣлъ себя плавающимъ по ней смѣло и безъ усталости съ одного берега на другой. Проснувшись, сталъ разбирать и разъяснять себѣ, что означаетъ этотъ сонъ. Я растолковалъ его въ самомъ благопріятномъ смыслѣ.

Нужно сказать, что во время малолѣтства моего матушка моя, какъ истая хохлячка, каждое утро рассказывала окружающимъ ее, что она въ ту ночь видѣла во снѣ и какъ нужно понимать ея сонъ, (она слѣпо вѣрила снамъ), и я къ этому привыкъ. И вотъ, слѣдуя сему, я свой сонъ объяснилъ такъ: рѣка текущая—значить жизнь, а легкое плаваніе мое по ней выражаетъ то, что Богъ меня сохранить и что я буду жить хорошо. Я глубоко вѣрилъ въ истину моего сна и потому на всѣ тягости и трудности моего пребыванія въ баталіонѣ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и даже впослѣдствіи на всѣ невзгоды смотрѣлъ съ надеждою, что все кончится благополучно. Такъ и вышло.

На другой день моего поступленія въ батальонъ ко мнѣ приставили десятскаго и начали учить фронту. Фронтъ этотъ состоялъ въ неподвижной стойкѣ тѣла и рукъ, поворачиваніи головы и глазъ справа налево и наоборотъ и, наконецъ, въ медленномъ подниманіи и опусканіи ногъ. Тихій учебный и скорый учебный шагъ, при отсутствіи всякаго движенія головы и рукъ, не давались мнѣ. Говорили, что я плохъ во фронтѣ.

Теперь всѣ эти приемы не существуютъ. Нынѣшнее поколѣніе кадетъ и прочей военной молодежи смѣялись-бы до упаду, если-бы увидѣли тогдашняго фронтовика; но таково было время! Прежній фронтъ отличался отъ нынѣшняго не только неподвижностію всего тѣла, но даже отсутствіемъ дыханія. Слово команды смирно означало въ нѣкоторомъ смыслѣ—не дыши.

Подготовивъ меня въ такомъ духѣ, я ожидалъ смотра для представленія высшему начальству. Таковое представленіе не замедлилось: ожидали приѣзда главнаго начальника военныхъ поселеній, къ коему причислялся и баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Начальникъ этотъ былъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель.

Я стоялъ во фронтѣ съ другими новичками ни живъ, ни мертвъ. Наконецъ, подошелъ ко мнѣ графъ съ окружавшею его свитою и, окинувъ меня своимъ быстрымъ взглядомъ, спросилъ: „учился“?—„Учился“, отвѣчалъ я. „Что знаешь?“ спросилъ онъ меня опять.—„Усе“ сказалъ я.—„Какъ усе?“ продолжалъ графъ съ усмѣшкою.—„Ариѳметику, геометрію, исторію и т. д.“ быстро забормоталъ я.—„Ого!“ вскрикнулъ графъ: „въ инженерную его роту!“ и удалился.

Вотъ это хохлацкое „усе“ вмѣсто все и распоряженіе графа рѣшило мое будущее направленіе—и жизнь. Графъ Петръ Андреевичъ, украшенный звѣздами и окруженный свитою, показался мнѣ тогда превыше всѣхъ сущихъ на землѣ и вершителемъ моей судьбы. Да онъ былъ таковымъ и на самомъ дѣлѣ не только для меня, но и для многихъ безъ числа людей. Имя его впоследствии много лѣтъ было на вершинѣ власти, но и онъ упалъ. Но во время своей отставки онъ почасту гулялъ по Большой Морской въ Петербургѣ. Я былъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Встрѣтивши его, я на него взглянулъ, припоминалъ бывшее и слово „усе“ и невольно скинулъ предъ нимъ шляпу. Онъ былъ видимо изумленъ, но поспѣшно и съ какою-то робостію поклонился мнѣ.

Вотъ какъ времена измѣнчивы!

Будемъ продолжать дальше.

Инженерная рота, куда меня помѣстили въ тотъ-же день, отличалась и научными предметами, кои въ ней преподавались, и всею вообще обстановкою. Въ классахъ этой роты преподавали весьма обстоятельно: фортификацію, математику въ объемѣ полного курса гимназій, архитектуру, съемку или землеѣріе, черченіе и рисованіе и нѣкоторые другіе предметы общаго образованія.

Всѣ эти науки были мнѣ по душѣ, я ихъ изучалъ съ большимъ прилежаніемъ и чрезъ полтора или два года былъ уже въ числѣ лучшихъ учениковъ въ высшемъ классѣ; при томъ поступленіе въ этотъ классъ избавляло меня отъ фронтובהго ученія, что мнѣ было весьма пріятно. Но такое положеніе не было по душѣ моему ротному командиру Закалушину, который, не касаясь научныхъ предметовъ, смотрѣлъ только за фронтובהю выправкою. Онъ постоянно, какъ увидить меня въѣ классовъ, такъ и кричитъ: „а ты, Колмаченокъ, дурно маршируешь, а за тебя мнѣ достанется,—становись!“ и тотчасъ начиналъ меня муштровать. Это былъ человѣкъ безъ особаго образованія, но тѣмъ не менѣе онъ былъ хорошей души; я его помню и никогда не забуду. Бывало ночью, обходя комнаты и видя меня занимавшимся около столика, онъ кричалъ: „А ты опять съ книгами! А ты пропадешь, пропадешь“... и т. д. Я думаю, что онъ меня, какъ скромнаго мальчика, любилъ, но только по своему выражалъ эту любовь. Съ нимъ у меня были слѣдующія еще исторіи: въ классахъ былъ инспекторомъ нѣкто полковникъ Короботъ съ большими знаніями. Онъ тоже выражалъ ко мнѣ свои добрыя чувства и расположеніе. Бывало придетъ въ классы рисованія, подойдетъ ко мнѣ и начинаетъ поправлять мой рисунокъ и объяснять, что и какъ слѣдуетъ; но были также такіе случаи, что,

не видя меня въ классахъ и узнавъ, что ротный командиръ послалъ меня вмѣсто классовъ на ученіе, тотчасъ отправлялся въ залу, гдѣ происходили фронтовья ученія, и тутъ происходила сцена между инспекторомъ и ротнымъ. Первый увѣрялъ, что мое мѣсто, какъ ученика старшаго класса, въ классахъ, а не на ученіи, а второй— что будто-бы я совсѣмъ плохо марширую, а потому долженъ сперва учиться маршировкѣ, а потомъ уже ходить въ классы. Пререканія кончались, разумѣется, въ пользу класснаго ученія.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, и я назначенъ былъ къ выпуску въ инженерные кондукторы, но увы, по лѣтамъ былъ молодъ да и ростомъ былъ малъ, а потому выпускъ мой былъ отложенъ. Разумѣется, я скорбѣлъ и жизнь въ баталіонѣ, безъ отпуска со двора, казалась крайне тяжкою,—я началъ помышлять о томъ, какъ-бы избавиться отъ военной службы и поступить въ университетъ. Счастье мнѣ улыбнулось. И сонъ мой, рассказанный выше, началъ осуществляться.

Просьба моей матери и родныхъ, о выпускѣ меня на волю изъ баталіона, оставалась безъ вниманія, но въ судьбѣ моей приняла участіе графиня Софія Владиміровна Строганова, жившая у Полицейскаго моста въ собственномъ домѣ. И вотъ благодаря ей, я, наконецъ, освободился изъ списка баталіона кантонистовъ.

Послѣ сего, я началъ съ жаромъ готовиться къ поступленію въ университетъ и въ особенности пришлось заниматься латинскимъ языкомъ и чрезъ полтора года, именно въ августѣ 1834 г., смѣло предсталъ на экзамень.

Правленіе университета, гдѣ молодые люди подвергались испытанію, было въ то время въ домѣ Штерича, у Семеновскаго моста. На порогѣ правленія я встрѣтилъ молодаго человека весьма пріятной наружности, съ открытымъ лицомъ и замѣчательно хорошими волосами. Онъ явился также, чтобъ подвергнуться испытанію для поступленія въ университетъ. Сдѣлавши съ робостью другъ другу поклонъ, я спросилъ, какъ его зовутъ. „Маркъ Николаевичъ Любоцинскій“, отвѣчалъ онъ. „А меня“, сказалъ я, „Николай Марковичъ Колмаковъ!“

Перевертень нашихъ именъ заставилъ насъ обоихъ улыбнуться,—мы подали другъ другу руки и сразу почувствовали взаимное дружеское расположеніе, обратившееся впослѣдствіи въ сердечную братскую любовь. Съ этими чувствами мы оставались всю нашу жизнь.

Онъ умеръ 11 іюля 1889 года, членомъ государственнаго совѣта. Миръ праху твоему, вѣрный другъ и сердечный товарищъ; рѣчь моя о тебѣ будетъ впереди!

Къ экзамену всѣ собравшіеся молодые люди приступили со страхомъ и робостью. Явился ректоръ Дегуровъ. Это былъ маленький ростомъ сѣдой старичекъ и, поздоровавшись съ нами по французски, просилъ приступить къ дѣлу. Французское обращеніе съ нами Дегурова и повтореніе имъ безпрестанно словъ: *messieurs*, производило на насъ непріятное впечатлѣніе. Тутъ-же на экзаментъ мы слышали, что онъ французъ, когда-то былъ секретаремъ извѣстнаго Робеспьера и убѣждалъ, спасаясь отъ эшафота, изъ Франціи.

Экзаментъ изъ математики пугалъ всѣхъ, но я смѣло приблизился къ профессору Ѳеодору Васильевичу Чижову. „Ну-съ“, сказалъ онъ: „что вы знаете?“ — „Все“, отвѣчалъ я: „что слѣдуетъ по программѣ и что вамъ угодно будетъ меня спросить!“

И дѣйствительно, на всѣ его вопросы изъ алгебры и тригонометріи я отвѣчалъ твердо и отчетливо. Онъ удивился, спросилъ меня, гдѣ я готовился, и поздравилъ меня съ полными баллами.

Ѳеодоръ Васильевичъ въ 1834 году былъ еще молодымъ профессоромъ и оставилъ о себѣ среди студентовъ добрую память. Личность Чижова ярко обозначилась впоследствии, какъ ученаго математика, полезнаго дѣятеля по разнымъ направленіямъ, въ особенности по желѣзнодорожному и банковому, и, наконецъ, сердечнаго славянофила благотворителя, и скажемъ истину, что любовь свою къ славянамъ и вообще къ народу и благотворительность Чижовъ успѣлъ вдохнуть воспитаннику своему Григорію Павловичу Галагану, дѣятельность котораго также заслуживаетъ особой біографіи.

Г. П. Галаганъ тоже былъ студентъ с.-петербургскаго университета и почти въ одно время со мною (1840 г.). Тутъ, вѣроятно, онъ и встрѣтился съ Чижовымъ и впоследствии вмѣстѣ съ нимъ путешествовалъ по славянскимъ землямъ. Чижовъ оставилъ по себѣ еще особую память. Принужденный жить въ Кіевской губерніи, онъ научилъ крестьянъ извѣстнаго раіона разведенію шелковичныхъ червей.

Но мы отклонились отъ разсказа. Пріемные экзамены по прочимъ предметамъ прошли благополучно и мнѣ объявили, что я принятъ въ число студентовъ. Вмѣстѣ со мною и Любошинскимъ поступили многіе молодые люди, въ томъ числѣ изъ высшаго круга, такъ я помню князя Г. А. Щербатова, графа А. Д. Блудова, П. П. Убри, графа Шувалова. Со мной вступили также В. П. Степановъ, Павелъ Алексѣевичъ Зубовъ, братья Пильшеры и проч. Въ высшихъ курсахъ тогда были графъ Нессельроде, Н. Грановскій, (1835 г.) Печоринъ, Ив. Сергѣевичъ Тургеневъ (1837 г.) и другіе.

Помню, графъ Нессельроде и князь Щербатовъ сначала ѣздили

въ университетъ съ гувернерами, но съ гувернеромъ перваго случилась оказія: онъ на лекціи заснулъ и храпѣлъ, а потомъ свалился, какъ снопъ, со скамейки; произошелъ смѣхъ, послѣ чего онъ пересталъ появляться въ университетѣ.

Когда достигнешь старости, то воспоминаніе о студенческомъ періодѣ времени самое пріятное. Всего лучше это время назвать весною жизни.

Петербургскій университетъ, въ періодъ конца 1830-хъ, 1840-хъ и 1850-хъ годовъ, былъ неоднократно описанъ, а потому мнѣ, казалось-бы, нѣтъ повода говорить объ этомъ еще; но, однако-жъ, есть нѣкоторые частные случаи, кои сами просятся подъ перо, а потому я не могу отказать себѣ въ удовольствіи сказать хотя нѣсколько словъ о профессорахъ, студентахъ и вообще времени, начиная съ 1834 г.

Ректоръ Дегуровъ, какъ выше сказано, былъ препротивная личность и, дѣйствительно, по наружности своей, онъ не возбуждалъ симпатіи: маленькій, сѣдой, худой, съ безпокойными глазами, съ пустыми фразами на языкѣ; все это вмѣстѣ отталкивало отъ него; о дѣятельности его я ничего не слыхалъ. Онъ часто появлялся по утрамъ въ университетѣ и, увидя какого-либо студента не въ формѣ, подходилъ къ нему съ любезностью и, подавая ему руку свою на подобіе танцующаго кавалера, приглашающаго даму къ танцамъ, произносилъ „monsieur“—и выводилъ студента за дверь аудиторіи, а иногда даже и до самой швейцарской.

Одинъ разъ выдался такой день, что онъ меня два раза выводилъ изъ аудиторіи, а между тѣмъ въ тотъ день шла репетиція или экзаменъ латинскаго языка. Я боялся пропустить время и очередь вызова, а потому, очутившись въ швейцарской, обратился къ Савельичу:

— „Ради Бога, дай мнѣ какой-либо мундиръ!“

Савельичъ бросился къ своему сундуку, гдѣ у него хранились платья отъ прежнихъ студентовъ; долго онъ рылся и, наконецъ, подалъ мнѣ одинъ изъ мундировъ, который, по его мнѣнію, близко подходилъ къ моей объемистой корпораціи. Съ трудомъ я натянулъ его на свои плечи и хотя чувствовалъ, что мнѣ трудно будетъ двигать руками и плечами, однако-жъ, пошелъ въ аудиторію. Меня окликнули; я подошелъ къ столу и хотѣлъ взять книгу, кажется, Салюстія, для перевода, но, увы! мои руки не сходились, чтобы взять книгу. Я началъ усиленно натуживаться, слышу, что-то трещитъ, и кончилось тѣмъ, что мой мундиръ, во всю длину спины, отъ самага воротника до фалдочекъ, разлетѣлся пополамъ по шву.

Громкій хохот огласилъ залъ, однако-жъ, все кончилось благополучно. Экзаменъ сданъ, чего-же болѣе, но явилась другая бѣда, какъ сдать Савельичу мундиръ? И дѣйствительно, онъ взрыдалъ, увидя его, но, убаянный моимъ вознагражденіемъ, умаялся, затихъ и самъ началъ смѣяться.

Догматическое богословіе и каноническое право первое время читалъ у насъ протоіерей Баженовъ, но вскорѣ замѣнилъ его Райковский, тоже священникъ. Баженовъ, какъ извѣстно, поступилъ ко двору и оставилъ по себѣ весьма пріятныя воспоминанія. Лекціи его посѣщались весьма многими студентами, даже и тѣми, для конхъ лекціи его не относились къ факультетскимъ занятіямъ.

Напротивъ того, Райковский возбуждалъ жалобы студентовъ своими неумѣстными требованіями. Въ особенности онъ приводилъ въ отчаяніе своими вопросами, кои прямо не относились къ дѣлу; такъ, напримѣръ, онъ настойчиво требовалъ, чтобы студенты знали непременно пунктъ за пунктомъ всѣ статьи Вселенскихъ соборовъ, а также отдѣльно всѣ члены Символа вѣры, хотя послѣдній предметъ прямо и не входилъ въ составъ экзамена. Напримѣръ, обращаясь къ студенту, онъ спрашивалъ:

— „Скажите мнѣ 7-й или 9-й членъ Символа вѣры“.

Студентъ, зная наизусть весь Символъ вѣры, затруднялся сказать прямо и отдѣльно текстъ того или другаго пункта Символа вѣры. Райковский, нисколько не стѣсняясь, ставилъ студенту неодобрительные баллы и тотъ уходилъ отъ стола съ кляузой фізіономіею. Такихъ случаевъ было много, но есть всему конецъ!

Разъ въ числѣ ассистентовъ на экзаменъ былъ профессоръ Ивановскій. Райковский, по обыкновенію своему, началъ задавать вопросы студентамъ о Символѣ вѣры въ разбивку. А засимъ, не получая отъ нихъ отвѣтовъ, награждалъ ихъ единицами.

— „Позвольте, произнесъ Ивановскій Райковскому, — скажите мнѣ, профессоръ, какая буква въ русскомъ алфавитѣ на 9-мъ мѣстѣ?“

Райковский задумался и замаялся.

— „А позвольте, снова сказалъ Ивановскій, — на 17-мъ мѣстѣ какая буква?“

— Право не знаю, отвѣчалъ Райковский.

— „Какъ-же вы, профессоръ, продолжалъ Ивановскій, — обвиняете студентовъ въ томъ, что они не знаютъ въ разбивку Символа вѣры, а сами не знаете на какомъ мѣстѣ стоятъ буквы русскаго алфавита“.

— Что-же вы хотите этимъ сказать? заявилъ смущенный Райковский.

— „А то, продолжалъ Ивановскій, — что ваши неодобрительные

баллы студентамъ есть верхъ несправедливости, а потому прошу уничтожить сіи баллы и допустить студентовъ снова къ экзамену“.

Райковский, краснѣя и досадуя, долженъ былъ согласиться съ Ивановскимъ. Случай этотъ, кажется, надолго отбилъ у него охоту озадачивать студентовъ спросомъ отдѣльныхъ пунктовъ Символа вѣры.

Райковский читалъ въ послѣднее время нравственное богословіе, философію и логику, но это былъ наборъ безцвѣтныхъ фразъ, правоученій, сказанныхъ безъ всякой системы и толку.

Время это было гоненіе на науку вообще.

Съ Райковскимъ у насъ случилась разъ такая исторія: онъ какъ-то на лекціи исчислялъ совершенства Господа Бога и опредѣлялъ величіе Его.

Вдругъ студентъ Павелъ Зубовъ встаетъ и произноситъ громогласно басомъ и съ пафосомъ:

— „По моему, Господь Богъ есть величайшій поэтъ, а міроизданіе Его есть величественная поэма!“

Услышавъ это, Райковский поднялъ руки кверху и вскричалъ: „Боже! что я слышу?“ и засимъ стремительно бросился къ выходу изъ аудиторіи. Произошелъ конфузъ, разразившійся общимъ дружескимъ и продолжительнымъ смѣхомъ. Кажется, Райковский жаловался кому слѣдуетъ. Зубова призывали и онъ по своему подтвердилъ правдивость своего опредѣленія о Богѣ. Такимъ образомъ жалоба Райковского осталась безъ послѣдствій.

Кстати о Зубовѣ: онъ былъ страшный поклонникъ, находившагося тогда въ апогеѣ своей славы, Александра Сергѣевича Пушкина. Онъ имъ бредилъ, читая кстати и некстати восторженные его стихи, становясь въ позу импровизатора. Стоило было, хотя въ шутку, намекнуть о какомъ-либо несовершенствѣ Пушкинскихъ стиховъ, какъ Зубовъ приходилъ въ азартъ. Такимъ онъ остался до старости и смерти. Онъ превосходно игралъ изъ „Горя отъ ума“ роль Фамусова и, по заявленію знатоковъ, послѣ Щепкина былъ одинъ только Зубовъ.

Разъ онъ намъ принесъ извѣстіе о томъ, что Пушкинъ съ Жуковскимъ и Плетневымъ будутъ въ университетѣ на лекціи у Гоголя. Всѣ, разумѣется, ждали съ нетерпѣніемъ этого дня. Я видѣлъ вошедшими ихъ всѣхъ въ университетъ, но самъ, къ крайнему сожалѣнію, на лекціи Гоголя на этотъ разъ не былъ.

По рассказамъ другихъ, лекція эта далеко не удовлетворила слушателей. Изъ другихъ-же лекцій средней исторіи всѣ, да и самъ Гоголь, убѣждался, что онъ не профессоръ исторіи. Тогда было

известно, что Гоголь попалъ въ профессора вслѣдствіе своей статьи о движеніи народовъ въ средніе вѣка. Статья эта была напечатана въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и весьма поправилась бывшему министру графу Сергѣю Семеновичу Уварову. Она обличала въ авторѣ скорѣе даровитаго живописца и писателя, нежели глубокаго мыслителя-историка. Вообще нужно сказать, что профессура Гоголя потерпѣла фіаско и самъ онъ началъ хворать. Голова его, по случаю-ли боли зубовъ или по другой причинѣ, постоянно была подвязана бѣлымъ платкомъ; самый видъ его былъ болѣзненный и даже жалкій, но студенты относились къ нему съ большимъ сочувствіемъ, что было, разумѣется, послѣдствіемъ его талантливыхъ сочиненій.

Но, Боже мой, что за длинный, острый, птичій носъ былъ у него. И не могъ на него прямо смотрѣть, особенно вблизи, думая: вотъ клюнетъ и глазъ вонъ. Вотъ почему на лекціяхъ его я всегда садился съ боку, чтобы не подвергнуться такому мнимому впечатлѣнію.

Читая изъ исторіи то одно, то другое, онъ всегда переходилъ къ разсказу о движеніи народовъ. Ясно, что предметъ этотъ служилъ ему какъ бы заручкой или опорой историческихъ его знаній.

Профессура его продолжалась недолго. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ намъ указалъ на нѣкоторыхъ авторовъ, сочиненія которыхъ могли служить намъ руководствомъ къ изученію исторіи среднихъ вѣковъ. Отъѣздъ Гоголя и оставленіе имъ лекцій были неожиданны и отразились на насъ весьма неблагоприятно. Профессоръ Шульгинъ на экзаменѣ задавалъ намъ такіе вопросы, которые вовсе не входили въ программу лекцій Гоголя. Вотъ тутъ случилась такая оказія: въ числѣ студентовъ старшаго курса былъ и приснопамятный Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Ему попался на экзаменѣ вопросъ о пыткахъ, или такъ называемомъ Божіемъ судѣ. Известно, что Иванъ Сергѣевичъ обладалъ знаніемъ иностранныхъ языковъ, а потому не удивительно, что онъ много читалъ изъ иностранныхъ источниковъ и на заданный вопросъ могъ отвѣчать весьма обширно. Отвѣчая, Тургеневъ, между прочимъ, сказалъ, что въ числѣ пытокъ огнемъ и другими способами былъ еще особый родъ оныхъ, именно: испытаніе посредствомъ телячьяго хвоста, намазаннаго саломъ. Услышавъ это, Шульгинъ, пытливо взглянувъ на Тургенева, поспѣшно сказалъ: „что такое, что такое?“ Тургеневъ продолжалъ: „да, посредствомъ телячьяго хвоста, намазаннаго саломъ; приводили взрослаго теленка, брали его хвостъ, намазывали его густо перегусто саломъ и заставляли человека, подвергнутаго испытанію, взяться за этотъ хвостъ и держаться, что есть мочи, а между тѣмъ

теленка ударили крѣпко хлыстомъ. Разуѣтся, теленокъ рвался и бѣжалъ опрометью. Если испытуемый удерживался, то считали его правымъ, если нѣтъ — виноватымъ“.

Шульгинъ съ усмѣшкой выслушалъ и сказалъ: „гдѣ это вы читали?“ Тургеневъ смѣло наименовалъ автора. Отвѣтъ Тургенева не понравился Шульгину: онъ сжалъ свои губы, — произошла нѣмая, непріятная сцена. Засимъ онъ сталъ задавать Тургеневу другіе вопросы по части хронологіи и, разуѣтся, Шульгинъ достигнулъ своего: Тургеневъ сдѣлалъ ошибку и получилъ неодобрительную отмѣтку. Засимъ и кандидатство его улыбулось.

Едва ли эта исторія не была началомъ того, что Тургеневъ впоследствии сталъ недоувѣрчиво относиться къ властямъ и уѣхалъ за границу доканчивать свое образованіе.

Въ 1853 г., т. е. черезъ 18 лѣтъ послѣ описаннаго испытанія, я видѣлъ Ивана Сергѣевича въ С.-Петербургѣ, на квартирѣ Сергѣя Ивановича Заруднаго, въ домѣ Пуштина, у Пѣвческаго моста. Я припомнилъ ему исторію о телячьѣмъ хвостѣ, — само собою, мы смѣялись. А черезъ 30 лѣтъ, именно въ 1883 г., глазамъ моимъ представилось слѣдующее: длинная процессія по Забалканскому проспекту въ С.-Петербургѣ, по направленію къ Волкову кладбищу, съ безчисленными вѣнками, свидѣтельствовала, что Иванъ Сергѣевичъ со славою отошелъ въ вѣчность. (Онъ умеръ за границей). Въ какой мѣрѣ телячья исторія отразилась на его жизни, это унесено имъ въ могилу!

Далѣе, изъ старыхъ профессоровъ петербургскаго университета конца 1830-хъ годовъ рѣзко выдѣлялся Петръ Александровичъ Плетневъ († 25 декабря 1865 г.). Это памятная личность въ былое время; мы его отличали отъ прочихъ профессоровъ. Онъ читалъ или, лучше сказать, долженъ былъ читать русскую литературу; но, по правдѣ сказать, мы ее въ полномъ объемѣ не слыхали. Не смотря на то, лекціи его были весьма занимательны. Онъ былъ чрезвычайно обходителенъ со студентами, что влекло ихъ къ нему. Мы знали, что онъ былъ близокъ къ императорской семьѣ (читалъ лекціи наслѣднику цесаревичу), другъ В. А. Жуковскаго и А. С. Пушкина. Лекціи свои онъ едва-ли не начиналъ и кончалъ Пушкинымъ. Въ немъ онъ видѣлъ не только геніальнаго поэта, но и глубокаго философа, одареннаго высшимъ знаніемъ челоувѣческой природы. Отношенія Плетнева къ Пушкину извѣстны въ нашей литературѣ. Смерть А. С. Пушкина въ 1837 г., 29-го января, оплакана была Плетневымъ на кафедрѣ горячими слезами.

Припоминаю еще то, что Плетневъ предоставлялъ своимъ сту-

дентамъ выбрать любой предметъ, развитъ его на письмѣ и затѣмъ съ кафедръ читать о немъ во время его лекціи. Вслѣдствіе сего происходила бесѣда, гдѣ Петръ Александровичъ выказывалъ свои взгляды на избранный предметъ и выслушивалъ сужденія студентовъ. Не знаю почему, я избралъ для своей бесѣды предметъ готическая архитектура и написалъ о ней, но увѣ! бесѣда моя вызвала справедливыя нареканія.

По счастливой случайности Петръ Александровичъ въ теченіи многихъ лѣтъ жилъ рядомъ со мною на Беклешовской дачѣ и это дало мнѣ возможность часто его видѣть, совершать прогулки и бесѣдовать съ нимъ. Онъ былъ вдовъ, имѣлъ дочь Ольгу, вышедшую за А. Б. Лакиера, служившаго вмѣстѣ со мною въ министерствѣ юстиціи. Ольга Ивановна была воспитана Ишимовою,—извѣстною сочинительницей дѣтскихъ книгъ. Впослѣдствіи, Плетневъ, въ старческихъ годахъ, женился на княжнѣ Щетининой при романтической обстановкѣ. Отъ сего брака онъ имѣлъ двухъ сыновей.

Сказавши о Плетневѣ, не могу не упомянуть о профессорѣ Шнейдерѣ, который читалъ намъ римское право. Къ своему предмету онъ относился съ большою важностію и выказывалъ въ немъ обширныя свѣдѣнія. Входя въ аудиторію, онъ иногда сочувственно провозглашалъ и поздравлялъ насъ всѣхъ съ днемъ рожденія то одного, то другаго мудреца древности. Мы вставали, кланялись и привѣтливо относились къ его заявленію. Вообще онъ былъ, и по виду и по научнымъ своимъ познаніямъ, уважаемая личность, а вмѣстѣ съ тѣмъ крайне снисходителенъ къ студентамъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ 1850-хъ годахъ я былъ начальникомъ отдѣленія гражданскихъ дѣлъ въ министерствѣ юстиціи. Въ одинъ день входитъ въ отдѣленіе профессоръ Шнейдеръ, ведя за собою юношу-сына, и говоритъ мнѣ: „были годы, когда я былъ вашимъ профессоромъ и старался передать вамъ свои познанія въ наукахъ, а вотъ теперь настало другое время: я пришелъ къ вамъ съ сыномъ и прошу васъ передать ему наши практическія знанія на дѣлѣ“.

Эта простая рѣчь глубоко тронула меня,—я отнесся къ его сыну съ большимъ сочувствіемъ.

Профессоръ Фишеръ читалъ намъ антропологию и метафизику. По фигурѣ своей всегда важный, высокаго роста, въ бѣломъ галстухѣ и синемъ вицъ-мундирѣ, онъ казался намъ крайне ученымъ мужемъ. Но отъ его ученія у меня и, смѣло могу сказать, у многихъ моихъ товарищей не осталось ничего. Провозглашаемые имъ истины, по своей сухости, какъ-то плохо воспринимались нами.

Въ 1835 и 1836-мъ году прибыли изъ-за границы молодые ученые Неволинъ, Калмыковъ, Порошинъ, Ивановскій, Баршевъ, Кранифельдъ и Куторга. Всѣ они заняли кафедры старыхъ профессоровъ, которые приняли ихъ не совсѣмъ дружелюбно. Такъ, Шульгинъ на магистерскомъ экзаменѣ Мих. Семенов. Куторги старался продѣлать съ нимъ такую-же штуку, какъ и съ Тургеневымъ, т. е. сбить въ хронологіи. Не мудрено: Куторга поступалъ на кафедру исторіи, слѣдовательно, дѣлался Шульгину конкурентомъ; но студенты примкнули къ новымъ.

Имена Неволіна, Калмыкова извѣстны по своимъ ученымъ изданіямъ, но я останавлиюсь только на Викторѣ Степановичѣ Порошинѣ († 1868 г.). Онъ получилъ кафедру политической экономіи и статистики. Предметы эти были совсѣмъ заброшены въ университетѣ, а потому возобновленіе ихъ ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ. Порошинъ былъ небольшого роста, пріятной наружности и казался очень молодымъ. Костюмъ его былъ своеобразный: рубашка съ отложнымъ воротничкомъ, галстухъ цвѣткой, завязанный узелкомъ съ нависшими кончиками, все это было для насъ ново. Однимъ словомъ, онъ, по виду, былъ юноша первой молодости, а потому онъ намъ казался чѣмъ-то особеннымъ. Не знаю почему, но на первую лекцію онъ выбралъ предметъ о Михаелелѣ. Тутъ мы съ изумленіемъ услышали и познали, что Порошинъ былъ человекъ начитанный всесторонне и съ глубокими познаніями. Аудиторія, гдѣ онъ читалъ свои лекціи, наполнялась студентами всѣхъ факультетовъ. Но все это продолжалось недолго (онъ оставилъ кафедру въ 1844 г.). Кафедра политической экономіи и статистики была закрыта, самъ Порошинъ впалъ въ немилость.

Говорили, что Порошину приписывали нѣсколько недобрителныхъ фразъ и стиховъ, сказанныхъ будто-бы имъ по поводу сооруженія и открытія Александровской колонны. Говорили еще, что будто-бы онъ разъ опоздалъ на лекціи въ то время, когда попечитель Мусинъ-Пушкинъ былъ уже въ аудиторіи. „Вы опоздали“, сказалъ ему попечитель. Порошинъ, посмотрѣвъ на часы, сказалъ: „дѣйствительно“ и, войдя на кафедру, началъ лекцію. Засимъ, будто-бы попечитель приказалъ за это вычесть изъ его жалованія, но оказалось, что Порошинъ все свое жалованіе жертвовалъ на бібліотеку. Такъ или иначе—Порошинъ вышелъ въ отставку. А между тѣмъ въ изученіи статистики чувствовалась величайшая потребность. Правда, географъ Константинъ Ивановичъ Арсеньевъ, состоя начальникомъ статистическаго отдѣленія въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, началъ издавать работы по этой части, но его труды

были только собраніе данныхъ по части русской статистики, но безъ ученой разработки и безъ всякаго изложенія теорій этой важной науки. Первые-же лекціи Порошина по части статистики показали намъ, что она есть наука весьма важная, государственная, и что безъ нея, какъ безъ руля на кораблѣ, нельзя править народомъ.

Дальнѣйшая судьба Порошина печальна; надъ нимъ и вообще надъ его семьей стряхнулось бѣдствіе и въ особенности горе въ видѣ тяжбы, которая, какъ я думаю и увѣренъ, омрачила его разсудокъ. Дѣло это мнѣ совершенно извѣстно, а потому я, въ уваженіе памяти о Порошинѣ, не могу не повѣдать о семъ. Вотъ его суть. У матери Порошина, изъ рода Ланскихъ, было двѣ сестры: одна Александра, замужемъ за генераломъ Потуловымъ, а другая осталась въ дѣвицахъ. Послѣ нея, по наслѣдству, матери Порошиной досталось имѣніе Олтушъ въ Гродненской губерніи. Ради чего и почему, но только извѣстно, что дѣвица Ланская предъ смертію своею, въ возрастѣ семнадцати лѣтъ, выдала генералу Потулову заемныхъ писемъ на 300 т. съ обезпеченіемъ на имѣніе Олтушъ.

Вотъ, по смерти ея, Потуловъ обратился съ искомъ въ матери Порошина, указывая на имѣніе Олтушъ, состоявшее въ Гродненской губерніи, гдѣ въ то время дѣйствовалъ Литовскій статутъ.

Дѣло доходило до государственнаго совѣта, который въ искѣ отказалъ по тому уваженію, что дѣвица Ланская, какъ несовершеннолѣтняя, по Литовскому статуту не могла выдавать самостоятельно отъ себя заемныхъ писемъ съ обезпеченіемъ на имѣніи.

Рѣшая такимъ образомъ дѣло, государственный совѣтъ въ мотивахъ своихъ, между прочимъ, сказалъ, что упомянутыя заемныя письма Ланской имѣли-бы силу только въ Великорусскихъ губерніяхъ, т. е. если-бы они обезпечивались имѣніями, лежащими въ сихъ губерніяхъ, а не въ Гродненской губерніи, гдѣ дѣйствовалъ Литовскій статутъ, въ силу коего дѣвица, не достигшая извѣстныхъ лѣтъ, не могла выдавать заемные акты. Вотъ этотъ мотивъ и послужилъ основаніемъ новой тяжбы.

Оберъ-секретарь Шеляревичъ, излагая въ указѣ сената рѣшеніе государственнаго совѣта, прописалъ самовольно, что будто-бы имѣнія, доставшіяся Порошиной отъ Ланской, находятся, кромѣ Гродненской губерніи, еще въ губерніяхъ Костромской и Новгородской.

Такія указанія о великороссійскихъ имѣніяхъ Порошиной не заключались въ дѣлѣ, которое производилось въ государственномъ совѣтѣ, и суть фактъ самовольнаго изложенія оберъ-секретаря Шкля-

ревича; не смотря на это, Потуловъ домогался подвергнуть сія имѣнія на удовлетвореніе своей претензіи. Порошинъ, измученный первоначальною тяжбою, разумѣется, отвергалъ заявленіе Потулова, хотя оно и основывалось на указѣ сената. Возгорѣлась новая тяжба, угрожавшая фамиліи Порошина совершеннымъ раззореніемъ. Министерство юстиціи, а потомъ и сенатъ, по жалобѣ Порошина, обратили вниманіе на дѣйствія оберъ-секретаря Шкляревича и признали его виновнымъ. Дѣло это докладывалось мною сначала въ министерствѣ, а потомъ въ сенатѣ (въ 1849 г.) какъ оберъ-секретаремъ.

Порошинъ изо дня въ день, въ теченіе многихъ лѣтъ, имѣлъ хожденіе и, какъ я заподлинно убѣдился, совсѣмъ помутился—и было отчего! Тщетно я успокаивалъ его, увѣряя, что дѣло его правое, но въ душѣ его заронился уже страхъ потерять дѣло, и хотя онъ и выигралъ его, но тѣмъ не менѣе подвергся нервному разстройству.

Истину моихъ словъ подтвердилъ мнѣ впоследствии, въ 1869 г., другъ его Воскресенскій, бывший попечителемъ харьковскаго округа, уже послѣ смерти Порошина, умершаго въ Парижѣ въ 1868 году.

Все изложенное мною написано по памяти, но взглянувъ въ систематическую роспись содержанія „Русской Старины“ 1870—1884 гг., я, къ величайшему своему удовольствію, нашелъ въ ней указаніе на статью брата Виктора Порошина, Степана, 1882 г. за октябрь мѣсяцъ, подъ названіемъ Порошины,—семейныя воспоминанія ¹⁾.

По содержанію, своему они не только не противорѣчатъ моей статьѣ, напротивъ того, дополняютъ оную.

Изъ воспоминаній видно, что Викторъ Степановичъ былъ женатъ на француженкѣ Гюо и умеръ въ Парижѣ въ 1868 г. Статья эта преисполнена описаніемъ тяжкаго, но случайнаго горя. Сестра Порошина, Елисавета, убила случайно брата своего Валерія, а впоследствии, когда вышла замужъ, то мужъ ея, Александръ Плавскій, былъ убитъ на охотѣ, тоже случайно, братомъ ея, Степаномъ Порошинымъ.

Бываютъ-же такіа бѣдствія!

Заклучимъ сказанія о Порошинѣ тѣмъ, что онъ издалъ въ 1844 г.

¹⁾ Редакція „Русской Старины“ имѣетъ въ своемъ архивѣ, въ рукописи, воспоминанія сестры профессора Порошина, Софьи Степановны, каковыя также будутъ напечатаны. Ред.

книгу, подъ заглавіемъ: „Записки Семена Порошина о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ“¹⁾.

Излагая біографію о Порошинѣ, я нѣсколько отдалился отъ описанія другихъ профессоровъ, оставившихъ по себѣ добрую память.

Къ числу таковыхъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ Александръ Васильевичъ Никитенко, но печатаемыя въ „Русской Старинѣ“ его въ высокой степени замѣчательныя записки-дневникъ устраняютъ необходимость писать еще что-либо о немъ. Скажемъ, что какимъ онъ рисуется въ своихъ запискахъ, такимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, именно гражданиномъ-мудрецомъ.

Мой другъ Маркъ Никол. Любошинскій былъ двоюроднымъ братомъ достойной супруги А. В., Казимиры Казиміровны, и это обстоятельство давало мнѣ случай часто видѣть у него Александра Васильевича, который, между прочимъ, звалъ его: мой дядя. Но лекціи его по русской словесности хотя были краснорѣчивы, но нѣсколько витіепаты и отчасти темноваты. Говоря о немъ, студенты прибавляли: „у Никитенки вѣчные отѣйки“. Но такъ какъ экзамены изъ его предмета были всегда письменные, то это никого не затрудняло. Сочиненія его на заданныя темы, напримѣръ: „Мечъ и перо“ и проч., не особенно затрудняли насъ. Мы писали и получали хорошія отѣйки. Намъ, студентамъ, было хорошо извѣстно, что онъ затруднялся въ средствахъ жизни, а потому были случаи, напримѣръ, у меня, что я ему рекомендовалъ учениковъ, коихъ онъ принималъ у себя на дому, въ домѣ Фридрекса, на большой Владимірской. Мы вообще глубоко уважали его и какъ человѣка, и какъ профессора.

Были еще и другіе профессора, напримѣръ: Иванъ Петровичъ Шульгинъ, Николай Герасимовичъ Устряловъ и др. Первый читалъ новѣйшую исторію, а послѣдній—русскую.

Шульгинъ написалъ исторію послѣднихъ вѣковъ и въ лекціяхъ своихъ постоянно придерживался ея, а Устряловъ издалъ записки Курбскаго, записки Маржерета о Дмитріи самозванцѣ и русскую исторію для среднихъ училищъ. Я не говорю о другихъ его сочиненіяхъ, вышедшихъ впослѣдствіи. И тотъ, и другой считались знатоками своихъ предметовъ, но читали они изъ года въ годъ одно и то-же, не возбуждая любви къ наукѣ и не привлекая студентовъ.

¹⁾ Второе и болѣе полное изданіе этихъ драгоценныхъ Записокъ — по соглашенію съ Порошинными — было издано нами при „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. Ред.

къ изученію преподаваемыхъ ими предметовъ. Но Грановскій, вышедшій изъ школы ихъ времени, составлялъ исключеніе.

Министръ графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ иногда посѣщалъ лекціи Устрялова. Помню, разъ онъ просидѣлъ всю лекцію его; рѣчь шла объ удѣльномъ періодѣ, и министръ по окончаніи выразилъ ему свое полное удовольствіе за ясное изложеніе. То-же самое повторилось на лекціи его о смутномъ времени. Съ переездомъ университета на Васильевскій островъ, министръ Уваровъ еще чаще началъ посѣщать университетъ, чѣмъ прежде.

Отъ новыхъ профессоровъ мы очень многого ожидали, но увѣ! надежды наши не оправдались. Причины сему слѣдующія. Всѣ новые профессора, кромѣ университета, получали приглашенія занять кафедры въ разныхъ мѣстахъ, напримѣръ: училищѣ правовѣдѣнія, военной академіи, Пажескомъ корпусѣ и другихъ военныхъ учрежденіяхъ.

При такихъ обстоятельствахъ и побуждаемые недостаткомъ средствъ своихъ, они не отказывались, но вмѣстѣ съ тѣмъ положительно утомлялись, а потому лишены были возможности заняться серьезно наукою по своей части.

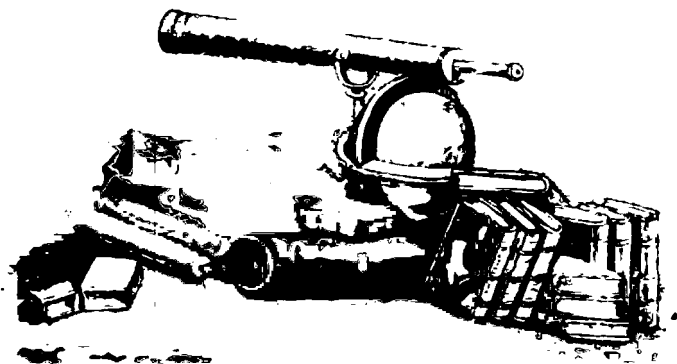
Въ Москвѣ не то было. Тамъ, какъ говорилъ мнѣ графъ Сергій Григ. Строгановъ, бывшій попечителемъ университета, профессора не отвлекались посторонними уроками. Послѣдствіемъ сего еще было и то, что петербургскіе молодые профессора не оканчивали своихъ предметовъ по программѣ, а читали изъ года въ годъ почти одно и то-же. Напримѣръ, профессоръ Ивановскій, заявившій сначала большія способности, никогда не оканчивалъ вполне своего предмета по публичному праву, а почему? А потому, что онъ былъ преподавателемъ едва-ли не во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Естественно: читая, онъ уставалъ до изнеможенія, гдѣ ужъ тутъ было писать! Его можно было видѣть почасту, у Полицейскаго моста, въ кондитерской Вольфа, отдыхавшимъ за стаканомъ глинтвейна, въ ожиданіи истеченія промежутка времени отъ одной лекціи до другой. То-же слѣдуетъ сказать и о другихъ профессорахъ; но можно-ли было винить ихъ въ этомъ? Нельзя: былъ спросъ, а жизнь требовала средствъ.

Къ числу талантливыхъ профессоровъ моего времени слѣдуетъ отнести братьевъ Куторга, изъ коихъ одинъ старшій, Степанъ, читалъ естественныя науки, а другой, Михаилъ—исторію. Оба они были любимы и чтимы студентами. Про перваго мнѣ рассказывалъ одинъ очевидецъ такой случай: онъ женился по второму браку и съ молодой женой отправился на островъ Эзель, гдѣ на берегу,

подъ прикрытіемъ опрокинутой рыбачьей лодки, со всевозможными лишеніями, провелъ все каникулярное время, изучая море. Помню еще, что въ старомъ университетѣ, на обширномъ дворѣ, была большая лужа, гдѣ завелись огромныя лягушки. Профессоръ Куторга съ терпѣніемъ и любовью, не смотря на погоду, съ разными приспособленіями, усидчиво занимался ловлею этихъ лягушекъ, и о, радость! онъ поймалъ изъ нихъ самую большую. Своимъ восторгомъ онъ дѣлился съ студентами на лекціяхъ, показывая ее своимъ слушателямъ съ такимъ-же умиленіемъ, какъ художникъ скульпторъ предоставлялъ зрителямъ осматривать свое произведеніе.

Н. М. Колмаковъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

III ¹⁾.

Жизнь студентовъ 1830-хъ и 1840-хъ годовъ. — Студентъ Александровъ. — Праздникъ студентовъ на пароходѣ. — Студентъ князь Кочубей. — Студентъ явочникъ.

писывая С.-Петербургскій университетъ конца 1830-хъ и 1840-хъ годовъ, невольно возникаетъ вопросъ, какъ же жили и вели себя студенты въ то время? Не увлекались-ли они политическими бреднями и не навлекали-ли на себя правдивый гнѣвъ царя Николая Павловича?

Относительно вопроса о жизни скажу, что студенты моего времени, за исключеніемъ весьма немногихъ, были по большей части бѣдняки, пробивались они по преимуществу уроками и занимали углы и комнаты въ 5—10 и не болѣе 25 руб. ассигнаціями въ мѣсяцъ, помѣщаясь по двое и трое вмѣстѣ. Само собою, что и пища соответствовала симъ средствамъ. Что-же касается поведенія ихъ, то я смѣло говорю, что они вели себя хорошо и, главное, политическія и социальныя бредни не входили въ ихъ головы. Подъ словомъ „хорошо“ я вовсе не хочу сказать, что они вели себя

¹⁾ См. „Русскую Старину“ над. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 23—43; май, стр. 449—469.

какъ дѣти, вышедшія недавно изъ-подъ строгаго надзора родительскаго дома, или какъ красныя дѣвицы, стыдящіяся и болящіяся произнести въ слухъ, особенно при маменькѣ, слово: любовь... Нѣтъ, они учились, жили, терпѣли, веселились и увлекались всѣмъ, что свойственно ихъ молодой натурѣ. Такъ, они пили при случаѣ и при средствахъ всякаго рода питья, не гнушались ничѣмъ, за исключеніемъ воды. Тутъ были и горькія, и сладкія, была и ратафія, доставалось и донскому, попадалось и шампанское, если оно приходилось по карману. Но зачастую и голодали, живя только на пеклеванномъ хлѣбѣ съ масломъ, а иногда и того не было; насыщались также пирогами на Апраксиномъ дворѣ по 3 копѣйки за штуку; но духомъ не падали, о богатствѣ не мечтали и никому ни въ чемъ не завидовали. Особаго имуществва у студента на квартирѣ не было, все его достояніе было при немъ, и латинское выраженіе: *omnia mea secum porto* оправдывалось на дѣлѣ. Носили трехъ-угольныя шляпы, мундиры съ петлицами и синимъ воротникомъ при шпагѣ, двухъ-бортные сюртуки, шаровары, шинели на распашку, а фуражки на бекрень. Влюблялись безъ разбора, начиная отъ швеи до свѣтской дамы. Каждая женская головка у окна служила предметомъ воздыханія, лѣтняя-же ночь оглашалась пѣсней подъ окномъ или балкономъ. Любовныя записки всегда были наготовѣ въ карманѣ. Поминали въ пѣсняхъ какую-то дѣву, начиная пѣсню такъ: „да здравствуетъ Марья Петровна и ручки и ножки ея“, и пѣли съ подобающимъ уваженіемъ *Gaudeamus igitur, juvenes dum sumus*, а почасту выкрикивали и такъ: *edite, bibite, collegiales, post multa secula poscula nulla*. Однимъ словомъ, жилось и жилось, а политическія бредни, или сходки соціальныя, не входили въ ихъ головы и о нихъ не было и рѣчи, а также не занимали ихъ домогательства о предоставленіи имъ разныхъ правъ. По понятіямъ студентовъ моего времени, декабристы, хотя были люди образованные, но сумасброды, не вѣдавшіе задачъ и блага Россіи, а потому они и понесли справедливое наказаніе.

Царь Николай Павловичъ въ глазахъ нашихъ былъ русскій богатырь невыразимаго величія, великодушень, строгъ и правдивъ безъ укора. Личность его была священна въ глазахъ современниковъ, и память о немъ останется на вѣки. Скажу, что въ началѣ 1830-хъ годовъ о декабристахъ не говорили уже, а тѣмъ менѣе писали, да и писать нельзя было, однимъ словомъ,—какъ будто о нихъ забыли. Ослабляющія ихъ вину причины выясняются только теперь, но исторія, въ свое время, скажетъ о нихъ правдивое слово!

Восхваляя студентов моего времени, долженъ, къ сожалѣнію, повторить извѣстную истину, что нѣтъ правила безъ исключенія, а потому не могу не разсказать одинъ прискорбный случай съ студентомъ Александровымъ. Впрочемъ, онъ былъ старше меня нѣсколькими курсами, а потому собственно я не считаю его товарищемъ; но исторія о немъ заслуживаетъ быть разсказанною.

Въ Петербургѣ въ то время славился своимъ богатствомъ и скопленіемъ наличныхъ денегъ, безъ счета, желѣзнодорожникъ Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, имѣвшій двухъ сыновей, Ивана и Савву. Послѣдній въ особенности отличался безобразными кутежами, игрою въ карты и устройствомъ, такъ называемыхъ, Адамовскихъ ночей. Но тѣмъ не менѣе отецъ любилъ его, платилъ за него долги и давалъ средства вести и продолжать кутежную жизнь. Безобразная жизнь Саввы Алексѣевича была извѣстна правительству, а равно и императору Николаю Павловичу. Вотъ на любви отца къ сыну и на безобразіи жизни послѣдняго, Александровъ построилъ планъ своего обогащенія. По его понятіямъ, стоило только захватить или арестовать Савву Яковлева, подъ предлогомъ высочайшаго указа о ссылке его въ Сибирь за развратное поведеніе, а затѣмъ въ жандармскомъ офицерскомъ мундирѣ явиться къ отцу его, предъ-явить ему этотъ указъ, выразить при этомъ крайнее сожалѣніе объ участи сына его и жестокости наказанія, сжалиться надъ нимъ и въ концѣ концовъ предложить ему, отцу, средства спасенія сына. Средства сіи, по замысламъ Александрова, состояли въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ Саввою бѣжать за границу, получивъ отъ отца Яковлева тотчасъ-же, по крайней мѣрѣ, миллионъ рублей, а тамъ? Тамъ отдѣлаться отъ него какимъ-нибудь ловкимъ образомъ. Къ исполненію этого дерзкаго плана Александровъ подготовилъ себѣ товарища, нѣкоего Галлера, также бывшаго студента. Засимъ Александровъ заготовилъ фальшивый высочайшій указъ съ печатью, заграничный паспортъ, сшилъ себѣ и товарищу своему Галлеру мундиръ и назначилъ день и часъ для исполненія. Оставалось только захватить Савву Яковлева; для сего условлено было время, когда онъ будетъ возвращаться изъ театра.

Но подъ самый конецъ исполненія Галлеръ образумился, ужаснулся всѣхъ послѣдствій задуманнаго плана, явился въ III-е отдѣленіе, покался и выдалъ своего товарища Александрова. Это отдѣленіе, что называется, накрыло Александрова въ послѣдній часъ исполненія задуманнаго плана и онъ очутился не въ гостяхъ у стараго Яковлева, для полученія миллиона, а въ надежномъ мѣстѣ заключенія, т. е. въ одиночной тюрьмѣ. Его, разумѣется, судили,

а Галлера простили; ему Савва Яковлевъ послалъ въ награду за свое спасеніе 10 тысячъ рублей, но самъ онъ, какъ говорили, не поѣхалъ къ нему и вообще отнесся къ его дѣйствіямъ съ презрѣніемъ. На судѣ, кажется въ сенатѣ, Александровъ позволилъ себѣ нахально оправдываться, при этомъ не выражалъ никакого раскаянія и даже, къ ужасу сенаторовъ, отрицалъ бытіе Божіе.

Не смотря на это, императоръ Николай, какъ къ безумному, а можетъ быть и потому, что это было дѣло не политическое, отнесся милостиво къ Александрову и наказаніе его ограничилось одною ссылкой.

Личность Александрова до описаннаго дѣла была извѣстна уже полиціи по слѣдующему случаю: Александровъ, находясь въ крайней бѣдности и выгоняемый изъ квартиры своимъ хозяиномъ за неплатежъ, взялъ свое скудное имущество и книги, вывезъ на Семеновскій плацъ и оставилъ ихъ на произволъ судьбы, написавъ, однакожъ, на особомъ лоскутѣ бумаги: квартира студента! Штука эта разнеслась по городу, кой-кто смѣялся, а были такіе, что и пожалѣли, но помощи не было ни отъ кого.

Кто-же откликнулся на такую безотрадную бѣдность? А откликнулся приснопамятный великій князь Михаилъ Павловичъ! Рассказывали, что онъ велѣлъ разыскать Александрова, позвалъ его къ себѣ и помогъ ему. Много можно-бы рассказать случаевъ великодушной помощи Михаила Павловича офицерамъ русской арміи, но это особый предметъ, который еще ожидаетъ правдиваго біографа, мы же будемъ продолжать говорить о студентахъ С.-Петербургскаго университета. Есть люди, а такихъ не мало, кои въ студентахъ видятъ какихъ-то буяновъ, сорванцевъ и вообще людей дерзкихъ, отрицающихъ, пожалуй, бытіе Божіе, не чтящихъ и не уважающихъ никого и ничего. Вотъ такіе люди при всякомъ случаѣ пускаютъ въ ходъ про студентовъ всякія небылицы и даже кричатъ: караулъ, разбой! Въ подтвержденіе сего я расскажу нѣсколько происшествій.

Разъ позвали дѣлающую массу студентовъ въ III-е отдѣленіе для объясненія, по поводу жалобы одной чиновной барыни. Жалоба возникла по слѣдующему случаю: многіе студенты, въ томъ числѣ не мало было изъ лучшихъ фамилій, вздумали отпраздновать годовщину окончанія своихъ экзаменовъ и рѣшились поѣхать на пароходѣ, по Невѣ въ Шлиссельбургъ. Само собою разумѣется, они запаслись разною провизіею болѣе или менѣе деликатнаго свойства. Въ числѣ пассажировъ оказалась упомянутая барыня, нѣсколько богомольцевъ и я, пишущій эти строки. Не успѣли отвалить отъ бе-

рега, какъ одинъ студентъ, отличавшійся комизмомъ и смѣлостію рѣчи, принялъ на себя роль хозяина и началъ угощать всѣхъ. Для этого, вооружившись подносомъ или лоткомъ, онъ, съ подобающимъ смиреніемъ, подошелъ къ одному богомольцу, похожему на монаха, и сказалъ на распѣвъ: „отецъ духовный, благослови, прими и вкушай, чѣмъ Богъ послалъ!“ Монахъ, разумѣется, съ улыбкою, но безъ всякой церемоніи взялъ, ѣлъ съ большимъ аппетитомъ и благодарилъ. Затѣмъ хозяинъ студентъ подошелъ къ барынѣ и тоже со смиреніемъ произнесъ: „милостивая государыня, удостойте принять отъ насъ смертныхъ сіе малое, но вкусное угощеніе!“ Но чопорная барыня не поняла шутки, рѣзко и съ неудовольствіемъ отвергла предложеніе. Но это не остановило хозяина студента. Взявъ особый лотокъ съ другими лакомствами, онъ опять и съ мнимой лукавою вѣжливостію повторилъ свое предложеніе. Барыня уже съ нѣкоторою злобою опять отказалась отъ угощенія. Это произвело смѣхъ! Хозяинъ студентъ не унялся! Онъ настойчиво новое угощеніе предложилъ опять барынѣ. Барыня окончательно озлилась! Такимъ образомъ, опять со смиреніемъ, безъ всякой улыбки, хозяинъ-студентъ повторялъ предложеніе барынѣ съ каждымъ новымъ лоткомъ. Отвѣты получились тѣ-же. Въ концѣ концовъ, барыня пришла въ неистовство, начала кричать, говорила, что будетъ жаловаться, и скрылась, а хозяинъ студентъ во время угрозъ стоялъ передъ ней, молча, аки агнецъ неповинный.

На другой день, по возвращеніи въ городъ, студенты массою были приглашены въ III-е отдѣленіе. Выслушавъ обвиненіе барыни и оправданіе студентовъ, Леонтій Васильевичъ Дубельтъ—призналъ ихъ виновными, но виновными въ излишней угодливости благороднымъ женщинамъ, за что однакожъ карающаго закона нѣтъ. А въ городѣ рассказывали, что на пароходѣ студенты обидѣли и избили одну барыню, затоптали ее ногами и чуть-чуть не бросили въ воду, но, къ счастью, одинъ монахъ за нее заступился и спасъ ее отъ гибели. Вотъ оно до чего дошло!

Разскажемъ еще другія нелѣпости городскихъ слуховъ о шалостяхъ студентовъ.

Въ Петербургѣ Дворцовой части былъ частный приставъ, кажется, по имени Владимірцевъ. Онъ имѣлъ высокій станъ, лице съ черными густыми бакенбардами, носилъ шинель съ бобровымъ воротникомъ, на головѣ трехъ-угольную шляпу, какія были у студентовъ, и ѣздилъ на парочкѣ вятскихъ лошадей. По совершенной случайности, студентъ князь Сергій Викторовичъ Кочубей имѣлъ одинаковый ростъ и фигуру съ приставомъ Владимірцевымъ, облакался

въ подобную-же шинель съ бобровымъ воротникомъ и трехъ-угольную шляпу и, въ довершеніе сходства съ нимъ, ѣздилъ также на парочкѣ вятскихъ коней.

Вотъ при такомъ сходствѣ въ костюмахъ и въ экипажѣ, князь студентъ позволялъ себѣ дѣлать такія штуки: подъѣзжая къ будкѣ и не раскрывая широко шинель, онъ спрашивалъ часового: есть-ли кто въ будкѣ пьяный? И въ случаѣ утвердительнаго отвѣта князь принималъ на себя роль частнаго пристава и отдавалъ таковой приказъ: выпустить сейчасъ! Подобныя продѣлки повторялись нѣсколько разъ; приставъ Владимірцева это ставило въ тупикъ, особенно, когда будочникъ настойчиво увѣрялъ его, что пьяный, бывшій въ будкѣ, выпущенъ по его-же приказу. Само собою все открылось, когда случайно въ одно и то же время къ будкѣ, что у Полицейскаго моста, подъѣхали разомъ и Владимірцевъ и князь Кочубей. Произошла нѣмая сцена! Они озирали другъ друга, кланялись, не произнося ни одного слова, да такъ и разѣхались. Владимірцевъ догадался съ кѣмъ имѣлъ дѣло.

Лѣтъ чрезъ сорокъ послѣ сего, въ Кіевѣ, въ ложѣ нашего общаго товарища князя Дондукова-Корсакова, я встрѣтилъ князя Кочубей. Разумѣется, его черные волосы обратились въ сѣдые и самъ онъ уже былъ не тотъ, каковъ былъ во время оно.

— „А помните-ли, князь, студенческое время и продѣлки ваши съ приставомъ Владимірцевымъ?“—спросилъ я его.

„Да неужели вы помните?“—отвѣчалъ онъ. „Помню!“...

Что это такое? разумѣется шалость самаго невиннаго свойства.

А вотъ другой случай, надѣлавшій шуму на улицѣ.

Одинъ студентъ, князь, имѣя на конюшнѣ много лошадей безъ дѣла, забавлялся тѣмъ, что подъ вечеръ выѣзжалъ на улицу въ качествѣ извозчика и предлагалъ свои услуги въ особенности юнымъ женщинамъ. Вотъ разъ его наняли двѣ молодыя дамы и, помѣстившись въ санихъ, повели между собою интимный разговоръ на чисто французскомъ языкѣ о томъ, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ можно съ удобствомъ устроить свиданіе со своимъ кавалеромъ. Вдругъ нашъ извозчикъ тоже, на томъ-же языкѣ, вмѣшался въ разговоръ и сдѣлалъ имъ возраженіе. Мои дамы, услышавъ его и вообразивъ, что это былъ переодѣтый разбойникъ или мошенникъ, выскочили изъ экипажа, подняли крикъ, взывая: караулъ, разбойники и т. д. Маленькая суматоха на улицѣ кончилась, разумѣется, ничѣмъ. Герой этихъ забавъ не окончилъ курса и пробавляется до сихъ поръ за границей.

Въ числѣ товарищей моего курса была такія личность, которая

даже ходила въ народъ, чтобы прислушаться, что тамъ баять? Подъ именемъ „народа“ онъ разумѣлъ кабаки, гдѣ можно было видѣть и слышать простую мужицкую рѣчь и площадную брань. Но посѣщеніе это не имѣло у него никакой политической цѣли и было скорѣе послѣдствіемъ безпутства и отсутствіемъ у него всякой разумной дѣятельности. Это былъ человѣкъ, отверженный отъ науки и общества, но самъ онъ не пьянствовалъ и былъ, кажется, добрымъ. Къ числу таковыхъ я долженъ отнести бывшаго студента моего времени Александра Алексѣевича Львова. Фигура его, при маленькомъ ростѣ, куда какъ была невзрачна: глаза подслѣповаты, почти безъ бровей, губы на устахъ не толще древеснаго листка, голова безъ волосъ, въ парикѣ весьма не искуснаго парикмахера, просто-напросто уродецъ, но характера онъ былъ не по росту задорнаго, крайне неуживчиваго и въ довершеніе — охотникъ-хвастунъ. Онъ окружилъ себя стаею собакъ и прислугою довольно многочисленною и вооруженною; одѣвалъ ихъ въ какую-то форму, выѣзжалъ въ города Псковской губерніи, въ сопровожденіи своей свиты, на коняхъ и съ собаками, при трубныхъ звукахъ, и тѣмъ поставлялъ всѣхъ въ недоумѣніе и наводилъ даже страхъ на сельскія и уѣздныя власти. Своимъ буйнымъ поведеніемъ онъ возбудилъ бездну уголовныхъ дѣлъ и, кажется, попалъ въ тюрьму. Вообще жизнь его прошла не хорошо; курса не кончилъ; но между товарищами онъ слылъ за добраго малаго, рассказывая имъ свои удалыя и темныя походы. Посѣщая кабаки съ подвязанною бородою и усами, онъ иногда возвращался оттуда оборваннымъ, избитымъ, съ окровавленною физиономіею, но все это его не останавливало, — онъ продолжалъ свое, хвалясь своими подвигами. Разъ онъ посѣтилъ Гельсингфорсъ съ такою огромною собакою, что при прогулкѣ съ нею отъ него публика сторонилась и пряталась. Это его веселило. На другой день явилась полиція съ депутаціей, чтобы онъ немедленно выѣхалъ. Съ крикомъ и бранью онъ долженъ былъ подчиниться этому требованію. Эта исключительная уродливая личность не можетъ служить образцомъ времени.

Заклучимъ эту главу тѣмъ, что въ 1838 году я окончилъ курсъ по юридическому факультету и затѣмъ поступилъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи.

IV.

Петербургъ 1830-хъ годовъ.—Невскій проспектъ.—А. С. Пушкинъ. — И. А. Крыловъ и анекдоты о немъ.—Красавицы того времени. — Императоръ Николай Павловичъ.—Императрица Александра Теодоровна. — Великій князь Михаилъ Павловичъ.—Школьники и императоръ Николай.—Пушкинъ на балу на минеральныхъ водахъ.—Графъ Г. А. Строгановъ. — Открытіе памятника Александру I.—Императоръ Николай въ маскарадахъ. — Революція императора Николая Павловича по поводу подмоченныхъ дѣлъ въ губернскихъ мѣстахъ.—Дѣло графа Михаила Потоцкаго.

Городъ Петербургъ былъ, въ началѣ 1830-хъ годовъ, весьма невеликъ и немногочуденъ или, по крайней мѣрѣ, онъ такимъ казался, особенно для тѣхъ, кои жили въ срединѣ оного.

Начнемъ съ угла Невскаго проспекта, отъ главнаго штаба: тутъ былъ маленькій домикъ съ надписью: „Вольное экономическое общество“. Потомъ тянулись двухъ-этажные дома до самаго Полицейскаго моста, который былъ весьма узенькій. Домъ голландской церкви отстраивался, а зданій Петропавловской церкви и самой церкви не было. Казанскій мостъ былъ тоже узенькій, а Михайловской улицы не существовало. Тутъ былъ сплошной огородъ, на одной сторонѣ коего по улицѣ былъ домъ купца Рогова, а на другой — графини Строгановой. Аничкинъ мостъ, съ башеньками на цѣпяхъ, былъ тоже не широкій; лошади Клодта на немъ явились много десятковъ лѣтъ послѣ. Конюшенная улица ничего не представляла собою: извозчичьи грязные дворы далеко не были привлекательны. Около большаго дома Кассиновскаго, что нынѣ, кажется, Смурова, у Полицейскаго моста, было большое пустынное мѣсто, съ какимъ-то флигелемъ, оставшимся отъ временъ императрицы Елисаветы. Александровскаго парка, окружающаго нынѣ Адмиралтейство, и въ поминѣ не было; впрочемъ, была липовая аллея, окаймливавшая все зданіе Адмиралтейства, но вся площадь отъ дворца до сената во всю ширину была пуста. Около Исакиевскаго собора площадь была завалена камнями, а самъ соборъ только въ нижней части своей былъ отстроенъ. Маринскаго дворца и зданій министерства государственныхъ имуществъ и самаго Синяго моста въ томъ видѣ, какъ онъ теперь, не было. Желѣзной дороги въ Москву и вокзала не существовало; равнымъ образомъ, не было и Николаевского моста и набережной позади адмиралтейства. Все это явилось впоследствии и много лѣтъ спустя.

Не смотря на это, Невскій проспектъ и въ то время былъ самой оживленной улицей въ Петербургѣ.

Я жилъ, что называется, на самомъ яру, именно у Полицейскаго моста, въ домѣ графини Строгановой, а потому могъ ежедневно наблюдать что на этой улицѣ шло, двигалось и творилось. Такъ, около трехъ часовъ пополудни, каждый день являлся на Невскій, что называется „beau monde“. Экипажи всѣхъ видовъ, коляски и кареты въ запряжкѣ съ форейторами и двумя лакеями позади постоянно сновали по улицѣ. Франты всѣхъ оттѣнковъ и просто въ длиннополыхъ бекешахъ и въ шинеляхъ съ нѣсколькими воротниками и въ альмавиво съ закинутою полою съ одного плеча на другое, поражали всѣхъ своею наружностью.

Въ числѣ гулявшей публики почасту можно было примѣтить и Александра Сергѣевича Пушкина, но онъ, останавливая и привлекая на себя взоры всѣхъ и каждого, не поражалъ своимъ костюмомъ, напротивъ, шляпа его далеко не отличалась новизною, а длинная бекеша его, покрывавшая станъ, тоже была старенькая. Я не погрѣшу предъ потомствомъ, если скажу, что на его бекешѣ сзади на талии не доставало одной пугови. Отсутствие этой пугови меня каждый разъ смущало, когда я встрѣчалъ Александра Сергѣевича и видѣлъ это. Ясно, что около него не было ухода. Онъ жилъ недалеко отъ Невскаго, именно у Пѣвческаго моста, на Мойкѣ, въ домѣ Волконской, а потому прогулки его по Невскому были заурядны. Прогуливался онъ то съ графомъ Нессельроде, бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, то съ Воронцовымъ-Дашковымъ, котораго, по улыбающейся фигурѣ, бѣломъ жилетѣ и галстукѣ, называли вѣчнымъ имянинникомъ. Тутъ-же почасту гулялъ и отецъ Пушкина, Сергѣй Львовичъ. Красноватое его лицо и, кажись, рябоватое было далеко не привлекательно, но то замѣчательно, что я никогда не встрѣчалъ его вмѣстѣ съ сыномъ. Непремѣннымъ и ежедневнымъ посѣтителемъ Невскаго былъ также и Булгаринъ, Фаддѣй Венедиктовичъ. Фигура его сутуловатая и вообще невзрачная, глаза съ большими бѣлками, лукавыя, лицо красноватое и даже багровое, свидѣтельствовавшее о томъ, что онъ былъ большой поклонникъ Бахуса, и вообще весь онъ былъ непривлекателенъ и даже что-то было въ немъ отталкивающее. Встрѣчая его и глядя на него, всегда припоминались извѣстные стихи Пушкина:

Не то бѣда, что ты полякъ,—
Костюшко ляхъ, Мицкевичъ ляхъ;
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда,
Будь жидъ—и это не бѣда,
Но то бѣда, что ты Булгаринъ!

Ежедневныя прогулки Булгарина по Невскому объясняются тѣмъ, что онъ жилъ за Аничкинымъ мостомъ, въ домѣ Миняева.

Много было личностей, гулявшихъ по Невскому и кои уже давно отошли въ вѣчность, всѣхъ не перечесть, но мы остановимся еще въ особенности на одной изъ нихъ.

Вотъ медленными шагами она идетъ на лѣвой сторонѣ улицы, по направленію отъ Публичной библіотеки къ Полицейскому мосту, въ синей шинели съ нѣсколькими воротниками. Голова его большая, съ вьющимися сѣдыми волосами, лицо блѣлое, широковатое и съ доброю улыбкою на устахъ. Простой народъ и въ особенности извозчики, встрѣчая его, снимаютъ шапки и почтительно кланяются. Это Иванъ Андреевичъ Крыловъ. Онъ идетъ въ англійскій клубъ, помѣщавшійся тогда на Мойкѣ, за Краснымъ мостомъ, въ домѣ Демидова. Почасту по дорогѣ онъ заходилъ въ домъ графини Софіи Владиміровны Строгановой, чтобы объявить ей чрезъ швейцара, что въ такой-то день онъ будетъ у ней обѣдать. Но на дорогѣ онъ остановился, видимо заинтересованный слѣдующею сценою: ѣхалъ экипажъ и въ упряжи лошадей что-то испортилось. Кучеръ, правившій ими, закричалъ: „Эй, ты, землякъ! Подъ сюда, поправь тамъ, видишь?“ Встрѣчный охотно подошелъ къ нему и началъ, какъ зналъ, поправлять, но дѣлалъ какъ-то неумѣло. Кучеръ, видя это, безъ всякой церемоніи ругнулъ его: „Эхъ ты, говоритъ онъ: и этого-то не умѣешь сдѣлать, болванъ!“ прибавилъ онъ.

Поправка, однакожъ, кончилась благополучно; кучеръ уѣхалъ, не сказавъ пособнику даже спасибо.

Крылова это поразило.

Придя къ графинѣ, онъ рассказывалъ: „Вотъ какой народъ нашъ добродушный! Подозвалъ чужаго человѣка, заставилъ его дѣлать чужое дѣло, выругалъ и, не сказавъ спасибо, уѣхалъ! А вѣдь нѣмецъ не такой! заключилъ Крыловъ, тотъ даже и не подошелъ—бы поправлять“.

Кстати, въ одно изъ своихъ посѣщеній графини, Крыловъ рассказывалъ слѣдующее, что я своими ушами слышалъ: нѣкто Деларю, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ за 1834 г., напечаталъ стихи, подъ заглавіемъ: „Красавицѣ“. Стихи эти надѣлали много шуму въ свое время; цензоръ, пропустившій ихъ, былъ подвергнутъ взысканію. Они начинались тѣмъ, что поэтъ за взглядъ красавицы готовъ былъ отдать державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру, а потомъ кончались такъ:

И если бы Богомъ былъ, селеніями святыми
Клянусь—я отдалъ бы прохладу
Райскихъ струй,

И сонмы Ангеловъ съ ихъ пѣснями
Живыми,
Гармонію міровъ я власть мою
Надъ ними
За твой единый подѣлуй!

Прочитавъ эти стихи, Крыловъ сказалъ графинѣ: „Вотъ что я сообщилъ автору“:

Мой другъ! Когда бы ты былъ Богъ,
То глупости такой сказать бы ты не могъ!“

Разсказъ о семъ былъ напечатанъ въ видѣ преданія („Русская Старина“ 1881 г., январь), но я подтверждаю это, какъ слышанный мною изъ устъ Ивана Андреевича Крылова.

Въ 1865 г. въ „Русскомъ Архивѣ“ напечатано было мною нѣсколько анекдотовъ объ И. А. Крыловѣ, но журналъ этотъ за то время теперь рѣдкость, а потому возобновлю въ своей памяти и разскажу одинъ изъ нихъ. Но предварительно упомяну, что Иванъ Андреевичъ, въ домѣ графини Строгоновой, былъ искони въ числѣ друзей. Въ тотъ день, когда онъ заявлялъ о своемъ приходѣ, весь обѣденный столъ заготовлялся въ русскомъ духѣ: щи, каша, пироги, кулебяка и все прочее, что Русью пахло. Притомъ всѣ присутствовавшіе должны были непременно говорить по русски, въ противномъ случаѣ назначалось взысканіе. Иванъ Андреевичъ, по обыкновенію, кушалъ съ большимъ аппетитомъ и въ началѣ обѣда мало говорилъ, хотя къ бесѣдѣ прислушивался внимательно. Обѣдъ происходилъ въ комнатѣ, въ коей надъ обѣденнымъ столомъ висѣла люстра, украшенная множествомъ хрустальныхъ призмъ. Въ тотъ день, о коемъ я веду разсказъ, солнечные лучи отражались въ граняхъ люстры различными цвѣтами. За обѣдомъ былъ споръ: одни присутствовавшіе говорили, что Петербургъ въ будущемъ будетъ обстраиваться и подвигаться вверхъ по Невѣ, другіе, напротивъ, возражали, объясняя, что постройки Петербурга пойдутъ къ морю внизъ.

„Вы чтоже?“ сказала графиня, обращаясь къ Ивану Андреевичу: „не принимаете участія въ нашемъ спорѣ?“

Крыловъ какъ будто очнулся отъ ѣды и, посмотрѣвъ на люстру, быстро сказалъ:

— „Какого цвѣта кажутся вамъ, графиня, вотъ эти грани?“ — „Зеленоватаго“, отвѣчала она. „А вамъ?“ обратился онъ къ другому лицу, сидѣвшему за столомъ. Отвѣтъ былъ: „Желтоватаго“. — „А вамъ?“ снова спросилъ Крыловъ у сидѣвшаго противъ послѣдняго. „Розовый“, — „А мнѣ“, заключилъ Крыловъ: „фіолетоваго“.

„И такъ“, присовокупилъ онъ: „все разные цвѣта, а предметъ одинъ и тотъ-же. Что-жъ это значить? А значить то, что всѣ смотрять на предметъ съ разныхъ сторонъ“.

Разговоръ прекратился, всѣ остались въ изумленіи, Крыловъ продолжалъ кушать.

Кстати, расскажу еще о двухъ случаяхъ, рассказанныхъ имъ графинѣ. Крыловъ говорилъ: „я сначала много писалъ, рассказанныхъ предметамъ и всякій разъ меня критиковали; это меня крайне обезкураживало, но разъ я написалъ басню и критикъ меня похвалилъ, это меня подвигнуло и началъ я по преимуществу писать басни. Вотъ этому критику я и обязанъ всѣмъ“.

Въ другой разъ Крыловъ говорилъ: „я всегда радуюсь, когда меня упрекаютъ, зачѣмъ я не пишу? и былъ бы очень опечаленъ, если бы мнѣ сказали: зачѣмъ я пишу?“

Все это я слышалъ самъ изъ устъ Крылова. Ясно, что Иванъ Андреевичъ былъ острякъ до самой старости.

Но мы оставили Невскій проспектъ, не сказавши ничего про выдававшихся красавицъ того времени. Исчислять ихъ всѣхъ я не могу по весьма понятной причинѣ: я ихъ не зналъ, хотя и видѣлъ: но всетаки могу сказать о тѣхъ, кои привлекали взоры гудявшихъ.

Замѣчательными женщинами того времени были: княгиня Воронцова-Дашкова, роскошный экипажъ которой, да и сама она привлекали взоры всѣхъ гудявшихъ. Она, что называется, была львица, хотя по виду своему не могла считаться красавицею. Потомъ, графиня Самойлова, графиня Заводовская, урожденная Влодекъ, княгиня Радзивилова, урожденная княжна Урусова, и множество другихъ. Появленіе этихъ лицъ считалось чѣмъ-то необходимымъ для того, чтобы сказать, что день прогулки на Невскомъ былъ удачнымъ.

Но самымъ необходимымъ условіемъ столичной жизни было появленіе на улицѣ царя Николая Павловича и его фамиліи. Вотъ онъ ѣдетъ! Въ коляскѣ синяго цвѣта, парой, въ шинелѣ и въ киверѣ; весь станъ его обличалъ въ немъ величіе. Быстрымъ орлинымъ взглядомъ онъ озираетъ обѣ стороны улицы; военные спѣшили скинуть съ праваго плеча шинель, стать во фронтъ и отдать честь; штатскіе, становясь тоже лицомъ къ царю, скидали шляпы. Для различія отъ нынѣшняго времени скажемъ, что бороды и усы на штатскихъ положительно отсутствовали, усы и бакенбарды были принадлежностью нѣкоторыхъ военныхъ.

Почти въ одно и то же время императрица Александра Феодоровна, въ великолѣпномъ ландо синяго цвѣта, въ англійской упряжи.

цугомъ, въ сопровожденіи кого-либо изъ княженъ, показывалась на Невскомъ, привѣтливо отвѣчая на поклоны публики.

Не нужно было много ждать, чтобы видѣть, какъ появлялся на улицѣ почасту пѣшкомъ пессаревичъ, блаженной памяти Александръ Николаевичъ, въ сопровожденіи приставленнаго къ нему лица. Скромно отвѣчая на поклоны публики, встрѣчавшейся съ нимъ, онъ, своимъ добрымъ выраженіемъ лица, привлекалъ общее вниманіе.

Я не ошибусь, если скажу, что почти ежедневно, особенно въ хорошую погоду, можно было встрѣтить юныхъ тогда великихъ князей Константина, Михаила и Николая и великихъ княженъ: Марію, Ольгу и Александру.

Говоря о лицахъ царской фамиліи, нельзя забыть и великаго князя Михаила Павловича. Его тоже ежедневно, и даже нѣсколько разъ въ день, можно было видѣть то проѣзжающимъ по Невскому, то идущимъ пѣшкомъ. Отъ его взоровъ не ускользали ни одинъ юнкеръ или офицеръ; малѣйшее несоблюденіе ими формы, напримѣръ: ношеніе фуражки вмѣсто кивера или трехъ-угольной шляпы, или, наконецъ, ношеніе калошъ, не отданіе чести во-время кому слѣдуетъ, имѣло послѣдствіемъ взысканіе. А между тѣмъ, кто близко его зналъ всѣ свидѣтельствуютъ, что это былъ, въ душѣ своей, одинъ изъ милосерднѣйшихъ начальниковъ. Я былъ свидѣтелемъ одной сцены на улицѣ: шелъ отставной солдатъ и несъ большую бутылъ масла; одежда его, не смотря на фартукъ, была, разумѣется, замаслена до-нельзя. Вдругъ великій князь, что называется, налетѣлъ на него. Взглядъ его показывалъ, что онъ узналъ солдата издали и окликнулъ его по имени:

— „Стой!“—закричалъ онъ: „поди сюда, посмотри на себя, на кого ты похожъ? Свинья свиньей!“

„Да такая работа, ваше высочество, съ масломъ возжусь!“

— „А другой нѣтъ?“ возразилъ великій князь.

„Никакъ нѣтъ“, отвѣчалъ солдатъ.

— „Приходи ко мнѣ во дворецъ“, продолжалъ великій князь: „я тебѣ сыщу работу“, и затѣмъ уѣхалъ.

Я подошелъ къ солдату. „Видно онъ тебя знаетъ!“ сказалъ я ему.

„Какъ-же,—я въ артиллеріи служилъ; да онъ насъ всѣхъ знаетъ!“

Мнѣ рассказывалъ еще бывшій адъютантъ его, князь Сергѣй Сергѣевичъ Голицынъ, что память великаго князя была поразительна: онъ помнилъ имена не только каждаго солдата изъ своей артиллерійской роты, когда онъ ея въ молодости командовалъ, но даже имена ихъ женъ и крестниковъ своихъ, конихъ, по полкамъ, у него было безъ счету.

Ежедневныя встрѣчи народа и вообще публики съ царскою фамиліею единили ихъ между собою, укрѣпляли преданность къ ней и поселяли радость. Встрѣчи эти были попреимуществу на Невскомъ, Морской, на набережныхъ и въ Лѣтнемъ саду.

Не рѣдко можно было видѣть царя Николая Павловича шедшимъ пѣшкомъ по Морской и Невскому проспекту, по лѣвой сторонѣ. Разъ я помню такой случай: не успѣвъ онъ, идя пѣшкомъ, миновать Публичную библіотеку, какъ изъ-за угловъ Александринскаго театра и смежныхъ съ нимъ улицъ показалась толпа школьниковъ. По какой-то странности, свойственной, впрочемъ, школярамъ низшихъ сословій, они начали бѣжать рядомъ съ царемъ и вокругъ него, смотря прямо ему въ лицо. Уличная полиція видѣла все это, но не смѣла выказать свою распорядительность. Равнымъ образомъ, и публика съ другой стороны Невскаго съ любопытствомъ смотрѣла на это и удивлялась терпѣнію и благодущію царя. Съ такою толпою кружившихся около него школяровъ царь дошелъ до продавца, стоявшаго со своимъ лоткомъ пряниковъ, фруктовъ и разныхъ сластей, около рѣшетки Аничкина дворца... Государь остановился около него и, взглянувъ милостиво и съ улыбкою на своихъ преслѣдователей, велѣлъ раздавать все, что у него было на лоткѣ, и послѣ явиться во дворецъ. Началась раздача. Школьники тотчасъ приткнулись къ лотку, съ жадностію смотрѣли на гостинцы, дожидаясь съ нетерпѣніемъ каждый своей очереди. Царь величаво пошелъ далѣе. Публика въ недоумѣніи съ другой стороны улицы смотрѣла, а полиція, освободившись отъ страха, вздохнула свободно.

Разказы о царѣ, при посѣщеніи имъ корпусовъ, поражали всѣхъ отеческою его любовію. Маленькіе кадеты, безъ церемоній и боязни, окружали царя, карабкались на его могучіе плечи, вытаскивали у него платки изъ кармана, вырывали перья изъ его шляпы, похищали перчатки и т. д.—всего не перечтешь!

Раннею весною и лѣтомъ царская фамилія при Николаѣ Павловичѣ, въ первые годы его царствованія, почасту пребывала на Елагиномъ острову. Тогда эта мѣстность съ Каменнымъ островомъ, Новою деревнею, Строгановымъ садомъ, особенно была оживленною. Зданіе минеральныхъ водъ только что было выстроено и лучшая публика посѣщала ихъ. Являлась сюда и царица Александра Θεодоровна утромъ для прогулокъ и вечеромъ во время баловъ. Тутъ-же было для царской фамиліи и особое отдѣленіе комнатъ. Помню: на одномъ изъ баловъ былъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ со своею красавицею-женою, Наталіею Николаевною. Супруги невольно останавливали взоры всѣхъ. Балъ кончился. Наталія

Николаевна, въ ожиданіи экипажа, стояла прислонясь къ колоннѣ у входа, а военная молодежь, по преимуществу изъ кавалергардовъ, окружала ее, разсыпаясь въ любезностяхъ. Нѣсколько въ сторону, около другой колонны, стоялъ въ задумчивости Александръ Сергѣевичъ, не принимая не малѣйшаго участія въ этомъ разговорѣ. Вглядываясь въ супруговъ и группу офицеровъ, проницательному и пытливому взору наблюдателя можно было прозрѣть и отгадать будущее. Это будущее было не вдалекѣ! Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Пушкинъ погибъ (29 января 1837 г.) отъ руки, вѣроятно, одного изъ окружавшихъ Наталію Николаевну на балу кавалеровъ. Это былъ Геккеріъ-Дантесъ.

На дачѣ въ Строгановомъ саду, на право съ мосту, на берегу, жилъ графъ Григорій Александровичъ Строгановъ († 7-го января 1857 г.); супругу его звали Юлія Петровна. Самъ онъ былъ слѣпецъ. У нихъ, на дачѣ, со стороны сада, на балконѣ часто можно было видѣть Александра Сергѣевича бесѣдовавшаго со старикомъ. Это отецъ графа Сергѣя Григорьевича, бывшаго попечителя московскаго университета и одесскаго—графа Александра Григорьевича—графъ Григорій Александровичъ. Фигура графа Григорія съ сѣдыми вьющимися волосами, въ бархатномъ длиннополомъ черномъ сюртукѣ, съ добродушною улыбкою, невольно останавливала вниманіе гулявшихъ въ саду. Особенно, когда вмѣстѣ съ нимъ былъ и поэтъ. Пушкинъ считалъ старика Строганова своимъ другомъ, каковымъ графъ себя и на дѣлѣ выказалъ впоследствии, когда Пушкинъ умеръ. Извѣстно, что графъ Григорій былъ опекуномъ надъ дѣтьми поэта и его имуществомъ. Черезъ его ходатайство семья Пушкина получила отъ государя до 150 т. руб. серебромъ.

Описывая Петербургъ прошлаго времени, нельзя пройти молчаніемъ и его окрестности.

Павловскъ и Царское село тогда еще не были излюбленными мѣстами. Одинъ только Петергофъ, особенно въ день гулянья, что было 1-го іюля, подымалъ весь Петербургъ. Туда стекались въ экипажахъ, лодкахъ, на пароходахъ и даже пѣшкомъ. Вечеромъ 1-го іюля весь садъ верхній и нижній освѣщался безчисленными огнями, шкаликами съ разными сіяющими щитами, фонтаны метали и подымали воду неисчерпаемыми струями, а во дворцѣ шелъ маскарадъ. Сюда всѣ, сколько-нибудь въ приличномъ одѣяніи, допускались. Царь подъ руку съ дамой, украшенной вѣнками изъ васильковъ, открывалъ шествіе, пробивая себѣ и слѣдующимъ за нимъ дорогу. Украшеніе дамами своихъ головъ васильками было, кажется, общее. Это любимый цвѣтокъ императрицы Александры Θεодо-

ровны, напоминавшій ей мать—королеву Луизу. Всѣ видѣли и слышали рѣчь царя и поражались его простотою и величіемъ. Послѣ сего царская фамилія, съ придворными, садилась въ линейки и каталась по аллеямъ сада. Самъ царь, стоя на подножкѣ одной изъ линейекъ, около козелъ, громко возглашалъ, обращаясь къ публикѣ: „осторожниѣе, берегитесь, тише-тише!“ Однимъ словомъ, царя слышали, видѣли, царь былъ вездѣ и повсюду въ виду народа.

Помню, въ Петергофѣ, въ день Ольгинъ, кажется 11-го іюля 1846 года, царь вышелъ на балконъ съ великою княжною Ольгою Николаевною и движеніемъ руки, глазами и громкою рѣчью представилъ ее народу, какъ невѣсту. Нужно было видѣть эту сказочную красавицу княжну, со своимъ величавымъ отцемъ, чтобы прійдти въ неописанный восторгъ, залиться отъ избытка чувствъ слезами и затѣмъ, во всю жизнь, не забыть этсой сцены.

Съ такими усвоенными мыслями о царѣ, появлявшемся всюду среди народа и охраняемомъ любовію его, мы, современники, остались во всю нашу жизнь; но не могу не рассказать еще нѣсколько событій того времени и случаевъ о приснопамятномъ государѣ Николаѣ Павловичѣ.

30-го августа 1834-го года. послѣдовало открытіе памятника Александровской колонны. Войскъ собрано было множество и вся площадь Зимняго дворца, Адмиралтейства и Сената покрыта была ими. Погода была пасмурная и съ дождемъ, но народу была масса. Въ кругу главнаго штаба и около него, по окраинамъ, устроены были мѣста для публики.

Въ то время, когда государь, со свитою и лицами высшаго духовенства, былъ около памятника, а протодіаконъ Лебедевъ провозглашалъ, могучимъ басомъ, вѣчную память императору Александру I, вдругъ, надъ самымъ памятникомъ просвѣтлѣло небо, въ видѣ радужнаго круга, и въ срединѣ онаго, съ высоты небесъ, лучи солнца, широкою полосою, ярко озарили вершину колонны. Явленіе было поразительное, видимое для всѣхъ, и оставалось во все время, пока продолжалось молебствіе. Многіе, видя это, невольно крестились. Говорю это для того, что я не читалъ о семъ нигдѣ, а между тѣмъ, на нѣкоторыхъ гравюрахъ того времени, гдѣ изображается Александровская колонна, облачное небо представлено отверстымъ съ нисходящими на нее лучами солнца. Ясно, что художникъ видѣлъ это явленіе. Рассказывая о возможности видѣть царя Николая, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что онъ былъ большой любитель театра и въ особенности маскарадовъ. Не одна новая пьеса во французскомъ или русскомъ театрѣ, а равно опера и ба-

legt не проходили безъ того, чтобы царь не осчастливилъ пьесу своимъ присутствіемъ. Всѣ лучшіе актеры того времени были извѣстны лично ему. Онъ удостонивалъ ихъ своею бесѣдою, шутками и вообще милостиво къ нимъ относился. Ходъ пьесы при царѣ видимо оживлялся; актеры наперерывъ другъ передъ другомъ старались выказать свои способности, играя на сценѣ безъ всякаго стѣсненія. Итальянская опера того времени была на высотѣ своего величія. Пѣвцы: Рубини, Тамбурини, Лаблашъ, Віардо и друг. сдѣлали эпоху въ музыкальномъ мірѣ всего свѣта.

Можно сказать безъ преувеличенія, что на всѣхъ маскарадахъ въ Большомъ театрѣ и дворянскомъ собраніи, царь Николай, если только находился въ столицѣ, былъ постояннымъ и непремѣннымъ посѣтителемъ. Эта любовь царя къ маскарадамъ дѣлала много заботъ бывшему оберъ-полицеймейстеру столицы Александру Павловичу Галахову. Онъ считалъ своею обязанностію, чтобы доставить удовольствіе государю, не только приглашать, но умолять знакомыхъ ему дамъ быть непремѣнно въ маскарадѣ, снабжая ихъ безплатно билетами. Отличавшіяся любезностію дамы были по преимуществу изъ круга французскихъ первоклассныхъ артистокъ; были, разумѣется, дамы и изъ высшаго круга, но какъ тѣ, такъ и другія безъ стѣсненія интриговали царя, отвлекали его отъ царственныхъ заботъ и почасту срывали улыбку съ его устъ.

Помню разъ, что одна маска, ведомая имъ подъ руку въ маскарадѣ, остановила его предъ группою генераловъ, кои, какъ на подборъ, были одинъ другаго толще и пузастѣе.

„Не знаю“, сказала маска: „храбры-ли или любезны твои генералы, но, глядя на нихъ, можно сказать навѣрно одно только, что они всѣ какъ будто въ интересномъ положеніи!“

Царь и генералы громко захохотали.

Много ходило разныхъ анекдотовъ по поводу посѣщенія царемъ маскарадовъ. Нѣкоторыя неумѣлыя дамы, какъ говорили, предлагали царю такіе вопросы, кои выходили изъ круга маскарадныхъ легкихъ разговоровъ. Такихъ дамъ царь обыкновенно безъ церемоніи оставлялъ, не удостонвая ихъ дальнѣйшею бесѣдою. Но были и такіе случаи, кои вызывали царя на доброе дѣло. Вотъ что рассказывала мнѣ одна дама, жившая въ Таврическомъ дворцѣ.

— „Вы видите“, произнесла она: „я далеко не хороша собою, даже можно сказать дурна, не правда-ли? Но тѣмъ не менѣе мнѣ страстно желалось интриговать царя въ маскарадѣ. Долго я думала, совѣтывалась со своимъ зеркаломъ, которое, хотя говорило мнѣ истину, но въ виду того, что я буду подъ маскою, я рѣшилась идти въ

маскарадъ. Само собою, я приготовилась къ той роли, которую задумала разыграть подъ маскою предъ царемъ. Это было въ Москвѣ. Насталъ день и я отправилась. Случай благопріятствовалъ мнѣ и я скоро овладѣла рукою царя. Скажу вамъ откровенно и не хвалясь, что въ разговорѣ съ нимъ, я превзошла сама себя: была умна, любезна и таинственна; однимъ словомъ, царь былъ завлеченъ мною. Но всему бываетъ конецъ!

„Довольно“, сказалъ царь: „прошу тебя познакомить меня съ собою, безъ маски!“

Какъ? снять маску, это значило-бы уничтожить то очарованіе, которое я навѣяла на него. Мнѣ стало жаль самое себя, столько трудовъ и вдругъ—все должно исчезнуть какъ дымъ! Нѣсколько одумавшись, я произнесла: позвольте мнѣ, государь, воспользоваться, на этотъ разъ, правами маски и остаться подъ покровомъ ея, въ неизвѣстности!

„Въ такомъ случаѣ, скажи, не могу-ли я быть тебѣ полезнымъ и снова видѣть тебя когда-нибудь. Напримѣръ, продолжалъ царь: видѣла-ли ты дворецъ? если нѣтъ, то я самъ берусь показать тебѣ его!“

Я согласилась, и царь назначилъ мнѣ на другой день пріемъ. Вы можете себѣ представить, въ какомъ безотрадномъ положеніи была я, возвратившись домой. Первою мыслию моею было взглянуть снова на себя въ зеркало. Боже мой! какъ я была дурна! Я возненавидѣла всѣхъ красивыхъ женщинъ. Меня одолѣло раздумье—идти или не идти къ царю во дворецъ? Не идти нельзя, а идти, значило-бы сказать царю: смотри, какая дурнышка тебя интриговала! Но всякія размышленія тутъ были не причемъ. Я отправилась въ назначенный часъ во дворецъ и была представлена царю. Взглянувъ другъ на друга, смущеніе наше было полное: онъ — идеалъ мужества; я—дама въ сознаніи своего безобразія. Но онъ быстро овладѣлъ собою, подалъ мнѣ любезно свою руку и повелъ меня по новому дворцу, тогда только что отстроенному. Подъ конецъ онъ спросилъ меня: не можетъ-ли онъ быть для меня полезнымъ въ чемъ-нибудь другомъ? Я откровенно отвѣчала, что желала-бы жить въ Петербургѣ и имѣть тамъ занятія. Представленіе кончилось, а чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, мнѣ предложено было прибыть въ Петербургъ и въ ожиданіи занятій поселиться въ Таврическомъ дворцѣ. Вотъ вамъ моя исторія, заключила дама“. Дальнѣйшая судьба ея мнѣ неизвѣстна.

Но не однѣ маскарадныя сцены свидѣтельствовали о великодушіи царя, какъ рыцаря мужчины, нѣтъ! Онъ во всѣхъ дѣлахъ,

кон доходили до него, вездѣ и всегда являлся достойнымъ того величія, которое присуще монарху.

Служа въ министерствѣ юстиціи, въ званіи начальника отдѣленія гражданскихъ дѣлъ, я имѣлъ много случаевъ, по производству оныхъ, видѣть и читать его резолюціи. Всѣ они свидѣтельствовали, что онъ былъ чуждъ всякаго пристрастія къ кому-бы то ни было.

По смерти царя Николая Павловича, бывшій тогда въ живыхъ, графъ Модестъ Андреевичъ Корфъ возмѣлъ благою и добрую мысль: собрать всѣ собственноручныя его резолюціи. Ради сего онъ пригласилъ много дѣльцевъ и, кажется, работа была начата, но едва-ли при жизни получила окончаніе. Вышло, какъ извѣстно, его сочиненіе: „Восшествіе на престолъ императора Николая“— и только, но дальнѣйшіе труды его остались неизвѣстны.

Замѣчательно, что императоръ Николай, усматривая въ какомъ-либо вѣдомствѣ безпорядокъ, не освобождалъ себя отъ упрека въ томъ, что этотъ безпорядокъ не былъ устраненъ имъ своевременно. Такихъ случаевъ можно много привести, но я расскажу одинъ, который меня когда-то въ особенности поразилъ.

Вѣдомо всѣмъ, что въ 1824 году въ С.-Петербургѣ было наводненіе, во время котораго всѣ нижніе этажи зданій были наполнены водою, и что тамъ многое оказалось подмоченнымъ и испорченнымъ. Къ числу такихъ зданій принадлежалъ и домъ, находившійся на Адмиралтейской площади, занимаемый губернскими присутственными мѣстами. За нѣсколько лѣтъ до смерти императора, мѣстный петербургскій генералъ-губернаторъ, кажется Шульгинъ, довелъ до свѣдѣнія государя, что подъ лѣстницею губернскихъ мѣстъ валяется въ безпорядкѣ масса дѣлъ, сваленныхъ сюда еще во время бывшаго въ 1824 г. наводненія и до сихъ поръ не разобранныхъ.

На донесеніи этомъ государь приблизительно, какъ помню, написалъ слѣдующее: „Позоръ для начальства и моему царствованію! Какъ!“—писалъ государь: „въ теченіи слишкомъ 20-ти лѣтъ дѣла остаются не разобранными въ зданіи, мимо котораго ежедневно ходятъ и ѣздятъ всѣ. а въ томъ числѣ и я!“

Министерство юстиціи этого царскаго упрека не приняло въ сердцу, считая безпорядокъ въ означенномъ зданіи дѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но однакожъ, для отклоненія отъ себя упрека, командировало чиновника своего, нѣкоего Менщикова. Чиновникъ этотъ началъ съ того, что вошелъ съ представленіемъ о покупкѣ веревокъ, нужныхъ для связки дѣлъ.

Далѣе по дѣламъ министерства юстиціи было видно, что императоръ Николай, убѣдись въ виновности какого-либо лица, не измѣ-

нялъ своихъ убѣжденій, не смотря на всѣ заискиванія, просьбы и ухищренія, и оставался твердъ и непоколебимъ, и былъ правъ. Въ подтвержденіе сего я расскажу про дѣло графа Михаила Потоцкаго. Личность эта принадлежала къ богатѣйшимъ помѣщикамъ Подольской губерніи. Ему принадлежали многолюдныя имѣнія Тульчинъ и Ольховатскъ съ нѣсколькими деревнями и селами. Самъ онъ былъ на худомъ счету у государя по многимъ дѣламъ, но мнѣ собственно извѣстно только два; первое: похищеніе имъ во время Вознесенскихъ маневровъ красавицы Мюллеръ-Закомельской, а второе: жестокое обращеніе его со своею женою, Дельфиною, урожденною Свейковскою. Съ нею у него не было ладу, и вотъ разъ онъ ее избилъ до-нельзя и она, растрепанная и оборванная, прибѣжала въ штабъ квартировавшей въ Тульчинѣ дивизіи, начальникомъ коей былъ генералъ Скарятинъ, прося у него защиты.

Графиня была молода и очень хороша собой, а потому, весьма естественно, что она скоро обрѣла эту защиту въ лицѣ генерала-воина. Но какъ и чѣмъ оказать ей покровительство? Недоумѣніе было полное. Къ счастью, въ это время, императоръ Николай былъ въ пути и ѣхалъ чрезъ Тульчинъ. Дѣло доложено было ему въ томъ смыслѣ, что графъ Потоцкій буйнаго характера, своеволенъ и стѣсняетъ жену и сына въ средствахъ жизни.

Рѣшеніе императора послѣдовало немедленно. Имѣніе взято въ вѣдѣніе III-го отдѣленія, съ назначеніемъ особаго администратора, а самъ Потоцкій сосланъ въ какой-то губернской городъ, кажется, Саратовъ.

Графъ, живя въ этомъ городѣ, для того, чтобы затруднить жену въ средствахъ, началъ выдавать на себя разныя обязательства съ обезпеченіемъ на имѣніи. Послѣдствіемъ сего было то, что для разбора сихъ обязательствъ учреждена была особая коммиссія. Это поудержало графа; но засимъ онъ пустился на разныя ухищренія, съ одной стороны, чтобы умилостивить царя и снискать отъ него прощеніе, а съ другой—затруднить управленіе имѣніемъ,—увы! всѣ его подвохи оказались тщетными и онъ ничего не достигнулъ; но расскажем по порядку.

Перво-на-перво онъ пожертвовалъ: три тысячи ежегоднаго дохода въ пользу сиротъ Саратовскаго института благородныхъ дѣвицъ и одну тысячу въ пользу тамошняго пріюта. Пожертвованіе принято; его, можетъ быть, и благодарили тѣ, до коихъ дѣло касалось, но царь безмолствовалъ. Потоцкій задумался и началъ заискивать расположеніе царя со стороны православія: онъ, вдругъ, пожертвовалъ 12 тысячъ рублей въ годъ на поддержку и устрой-

ство православныхъ церквей въ своемъ имѣніи и вмѣстѣ съ тѣмъ обязался выстроить тамъ же, особо, 12 каменныхъ православныхъ церквей. Это пожертвованіе со стороны католика не могло не поразить всѣхъ, но увы! помилованія отъ царя опять-таки не послѣдовало, а этого-то онъ и домогался! Но графъ Потоцкій не унимался, продолжалъ испытывать великодушіе царя, и пошелъ далѣе. Представьте себѣ,—онъ составилъ отпускную всѣхъ крестьянъ Тульчино-Ольховотскаго имѣнія, въ количествѣ, кажется, 18 тыс. крестьянъ, однакожъ, безъ земли.

По случаю этой отпускной въ министерствѣ задумались: съ одной стороны принимали во вниманіе, что помѣщикъ Потоцкій—правоспособный, слѣдовательно имѣющій право располагать своимъ имѣніемъ и свободою крестьянъ, а съ другой: какъ отпускать крестьянъ безъ земли, въ такомъ количествѣ, да еще на границѣ имперіи и въ то время, когда мысль о свободѣ крестьянъ, такъ сказать, жила въ воздухѣ и пугала неимоვნю правительство.

„Что дѣлать“, говорили въ министерствѣ, „и какъ быть? Вѣдь такъ можно, пожалуй, поднять общій вопросъ о свободѣ крестьянъ на всю имперію, а это, Боже сохрани, бѣда!“

Одинъ государь не затруднялся! Онъ указалъ, что всего удобнѣе въ имѣніи Потоцкаго опредѣлить временно обязательное положеніе съ переложеніемъ натуральной повинности на денежную и съ назначеніемъ крестьянамъ извѣстнаго количества земли. Ради сего составлена была комиссія, въ коей, какъ мнѣ извѣстно, засѣдалъ и самъ государь и дѣлалъ собственноручно нѣкоторыя поправки.

Дѣло кончилось,—имѣніе осталось въ вѣдѣніи III-го отдѣленія, крестьяне переведены на оброкъ, графинѣ назначено содержаніе, кажется 18 тыс. въ годъ, но положеніе графа не измѣнилось!

Послѣ сего можно-бы успокоиться, но графъ Потоцкій все еще считалъ возможнымъ умиловить царя. Для этого онъ прибѣгъ къ послѣднему средству: онъ объявилъ и просилъ дозволить ему вмѣстѣ съ сыномъ принять православіе! И это ему было разрѣшено и засимъ онъ изъ Мечислава сталъ именоваться Михайломъ, а сынъ его, по принятіи православія, опредѣленъ въ кадетскій корпусъ. Но и послѣ всего этого графъ Мечиславъ (Михаилъ) Потоцкій не получилъ свободы и царь, по отношенію къ нему, оставался непреклоннымъ.

Назначенное графинѣ Дельфинѣ Потоцкой комиссіею содержаніе показалось ей скуднымъ и она явилась въ Петербургъ, задумавъ подать жалобу на неправильное переложеніе комиссіею натуральныхъ

повинностей на денежную. Но кому подать жалобу, когда извѣстно было, что въ этой комиссіи участвовалъ самъ царь? Она прибѣгла къ В. П. Буткову за совѣтомъ. Мужъ этотъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ поклонникъ прекраснаго пола, а графиня была еще молода, хороша и даже въ свое время слыла красавицею. Онъ научилъ графиню подать лично государю жалобу, съ присовокупленіемъ, что она подаетъ жалобу царю на царя!

Царь великодушно и съ улыбкой принялъ эту жалобу и приказалъ препроводить оную въ министерство юстиціи съ порученіемъ разсмотрѣть дѣло во всей подробности и доложить ему: правъ-ли онъ или нѣтъ? Дѣло въ министерствѣ доложено было, въ качествѣ начальника отдѣленія, пишущимъ сіи строки и, разумѣется, царь оправданъ былъ вполне. Засимъ графиня выпровождена была изъ Петербурга.

Въ такомъ положеніи дѣло было до самой смерти государя императора Николая и, слѣдовательно, всѣ ухищренія графа Потоцкаго умиловить его,—остались тщетными. По востшествіи же на престолъ Александра II, Потоцкій былъ освобожденъ и отпущенъ за границу. Тамъ, какъ говорили, онъ предался биржевой игрѣ и нажилъ десятки милліоновъ. Былъ-ли онъ заграницею православнымъ или католикомъ?—неизвѣстно! Но не нужно быть мудрецомъ, чтобы отгадать, что онъ и не переставалъ быть католикомъ. Заключимъ исторію о Потоцкомъ, сказавъ, что въ 1869 году имѣніе Тульчинъ-Ольховотское съ деревнями и селами, перешло въ вѣдѣніе племянницы графа Михаила Потоцкаго, графини Маріи Болиславовны Строгановой, урожденной Потоцкой, а отъ нея, 1874 г. 9 декабря, поступило въ вѣдомство департамента удѣловъ за 3,500,000 руб.

Самъ графъ Михаилъ Потоцкій скончался въ Парижѣ, а сдѣланныя имъ пожертвованія въ пользу саратовскаго института, пріюта, на поддержку церквей 12 тысячъ р. и на постройку 12 каменныхъ церквей—остались безъ измѣненія.

Марія Строганова умерла въ Римѣ 18 марта 1882 года и похоронена въ Невскомъ монастырѣ. Дочь ея состоитъ въ замужествѣ за княземъ Щербатовымъ, сыномъ князя Григорія Алексѣевича Щербатова. Ей принадлежитъ имѣніе Немирово, Подольской губ.

Мужъ графини Маріи Строгановой, графъ Григорій Сергѣевичъ Строгановъ, пребываетъ постоянно въ Римѣ.

Разскажемъ еще одно преданіе объ императорѣ Николаѣ.

Многіе думали и говорятъ, что онъ при своемъ величіи былъ недоступенъ; напротивъ, печатаемые про него теперь рассказы свидѣтельствуя совсѣмъ иное. Можно-бы въ подтвержденіе сего

сказать многое, но я повѣдаю только одинъ случай, гдѣ онъ выказалъ терпѣніе и великодушіе.

Дѣвица Билибина, остановивъ царя на улицѣ, во время прогулки, просила у него аудіенціи. Государь изъявилъ согласіе; она явилась во дворецъ и рассказала слѣдующее:

Графъ Разумовскій, владѣя многими имѣніями Черниговской губерніи, отдалъ оныя въ аренду купцу Билибину. Но вслѣдъ за симъ послѣдовалъ указъ, въ силу котораго дворянскія имѣнія запрещалось отдавать лицу не дворянскаго званія въ аренду, посему упомянутая аренда должна была прекратиться и между купцомъ Билибинымъ и наслѣдниками графа Разумовскаго, въ числѣ которыхъ былъ графъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ (министръ народнаго просвѣщенія), образовались многосложные расчеты. Дѣло это тянулось много лѣтъ и Билибинъ потерялъ оное, но дѣвица Билибина доложила царю, что дѣло это представлено было въ сенатъ не въ полномъ видѣ но при отсутствіи многихъ томовъ онаго, а потому результатъ рѣшенія вышелъ не въ пользу Билибина. При этомъ Билибина повѣдала царю, что исчезновеніе многихъ томовъ дѣла изъ сената слѣдуетъ приписать влиянію графа Уварова.

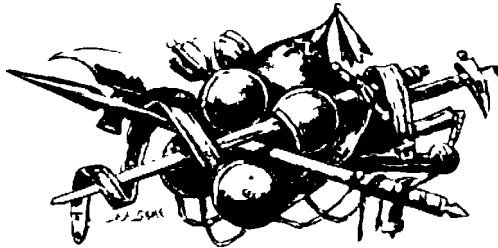
Царь принялъ слова Билибиной къ сердцу, повелѣлъ отыскать дѣла, кои вслѣдъ за симъ были подкинуты къ какому-то дому внѣ сената.

Дѣло, согласно высочайшему велѣнію, было вновь пересмотрѣно въ цѣломъ составѣ и графъ Уваровъ проигралъ оное.

Разсказывали тогда, что обстоятельство это имѣло влияніе на дальнѣйшую судьбу графа Уварова.

Н. М. Козмаковъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ОЧЕРКИ И ВОСПОМИНАНІЯ Н. М. КОЛМАКОВА

съ 1816-го года.

[Окончаніе].

V ¹⁾.

Министръ юстиціи графъ Панинъ.—Товарищи министра: Шереметевъ, Илличевскій, Д. Н. Замятинъ. — Директоры: Данзасъ, Капгеръ, Карніолинъ-Пинскій.—С. И. Зарудный.—М. Н. Любошинскій.

ри поступленіи моемъ въ министерство юстиціи (1844 г.) графъ Викторъ Никитичъ Панинъ былъ министромъ, товарищемъ его Василий Александровичъ Шереметевъ, а директоромъ департамента—Борисъ Карловичъ Данзасъ. Впослѣдствіи Шереметева замѣнилъ Илличевскій, а сего послѣдняго—Замятинъ. Послѣ Данзаса директорами были: Капгеръ, а потомъ Карніолинъ-Пинскій и, наконецъ, Топильскій.

Вотъ о нихъ я и поведу свою рѣчь.

О графѣ Панинѣ и Топильскомъ мною уже былъ составленъ біографическій очеркъ, напечатанный въ журналѣ „Русская Старина“ изд. 1887 г. Все описанное о первомъ я снова подтверждаю и скажу вѣрнѣе, что это былъ мужъ своего времени съ отличной стороны. Для него законъ былъ писанъ, онъ его чтить и ставилъ превыше всего. Доклады свои государю онъ представлялъ съ полною откровенностію и по крайнему своему убѣжденію, основанному, разумѣется, на законѣ. Всѣ подчиненные его это знали, а

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., т. LXX, апрѣль, стр. 23—43; май, стр. 449—469; іюнь, стр. 657—679.

потому смѣло выражали свое убѣжденіе по дѣламъ, не спрашивая напередъ, какъ онъ хочетъ или какъ онъ думаетъ. Все это было объяснено мною въ означенной статьѣ, а потому, во избѣжаніе повтореній, перехожу къ его товарищу.

Шереметевъ, предъ назначеніемъ его въ товарищи министра юстиціи, былъ черниговскимъ губернаторомъ и отличался, какъ говорятъ, быстротою въ своихъ распоряженіяхъ и строгостію во взысканіяхъ съ подчиненныхъ. Онъ былъ даже рѣзокъ и, какъ говорятъ, не могъ видѣть въ подчиненныхъ краснаго носа. По его понятіямъ, красный носъ — это вѣрный признакъ пьянства. Встрѣчая при ревизіяхъ своихъ по губерніямъ чиновника съ краснымъ носомъ, онъ его сразу опѣшивалъ: „пьяница“, говорилъ онъ и выгонялъ изъ службы. Объ его юридическихъ знаніяхъ и направленіи я ничего не могу сказать, ибо ни въ одномъ дѣлѣ не встрѣчалъ ничего такого, что могло-бы мнѣ дать понятіе объ его взглядахъ. Онъ подписывалъ бумаги, кои ему представлялись, причемъ самая подпись была особенно своеобразна. Это было нѣсколько прямыхъ линейчекъ безъ всякаго очертанія буквъ, но съ огромнымъ росчеркомъ. Потомки его, или историки, будутъ въ большомъ затрудненіи, глядя на его подпись, опредѣлить—кому она принадлежитъ. Подписавъ бумагу, онъ, бывало, склонивъ голову на-лѣво, всегда окидывалъ подпись свою взоромъ, какъ она у него вышла. Улыбка на его лицѣ выражала, что онъ доволенъ; однимъ словомъ, подпись его занимала. Начальники отдѣленій, ѣздившіе къ нему въ Коломну, гдѣ онъ жилъ въ домѣ Трубецкаго, съ докладомъ, обязаны были, представляя ему бумагу для подписи, быстро и ловко засыпать изъ песочницы, которая стояла тутъ-же на столѣ и не отличалась фигурою своею ничѣмъ отъ чернильницы.

Вотъ разъ случилась такая бѣда съ начальникомъ отдѣленія, Касторомъ Никифоровичемъ Лебедевымъ: онъ, представляя Шереметеву бумагу для подписи, вооружился, по разсѣянности, вмѣсто песочницы, чернильницею. Не успѣлъ Шереметевъ подписать, какъ Лебедевъ махнулъ всею массою чернилъ и, о ужасъ! обдалъ и столъ и руки своего начальника нежелательною массою! Шереметевъ вскочилъ съ растопыренными пальцами и уставляя гнѣвные свои очи въ Лебедева, да такъ и остался, а Лебедевъ за лучшее счелъ попятиться назадъ и, не произнося ни слова, съ наклоненною головою, мало-по-малу, убраться по добру и здорову туда, откуда пріѣхалъ, т. е. въ департаментъ. Случай этотъ для Лебедева былъ печальный: онъ уже не ѣздилъ съ докладомъ къ Шереметеву и карьера его затуманилась.

Въ день приѣма просителей, къ Шереметеву ѣздили на домъ дежурные изъ молодыхъ чиновниковъ. Дошла очередь и до меня,—я прибылъ къ нему рано утромъ. Шереметевъ вышелъ и, подойдя ко мнѣ, спросилъ рѣзко и отрывисто: „Университетскій?“ Я отвѣчалъ утвердительно. „Московскій?“—„Нѣтъ, петербургскій“, возразилъ я. Тѣмъ и кончились наши объясненія.

Засимъ я долженъ былъ ходить за нимъ слѣдомъ, когда онъ подходилъ къ просителямъ, чтобы отбирать отъ нихъ бумаги и передавать ихъ мнѣ. Въ этотъ разъ ему представлялся какой-то помѣщикъ изъ Саратова. Когда Шереметевъ къ нему приблизился и сдѣлалъ вопросительную мину, помѣщикъ умиленно сказалъ: „Я съ вами, ваше высокопре—ство, въ Саратовѣ, во время вашего пребыванія тамъ, имѣлъ счастье играть въ бостонъ!“—„Да?“ спросилъ протяжно Шереметевъ. „Да!“ отвѣчалъ помѣщикъ. Засимъ послѣдовало молчаніе, обоюдные поклоны, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій.

Мнѣ извѣстенъ особый случай, въ коемъ Василій Александровичъ выказалъ свою находчивость.

Въ прежнее время у нашихъ вельможъ воспитателями ихъ дѣтей нерѣдко были иностранцы и по преимуществу нѣмцы и французы; ихъ записывали на службу и они получали чины, а по окончаніи воспитанія эти иностранцы, по протекціи тѣхъ-же вельможъ, получали казенныя мѣста, съ выгоднымъ окладомъ.

Вотъ одна изъ такихъ личностей, французъ, былъ прокуроромъ, кажется, въ Оренбургскомъ краѣ, и, послѣ многихъ лѣтъ, пріѣхалъ въ Петербургъ представляться. Шереметевъ, въ отсутствіе графа Панина, управлялъ министерствомъ, и вотъ къ нему нашъ прокуроръ и отправился, а по обычаю востока, явился съ подаркомъ — великолѣпнѣйшимъ бухарскимъ халатомъ.

Подходя къ Шереметеву, прокуроръ, съ умиленіемъ, держа въ рукахъ халатъ, преподнесъ ему онъ, сказавъ при этомъ, разумѣется, пышную хвалебную рѣчь. „Браво!“ сказалъ Шереметевъ: „надѣньте-ка халатъ!“ Прокуроръ облачился. „Накройте-ка шляпою“, и это исполнено; „а теперь ступайте вонъ!“ Последнее слово было сказано такъ выразительно и громко, что мой прокуроръ, подобравъ поспѣшно полы халата, очутился на улицѣ, въ восточномъ одѣяніи, и оглядывался назадъ: не угрожаетъ-ли опасность его затылку; но до этого не дошло! Само собою, онъ былъ вскорѣ затѣмъ уволенъ отъ службы.

Оканчивая очеркъ о Шереметевѣ, скажемъ, что между нимъ и графомъ Панинымъ не было никакой пріязни. Это были двѣ

натуры совершенно разныя. Одинъ: графъ Панинъ, съ глубокимъ всестороннимъ образованіемъ и обширными взглядами, другой—Шереметевъ, съ легкимъ знаніемъ французскаго языка и усвоенными тенденціями начальническаго режима, годными по преимуществу для губернской службы и канцеляріи того времени. Вотъ и только!

По выходѣ Шереметева изъ министерства, товарищемъ Панина былъ назначенъ Платонъ Демьяновичъ Илличевскій. Онъ, какъ извѣстно, служилъ при графѣ Сперанскомъ и былъ помощникомъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ. Назначеніе его въ товарищи было слѣдствіемъ ходатайства и выбора самого графа Панина. П. Д. Илличевскій былъ чрезвычайно мягкаго характера, обходителенъ до крайности и ничего начальническаго въ немъ не проявлялось. Это былъ человѣкъ совершенно противоположнаго характера съ Шереметевымъ. Дѣятельность Илличевскаго заключалась единственно въ пропускѣ маловажныхъ, пустыхъ сенатскихъ опредѣленій и въ разсмотрѣніи докладовъ по просьбамъ частныхъ лицъ о содѣйствіи министерства къ скорѣйшему окончанію дѣлъ ихъ, или въ губернскихъ судебныхъ мѣстахъ, или въ сенатѣ. Подобныя просьбы разрѣшались всѣ единообразно. Обыкновенно министерство предписывало мѣстнымъ прокурорамъ, а если дѣло производилось въ сенатѣ, то оберъ-прокурорамъ, о наблюденія за скорѣйшимъ окончаніемъ дѣлъ, о коихъ шла рѣчь. Если-же проситель жаловался по существу дѣла, то министерство указывало ему, что за силою 213 и 214 ст., т. I, учр. министерствъ, оно не можетъ входить въ разсмотрѣніе дѣлъ по существу, прежде нежели они дойдутъ до него установленнымъ порядкомъ. Были, разумѣется, исключенія изъ сего, но очень рѣдко. Эти единообразныя формы рѣшеній по частнымъ просьбамъ и подписываніе бумагъ одного и того-же содержанія опостыли Платону Демьяновичу до-нельзя, но переменить этого порядка онъ не могъ или не сумѣлъ. Курьеры вносили ему въ кабинетъ каждый день кипы пустыхъ бумагъ къ подписи. Онъ сначала терпѣливо подписывалъ подъ ними свою фамилію полными буквами, но потомъ, мало-по-малу, началъ сокращать и, наконецъ, дошло до того, что чиркалъ только буквы Илл..... и не болѣе. Министръ его, по обыкновенію, не видалъ и не входилъ съ нимъ ни въ какія дѣловыя объясненія, все дѣлалось особнякомъ; въ нужныхъ случаяхъ Михаилъ Ивановичъ Топильской сообщалъ ему то, что министръ хотѣлъ. Въ сенатъ и государственный совѣтъ, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, Илличевскій не ѣздилъ. Такъ проходили дни, мѣсяцы и годы. Наконецъ, стали подмѣчать, что Платонъ Демьяновичъ началъ подписывать бумаги не въ гори-

зонтальному направленіи, а въ кривомъ, т. е. сверху внизъ или наоборотъ. Онъ видимо болѣлъ, скорбѣлъ и тяготился своимъ положеніемъ, въ особенности умственною бездѣятельностію. Подъ конецъ своей жизни онъ призывалъ къ себѣ начальниковъ отдѣленія или директора департамента Топильскаго и начиналась такая бесѣда: „А что“, говорилъ онъ: „нѣтъ-ли чего-либо новаго?“ Потомъ переходилъ къ наградамъ, указывая то на одного, то на другаго, получившихъ не въ очередь отличія и, наконецъ, упоминая съ горестію о себѣ, заключалъ бесѣду тѣмъ, что вотъ у него нѣтъ брилліантовъ на имѣющейся у него звѣздѣ! Стенанія сіи и вопросы повторялись все чаще и чаще и всѣ уразумѣли, что нашъ Илличевскій заговаривается и что онъ тронулся въ разсудкѣ. Въ минуты спокойствія онъ иногда говорилъ и такъ: „Знаете-ли что? Всякій человѣкъ, при бездѣятельности ума, можетъ свихнуться!“ Предсказаніе его исполнилось: онъ заболѣлъ и умеръ отъ размягченія мозга. А такъ, самъ по себѣ, онъ былъ человѣкъ добрый и честный, но далеко не дѣловой.

По смерти П. Д. Илличевскаго, возникъ вопросъ о томъ, кого назначить на мѣсто его? Ради сего М. П. Топильской собралъ нѣкоторыхъ начальниковъ отдѣленій департамента, въ числѣ которыхъ былъ и я, и объявилъ намъ волю графа Панина о томъ, чтобы мы, вмѣстѣ съ нимъ, обсудили и указали, кто лучше изъ сенаторовъ могъ-бы быть ему товарищемъ? Само собою, мы не сразу развязали свои языки и больше прималчивали, думая, нѣтъ-ли здѣсь какой-либо хитрости. Но онъ самъ высказалъ свое мнѣніе.

— „Вотъ“,—говорилъ онъ: „сенаторъ, князь С. П. Давыдовъ, человѣкъ уступчивый, образованный и могъ бы быть, кажись, товарищемъ, но бѣда въ томъ, что онъ армянинъ, пожалуй, измѣнитъ, а главное у него жена полуумная, останавливается на улицѣ царя и обременяетъ его разными вопросами и просьбами; нельзя!“—заключилъ онъ.—„Ну, вотъ другой сенаторъ“,—продолжалъ Топильской,—„Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ,—что вы скажете? Человѣкъ онъ хорошаго общества и тона, видный, образованный, добрыйшій; правда, лѣнивъ, но это не бѣда.... Ну, какъ вы думаете?“ Мы всѣ хоромъ подтвердили доброе мнѣніе его о Дмитріи Николаевичѣ, и Михаилъ Ивановичъ Топильской прекратилъ бесѣду.

Это, такъ сказать, были закулисные разговоры, съ цѣлю, что вотъ кто-нибудь изъ насъ въслѣдствіи передастъ Замятнину его взглядъ на него; вѣдь Топильской, какъ извѣстно, не даромъ отличался прозорливостію. Можно было думать, что вопросъ о назначеніи Замятнина товарищемъ министра былъ рѣшенъ графомъ Панинымъ до нашей бесѣды съ Топильскимъ. Засимъ чрезъ

нѣкоторое время, огласилось, что Замятнинъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи.

Все шло пока по старому, но Д. Н. Замятнинъ потребовалъ личныхъ докладовъ ему начальниками отдѣленій.

Сии послѣдніе являлись къ нему запросто съ бумагами и прежде подписи должны были доложить ему, какія дѣла представлялись министру и какія резолюціи послѣдовали отъ него. Это ему дало возможность узнать, что дѣлалось въ министерствѣ, а главное—познакомиться ближе со всѣми производителями, что и дало ему случай, впоследствии, дать имъ назначеніе, соотвѣтствующее ихъ способностямъ. Вообще съ подчиненными онъ былъ крайне привѣтливъ. Притомъ онъ безъ пропуска посѣщалъ дни засѣданія консультаціи, по субботамъ. Ко всему этому добавимъ, что онъ обладалъ отличною памятью, рассказывая опредѣлительно о работахъ своихъ, произведенныхъ имъ задолго предъ симъ, во время служенія своего во II-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи—при Сперанскомъ.

Описывая Д. Н. Замятнина, какъ способнѣйшаго, сердечнаго и присвопамятнаго государственнаго мужа, я не могу не рассказать одной странной стороны его:—это своеобразное сидѣніе имъ въ своемъ кабинетѣ. Разумѣется, это было не всегда, но являлись, однакожъ, случаи, кои бросались въ глаза и служили предметомъ разговора Михаила Ивановича Топильскаго со своими служащими. Вотъ въ чемъ дѣло: Димитрій Николаевичъ умудрялся иногда, читая доклады, класть ноги на свой письменный столъ, такъ что вошедшему въ его кабинетъ были видны сначала только подошвы отъ сапогъ его, а голова и туловище Замятнина были незримы для посѣтителя. Такое сидѣніе не смущало никого; всѣ знали его привычки. Одно было не хорошо, что подошвы его сапогъ не всегда отличались крѣпостію. Само собою разумѣется, что объясняясь съ кѣмъ-нибудь вошедшимъ въ кабинетъ, уродливое его сидѣніе прекращалось. Что все это означало?—„Да ничего“,—говорилъ Топильской: „онъ любитъ покой, вѣритъ въ то, что всего не передѣлаешь, да и торопиться-то некуда! Вотъ онъ и нѣжится; по нашему это называется лѣнью!“

Я не вхожу въ разборъ заслугъ Д. Н. Замятнина по введенію судебной реформы. Это особый предметъ, заслуживающій самаго точнаго и подробнаго изложенія. Во всякомъ случаѣ, необходимо сказать, что успѣхъ реформы главнѣйшимъ образомъ обусловливался подготовкою людей во время управленія графа Папина министерствомъ и дѣятельностью ихъ въ то время, когда эти лица

состояли при Д. Н. Замятнинѣ и вообще служили по судебному вѣдомству.

Засимъ переходжу къ очертанію дѣятельности другихъ личностей министерства юстиціи, панинского времени:

Директоръ департамента Борисъ Карловичъ Данзасъ оставилъ по себѣ добрую память; онъ былъ человѣкъ пишущій, опытный, дѣловой, хорошаго общества и уважаемый министромъ. По жизни онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ семействомъ свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына, бывшаго московскимъ генераль-губернаторомъ, у коего Данзасъ и началъ свое служеніе. Обстоятельство это дало поводъ говорить, что будто-бы Данзасъ побочный сынъ князя Д. В. Голицына. Послѣ выхода Данзаса изъ департамента юстиціи, онъ поступилъ оберъ-прокуроромъ 1-го департамента сената. Служеніе мое при немъ было не долго.

Равнымъ образомъ и управленіе г. Капгеромъ департаментомъ было весьма не продолжительно, такъ что я не считаю возможнымъ говорить о немъ много. Когда Капгеръ былъ членомъ консультаціи при министерствѣ, его считали также пишущимъ, дѣловымъ и даже называли мудрымъ.

Послѣ него, въ 1845 году, назначенъ былъ директоромъ Матвѣй Михайловичъ Карніолинъ-Пинскій. Съ назначеніемъ его въ директоры, департаментъ министерства юстиціи дѣлается мѣстомъ, гдѣ, подъ руководствомъ его, образовались лучшіе молодые люди и откуда вышли тѣ дѣятели, кои оставили свои имена на страницахъ исторіи о судебной реформѣ въ Россіи. Скажу кратко о немъ: онъ былъ чтимъ, уважаемъ и любимъ подчиненными, а потому имя его, какъ наставника и начальника, должно сохраниться у нихъ навсегда! Вслѣдствіе сего, я считаю своею обязанностію, отнестись къ его біографіи нѣсколько подробнѣе, чѣмъ о другихъ.

Родина Матвѣя Михайловича (онъ р. 1798 г.)—Сосницкій уѣздъ, Черниговской губ., а первоначальное воспитаніе—въ Смоленской гимназіи. Службу свою онъ началъ по учебному вѣдомству въ 1816 г. по окончаніи курса наукъ въ с.-петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Кстати сказать, этотъ институтъ преобразованъ былъ, въ 1819 г., въ университетъ. Сначала Матвѣй Михайловичъ назначенъ былъ въ Симбирскую гимназію учителемъ естественной исторіи, технологіи и коммерціи. Любовь къ естественнымъ наукамъ, и особенно къ ботаникѣ и цвѣтамъ, онъ сохранилъ до глубокой старости и эту страсть онъ умѣлъ передать и своимъ сослуживцамъ. Кто былъ его подчиненнымъ и съ кѣмъ онъ былъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ, тотъ непремѣнно былъ и цвѣтоводомъ. Я изъ скромности умалчиваю

объ именахъ его учениковъ, изъ числа коихъ нѣкоторые и теперь живы,—все они цвѣтоводы. По наружности—и въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ былъ еще весьма видный мужъ, который невольно останавливалъ на себѣ взоры и вниманіе зрителя, а въ молодости, можно съ увѣренностію сказать, что онъ былъ красивъ собою. Высокій ростъ, правда нѣсколько сутуловатый, но это не портило всего стана, лице чистое, бѣлое, глаза голубые, пытливые, вьющіеся волосы, всегда щеголеватый костюмъ, все это сразу заставило симбирское общество обратить на него вниманіе. Къ этому нужно прибавить даръ слова, извѣстная энергія въ характерѣ и въ выраженіяхъ, умѣніе излагать свой научный предметъ вразумительно поставляли его на первую ступень между симбирскими учителями. При всемъ этомъ онъ давалъ уроки, читалъ публичныя лекціи по своимъ предметамъ, и привлекалъ много слушателей. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Вслѣдъ за симъ явилась зависть, интриги, жалобы, взысканія, а въ 1825 г., т. е. чрезъ 9 лѣтъ своего служенія по учебному вѣдомству, Пинскій долженъ былъ оставить прежнюю службу и перейти въ штатъ канцеляріи московскаго военнаго генераль-губернатора Дмитрія Владиміровича Голицына. По замѣчанію одного современника („Рус. Ст.“ 1875 г., № 8), Христофорова, Пинскій въ средѣ симбирской педагогіи былъ, такъ сказать, пришлецъ изъ другаго міра. Его не могли понять ни директоръ, ни товарищи его, ни само высшее начальство.

Канцелярія московскаго генер.-губернатора, въ былое время, была лучшимъ мѣстомъ, гдѣ работали и откуда вышло много полезныхъ, честныхъ и благородныхъ людей, такъ, по крайней мѣрѣ, отзывались о ней современники. Въ канцеляріи этой Пинскаго приурочили сначала къ уголовной экспедиціи, а затѣмъ онъ опредѣленъ (въ 1827 г.) губернскихъ уголовныхъ дѣлъ стряпчимъ. Въ должности этой онъ производилъ много уголовныхъ слѣдствій особенной важности, и нѣсколько разъ исправлялъ должность губернскаго прокурора, а затѣмъ (въ 1832 г.) переведенъ въ департаментъ министерства юстиціи начальникомъ отдѣленія. Переходъ этотъ состоялся по личному усмотрѣнію бывшаго тогда министра юстиціи Дмитрія Васильевича Дашкова, который, во время пребыванія своего въ Москвѣ, умѣлъ оцѣнить Матвѣя Михайловича.

Министръ Дашковъ, въ свое время, считался однимъ изъ умнѣйшихъ людей и дѣльных начальниковъ. Въ 1837 году Пинскій былъ уже оберъ-прокуроромъ уголовного департамента сената, а въ 1845 г. 15-го мая назначенъ директоромъ департамента министерства юстиціи, чрезъ пять лѣтъ, именно въ 1850 году, онъ былъ сенаторомъ, а въ 1852 г. участвовалъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія

новаго устава гражданскаго судопроизводства. Въ послѣдующихъ годахъ онъ состоялъ въ комиссіи, составленной при государственномъ совѣтѣ, для начертанія судебныхъ уставовъ. Наконецъ, въ 1866 году произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и въ томъ-же году 26 декабря, въ званіи первоприсутствующаго уголовного кассационнаго департамента, на 68 году своей жизни, отошелъ въ вѣчность. Онъ имѣлъ Александровскую ленту, а затѣмъ, я освобождаю себя и читателя отъ перечисленія многихъ порученій, кои онъ исполнялъ во время своего сорокалѣтняго служенія по судебному вѣдомству.

Это такъ называемая служебная его карьера, но внутренняя его жизнь, семейная, омрачена была бракоразводнымъ дѣломъ съ своею женою Надеждою Ивановною, уроженною Стародубскою. Да, это былъ несчастный періодъ его жизни, едва не уложившій его окончательно. Жена его была дочь извѣстной трагической актрисы Екатерины Семеновны Семеновой, вышедшей впослѣдствіи замужъ за князя Гагарина. Бракъ Пинскаго состоялся въ 1833 г. при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Все предвѣщало ему счастье, но увы! любя ее нѣжно и страстно, онъ, съ первыхъ же дней супружества, съ грустію замѣчалъ въ ней и нарушеніе приличій, и злонаправіе, и непокорность, но пока все держалось въ предѣлахъ обыкновенной жизни. Въ 1834 году она уѣхала въ Москву на время, а въ 1837 году уже совсѣмъ оставила мужа и поселилась въ Москвѣ, состоя въ связи съ купцомъ Фирсановымъ. Самолюбіе Пинскаго сильно страдало; положеніе его дѣлалось невыносимымъ; до него въ 1845 г. дошли положительные слухи, что жена его нѣсколько разъ, при разлукѣ съ нимъ, рождала дѣтей, скрывая и сдавая ихъ въ воспитательный домъ и что, наконецъ, она опять въ состояніи беременности. Пинскій возымѣлъ мысль воспользоваться такимъ положеніемъ своей супруги, доказать ея невѣрность и получить разводъ.

Дѣло начато по его просьбѣ въ 1845 г. въ московской духовной консисторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возникло преслѣдованіе ея, или, лучше сказать, гонка за нею по городамъ, куда она скрывалась. Повѣренный Пинскаго, нѣкто Калайдовичъ, горячо преслѣдовалъ ее, стараясь, чтобы ее подвергнуть освидѣтельствованію, но она, подъ защитой мѣстныхъ властей и врачей, уклонялась отъ этого; само собою, беременность ея располагала къ сочувствію. Преслѣдованіе это часто переходило за предѣлы должнаго приличія и уваженія къ Пинской, какъ къ женщинѣ; посему нашлись защитники ея и справедливо укоряли Пинскаго въ жестокосердіи и, дѣйствительно, Пинскій въ этомъ дѣлѣ терялъ иногда всякое само-

обладаніе, дѣлался до нельзя раздражительнымъ, былъ мученикомъ. Однимъ словомъ, жизнь его съ 1845 по 1853 г., когда дѣло кончилось, омрачена была самымъ злосчастнымъ образомъ. Самое дѣло производилось въ с.-петербургскихъ судебныхъ мѣстахъ, сенатѣ и доходило до государственнаго совѣта, гдѣ и рѣшено 4-го августа 1853 г. Рѣшеніемъ симъ Пинская обвинена въ нарушеніи супружеской вѣрности, предана церковному покаянію, съ заключеніемъ въ монастырь. Супруги были разведены, но въ январѣ мѣсяцѣ 1857 г. послѣдовало особое высочайшее повелѣніе объ освобожденіи Пинской отъ заключенія въ монастырь. Само собою, она уже не была супругой Матвѣя Михайловича Пинскаго.

Такъ прошло для Пинскаго мучительныхъ лѣтъ 20, если считать съ начала супружества, а потому, весьма естественно, что его здоровье пострадало отъ этого дѣла. Дѣло было громкое и на устахъ всѣхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ грязное, какъ всякій бракоразводный процессъ. Вслѣдствіе этого, мы не излагали всѣхъ подробностей онаго, хотя въ рукахъ вашихъ есть всѣ данныя. Состоянія онъ никакого не имѣлъ; въ молодости онъ жилъ уроками и литературою, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ былъ, кажется, соопекуномъ по дѣламъ Саломирскихъ, вѣроятно, получая за это извѣстный процентъ; въ 1864 г. онъ пожалованъ арендою на 12 лѣтъ, въ три тысячи рублей. Вотъ и только! Въ 1846 г. я былъ секретаремъ при немъ и успокаивалъ его, какъ могъ. Въ то время въ департаментѣ служилъ нѣкто—Тимоевъ—поэтъ. Онъ написалъ слѣдующіе стихи:

Если хочешь быть доволенъ,
Слыть счастливымъ межъ людей,
Будь рѣшителенъ, спокоенъ.
Будь царемъ своихъ страстей!

Я прочиталъ Пинскому эти стихи не безъ умысла.
Въ отвѣтъ на это онъ мнѣ сказалъ слѣдующее:

„Стоитъ столбъ при дорогѣ,
Всѣмъ дорогу кажетъ
Да самъ неидетъ!“

По его словамъ, моя главная обязанность при немъ состояла въ томъ, чтобы слѣдить за выпускными студентами изъ университета по юридическому факультету и приглашать ихъ на службу. Такимъ образомъ многіе, по моему приглашенію, получили мѣста и впослѣдствіи были отличными служаками.

Объясняясь съ молодыми людьми, онъ сразу, такъ сказать, отгадывалъ ихъ способности. „Вотъ этотъ годится!“ говорилъ онъ, „а этотъ ничего не стоитъ, швахъ!“ Такой приговоръ его былъ вѣренъ.

Кончимъ о Пинскомъ тѣмъ, что графъ Панинъ относился къ нему съ уваженіемъ и всякое его представленіе или мнѣніе было имъ уважаемо.

Засимъ перейдемъ къ другимъ лицамъ департамента юстиціи, оставившимъ по себѣ, въ періодъ 1844—1860 годовъ, добрую память какъ въ самомъ министерствѣ, такъ и впослѣдствіи при дальнѣйшемъ движеніи по службѣ. Къ этимъ лицамъ я причисляю въ особенности М. Х. Рейтерна, С. И. Заруднаго, М. Н. Любоцинскаго.

Первый изъ нихъ, кажется, началъ свою службу въ III-мъ отдѣленіи гражданскихъ дѣлъ, былъ нѣсколько времени столоначальникомъ, но не долго: онъ вскорѣ переведенъ въ департаментъ герольдіи товарищемъ герольдмейстера и оттуда уже карьера его, по министерству финансовъ, получила дальнѣйшее развитіе. Всѣ мы знали, что онъ состоитъ подъ особымъ покровительствомъ поэта В. А. Жуковскаго, женатаго на Рейтернѣ, а потому не были удивлены быстрому повышенію его по службѣ. Пинскій, впрочемъ, не признавалъ за нимъ дѣловыхъ способностей.

По выходѣ М. Х. Рейтерна, С. И. Зарудный сдѣлался столоначальникомъ: съ этимъ назначеніемъ Зарудный началъ серьезно относиться къ занятіямъ и знакомиться съ дѣломъ. Извѣстно, что онъ окончилъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ по математическому факультету, а потому ему пришлось не безъ труда знакомиться съ юриспруденціей и вообще съ законами. Но это его не пугало; онъ быстро усвоилъ себѣ все то, что оказывалось необходимымъ прочесть изъ положительнаго права и научныхъ предметовъ.

Состоя въ званіи столоначальника, гдѣ преобладала только формальная сторона дѣла, т. е. по преимуществу одна служебная отписка, онъ не могъ ни выказать, ни развитъ свои способности. Дарованія его выяснились только съ назначеніемъ его на консультацію, сперва помощникомъ юрисконсультства, а потомъ старшимъ юрисконсультомъ. Мѣсто это, въ прежнее время, соединено было съ важными занятіями: на консультаціи разсматривались сенатскія опредѣленія по общимъ собраніямъ, поступившія въ министерство за разногласіемъ гг. сенаторовъ. На немъ лежалъ трудъ составленія предложеній министра общему собранію, а главное, писать заключенія по дѣламъ, производившимся въ государственномъ совѣтѣ. Предложенія общему собранію подписывались министромъ и старшимъ юрисконсультомъ,

и одно это уже возлагало на него обязанность относиться къ сему съ полнымъ вниманіемъ. Составляя доклады по тѣмъ дѣламъ, кои ему непосредственно поручались министромъ юстиціи, онъ считалъ своею неперемѣнною обязанностію разучивать и тѣ дѣла, кои поступили на консультацію и поручались для доклада другимъ лицамъ. Съ этими лицами онъ вступалъ предварительно въ обстоятельныя объясненія, понуждая ихъ, такимъ образомъ, относиться къ дѣлу весьма серьезно. Около него образовалась, такъ сказать, школа юныхъ юристовъ. Собраніе ихъ было по пятницамъ, у насъ на квартирѣ, т. е. наканунѣ консультаціи, которая была по субботамъ. Миѣніе своихъ учениковъ-сослуживцевъ онъ не стѣснялъ при докладѣ, но не лишалъ и себя права въ то-же время представлять консультаціи свои объясненія и взгляды. Само собою, побѣда, по преимуществу, оставалась на его сторонѣ.

Предложенія, написанныя Заруднымъ, отличались такимъ логическимъ развитіемъ и разнообразіемъ, что невольно вызывали общее удивленіе, какъ въ сенатѣ, гдѣ оныя слушались, такъ и со стороны министра.

Разъ пришло графу Панину на мысль, что хорошо-бы составить и усвоить одну и ту-же общую форму даваемыхъ имъ предложеній общему собранію, и впослѣдствіи уже держаться этой формы.

Мысль эта сообщена была Зарудному, и вотъ онъ взялъ на выдержку одно дѣло и составилъ по оному нѣсколько предложеній, разнообразя ихъ въ формѣ изложенія, но при одномъ и томъ-же результатѣ, т. е. рѣшеніи.

Графъ Панинъ, читая ихъ, былъ удивленъ и затрудненъ, не зная какой формѣ, при разнообразіи изложенія, отдать преимущество, такъ онѣ были всѣ хороши, удобопонятны, ясны и юридически вѣрны.

Онъ позвалъ Заруднаго и сказалъ ему: „Извините меня, Сергѣй Ивановичъ, что я позволилъ себѣ указывать вамъ о формѣ предложеній! Я вижу, что вы мастеръ своего дѣла, а мастера учить значить портить дѣло. Пишите какъ вамъ заблагоразсудится!“

Въ другой разъ, читая его предложеніе по дѣлу о земляхъ г. Смоленска, графъ Панинъ сказалъ, что если-бы въ жизни своей онъ хотя одинъ разъ написалъ такое предложеніе, то онъ признавалъ-бы, что его жизнь не прошла даромъ. Это логическое развитіе, при разнообразіи изложенія, есть послѣдствіе усвоенія и изученія С. И. Заруднымъ математическихъ наукъ и метода, гдѣ всякое положеніе вытекало изъ предыдущаго и доказаннаго и гдѣ одна и та-же задача можетъ быть рѣшена разными способами.

Относясь къ дѣлу со всею присущею ему энергіею, онъ часто впадалъ въ безсиліе, а главное—страдалъ глазами. Для поправленія своего здоровья, онъ получилъ отпускъ за границу и отправился въ Туринъ. Въ это время въ Сардиніи вырабатывался кодексъ законовъ, который есть нѣкоторымъ образомъ дальнѣйшее развитіе Code Napoléon, и вотъ Зарудный со всѣмъ рвеніемъ занялся сначала изученіемъ италіанскаго языка, а потомъ и самого тамошняго права.

Изданное имъ, впослѣдствіи, на русскомъ языкѣ италіанское гражданское уложеніе, сравнительно съ русскими законами, и переводъ поэта Тасса свидѣлствуютъ до какой степени онъ былъ талантливъ и способенъ къ самымъ сложнымъ предметамъ и работамъ. Дѣлая переводъ италіанскаго гражданскаго уложенія, душа его мечтала объ уложеніи русскомъ, но ему не привелось участвовать въ этомъ дѣлѣ, которое теперь озабочиваетъ правительство. Но вотъ горе! Состоянія онъ почти никакого не имѣлъ, окладъ жалованія по званію старшаго юрисконсульта не превышалъ въ годъ 1,360 р., при томъ служба по министерству, при суетливости директора Топильскаго, была крайне тревожна, — и вотъ почему онъ съ радостью принялъ предложеніе государственнаго секретаря Буткова и перешелъ въ государственный совѣтъ.

О дѣятельности его въ государственномъ совѣтѣ по званію статсъ-секретаря и въ особенности—по составленію и изданію уставовъ о судебной реформѣ, мы не считаемъ возможнымъ говорить по отсутствію необходимыхъ матеріаловъ. Впрочемъ, дѣятельность эта и самое дѣло достаточно извѣстны, но мы повторимъ то, что сказано нами въ статьѣ: „Старый судъ“ („Русск. Старина“ 1886 г., октябрь), что имена лицъ, которыя занимались этимъ дѣломъ и въ числѣ коихъ Зарудный, былъ главнымъ неутомимымъ дѣятелемъ, должны сохраниться навсегда въ благодарномъ потомствѣ!

Но обладая огромными юридическими способностями и энергіею, изумлявшими всѣхъ, кто только зналъ близко Сергѣя Ивановича, онъ въ то-же время, къ сожалѣнію, по отзывамъ хорошо знавшихъ его, страдалъ отсутствіемъ всякаго такта служебной или, пожалуй, житейской мудрости, или вѣрнѣе, какъ ее теперь называютъ, тактомъ служебной интриги. Что это такое? спросите вы?

Да это особая паука жизни и службы, къ изученію которой пора-бы составить особое руководство, а то ее приходится усвоивать и изучать въ то время, когда уже нѣтъ силъ болѣе и самая жизнь окончательно подломлена. Отсутствие сего у Заруднаго и было причиною всѣхъ его неудачъ по службѣ и въ жизни, а также

поводомъ постоянныхъ волненій, лишеній, болѣзни и даже самой смерти. Вотъ почему, по окончаніи работъ въ государственномъ совѣтѣ о судебной реформѣ, Зарудный, вмѣсто того, чтобы продолжать свои занятія тамъ-же или во II-мъ отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи, къ дальнѣйшему развитію законодательства, или, наконецъ, служить въ кассационномъ департаментѣ, получаетъ скромное назначеніе быть сенаторомъ стараго сената. Онъ тогда только понялъ и ему растолковали ясно объ отсутствіи у него упомянутого такта и умѣнія, но поправлять было уже поздно,—оставалось терпѣть. Жизнь и служба сошли съ рельсовъ! Не смотря на это, онъ много работалъ и въ межевомъ департаментѣ и по общимъ собраніямъ сената, съ такою-же любовію и энергіею, какъ и прежде, но дѣятельность его отражалась на одномъ какомъ-либо частномъ дѣлѣ, а не была достояніемъ всего законодательства.

Напомнимъ, что изданіемъ судебныхъ уставовъ съ разсужденіями, Россія исключительно обязана С. И. Зарудному.

Этотъ огромный трудъ, т. е. извлеченіе изъ многотомныхъ журналовъ государственнаго совѣта всѣхъ мотивовъ, къ изданію того или другаго закона, принадлежитъ одному ему. Сочиненія его и монографіи извѣстны.

С. И. Зарудный умеръ 18-го декабря 1887 г., близъ Ниццы, во Франціи, гдѣ и погребенъ.

По словамъ М. П. Миткова („Русск. Ст.“ 1888 г., мартъ), на крестѣ, надъ могилою Заруднаго, начертаны два дня его жизни, именно: „19-е февраля 1861 г.“ и „24-е ноября 1864 г.“.

Время 19-е февраля 1861 г. для насъ памятно, но 24-е ноября для насъ неизвѣстно; не ошибка-ли это и не слѣдовало-ли начертать 20-е ноября 1864 г., т. е. день изданія судебныхъ уставовъ?

Приступая къ біографическому очерку жизни М. Н. Любоцинскаго, я долженъ оговориться.

Дѣятельность или служба его въ министерствѣ юстиціи началась въ 1845 г., въ званіи столоначальника, а потомъ онъ проходилъ должности начальника отдѣленія, оберъ-прокурора сената департаментовъ: I отдѣленія 3-го департамента и 1-го департамента. Далѣе—сенатора стараго сената, а равно сенатора кассационнаго департамента и, наконецъ, члена государственнаго совѣта; все это свидѣтельствуетъ, что служба и дѣятельность его были въ высшей степени разнообразны. Къ этому нужно присовокупить, что занятія его въ званіи члена редакціонной комиссіи и участіе въ работахъ по составленію уставовъ судебного, ипотечнаго, дворянскихъ опеку

и волостныхъ судовъ подтверждаютъ, что оцѣнка такой многосложной дѣятельности требуетъ особенныхъ данныхъ, коихъ у пишущаго сѣ строки нѣтъ. Посему, предоставляя времени и людямъ, кои ближе, нежели я, могутъ дать указанія и оцѣнить его по достоинствамъ, я, по отношенію къ нему, ограничусь только краткими свѣдѣніями о его юности и первыхъ годахъ его службы.

М. Н. Любощинскій кончилъ курсъ, вмѣстѣ со мною, въ 1838 г., юридическихъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и былъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ. Сначала онъ поступилъ на службу по министерству финансовъ въ департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли, но дѣла сего департамента, какъ и слѣдовало ожидать, не могли занимать молодого человѣка, приготовившаго себя къ другому рода дѣятельности. Вотъ почему, и при добрыхъ отношеніяхъ къ Пинскому, онъ перешелъ на службу въ департаментъ министерства юстиціи въ 1845 г. Въ самое короткое время, при усидчивости и отличной разработкѣ дѣлъ, онъ успѣлъ зарекомендовать себя и получилъ назначеніе въ департаментъ начальникомъ гражданского отдѣленія. Въ это время уже служилъ здѣсь Сергѣй Ив. Зарудный, сюда-же поступилъ Е. П. Старицкій и были нѣкоторые другіе, можно сказать, юные дѣльцы, въ томъ числѣ и пишущій сѣ строки. Всѣ мы работали, правда, добросовѣстно, съ любовью, терпѣніемъ и усердіемъ, но самыя дѣла не возбуждали въ насъ научныхъ трудовъ и соображеній. Вдругъ, въ это отдѣленіе поступаетъ первый проектъ главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ—графа Блудова о новомъ судопроизводствѣ. Предметъ былъ важный и вызывалъ уже насъ на исключительныя занятія. Докладъ по этому предмету взялъ на себя составлять М. Н. Любощинскій и исполнилъ эту работу замѣчательно хорошо. Разсматривая проектъ графа Блудова съ исторической точки зрѣнія, Любощинскій доказалъ, что этотъ проектъ далеко не устраняетъ тѣхъ недостатковъ, кои существовали въ тогдашнемъ нашемъ законодательствѣ.

Графъ Панинъ, читая этотъ докладъ, отличный по своей научности, обширности и ясности въ выводахъ, назвалъ этотъ трудъ Илліадою. Вотъ этотъ докладъ выказалъ вполне способности Любощинскаго и поставилъ его въ глазахъ министра на твердую ногу. Однимъ словомъ, репутація его сдѣлана, и дальнѣйшая его карьера была только послѣдствіемъ сего доклада. Мы могли-бы привести въ доказательство множество и другихъ его докладовъ, какъ по законодательнымъ вопросамъ, такъ и по частнымъ дѣламъ въ министерствѣ юстиціи, въ редакціонной комиссіи и въ сенатѣ, кои всѣ сви-

дѣлательствовали-бы объ отличномъ его умѣнн и способности выработки, но это вышло-бы изъ предѣловъ нашей статьи. Скажемъ вкратцѣ, что всѣ его работы были въ высшей степени умѣлыя, убѣдительныя и, можно сказать, образцовыя.

По жизни Любошинскій и Зарудный были друзья въ теченіи 40 лѣтъ, но нельзя не удивляться различію ихъ характеровъ. Всѣхъ тѣхъ недостатковъ, о коихъ я выше сказалъ по отношенію къ Зарудному, у Любошинскаго вовсе не было. Послѣдній былъ человѣкъ солидный, твердый, держалъ себя во всѣхъ отношеніяхъ строго, не рассказывая о себѣ ничего и никому, тогда какъ Зарудный, душою всегда юный, былъ человѣкъ увлекающійся, въ высшей степени говорливый и по часту, хотя и безъ злобы, смѣялся открыто не только надъ другими, но и надъ самимъ собою. О работахъ, видахъ своихъ и отношеніяхъ Маркъ Николаевичъ никому не говорилъ, а Зарудный о своихъ занятіяхъ и дѣлахъ ни предъ кѣмъ не скрывалъ. Убѣжденій своихъ о достоинствахъ другихъ и въ особенности начальниковъ и людей видныхъ, Любошинскій никому не высказывалъ, а Зарудный, напротивъ, открыто и гласно говорилъ о нихъ и часто по этому поводу навлекалъ на себя нареканія и тѣмъ творилъ себѣ безъ числа враговъ, забывая потомъ, что онъ самъ о нихъ сказалъ. Но было общее у нихъ! Оба были честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, любимые и уважаемые друзьями, и память о нихъ останется на вѣки!

Маркъ Николаевичъ Любошинскій послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни умеръ 11-го іюля 1889 г., въ своемъ имѣнн Тамбовской губерніи, въ селѣ Никольскомъ, на 71-мъ году отъ рожденія.

Описавъ въ краткихъ чертахъ дѣятельность отошедшихъ въ вѣчность Заруднаго и Любошинскаго, по преимуществу въ служебномъ отношеніи, я не могу не сказать со вздохомъ:

„Миръ праху вашему, вѣрные и неизмѣнные друзья и сердечные товарищи! Память о васъ и любовь къ вамъ не угаснутъ ни въ моей душѣ во вѣки, ни въ душѣ прочихъ друзей вашихъ, принадлежавшихъ къ нашему тѣсному кружку. Я не пишу о внутренней семейной вашей жизни, ибо знаніе о семъ—есть достояніе не многихъ вашихъ друзей, для которыхъ печать—въ сердцѣ и въ животѣ воспоминаніи, а не въ книгѣ, которую читаютъ всѣ чуждые“.

VI.

Сенатъ I-го отдѣленія 3-го департамента. — Оберъ прокуроръ Матюшинъ. — Сенаторы: Пещуровъ, графъ Заводовскій, князь Давыдовъ, Катакази, Доктуровъ, Горголи, Безобразовъ, Чевкинъ. — Дѣла Бутаевича Петрашевскаго. — Головинскій. — Княгиня Любомирская. — Н. М. Смирновъ. — А. И. Смирнова. — Ершовы. — Открытіе судебныхъ мѣстъ въ Петербургѣ. — Стихи, сказанные при открытіи Лудскаго окружнаго суда.

Въ 1848 г. я былъ назначенъ оберъ-секретаремъ въ I-е отдѣленіе 3-го департамента сената.

По производству дѣлъ департаментъ этотъ былъ одинъ едва-ли не изъ самыхъ труднѣйшихъ. Въ немъ сосредоточивались дѣла съ-веро-западнаго края, гдѣ въ 1840 г., 25-го іюня, отмѣненъ былъ литовскій статутъ и введены русскіе законы.

Переходъ отъ стараго порядка къ новому возбуждалъ весьма много недоумѣній, разрѣшеніе которыхъ требовало и знанія мѣстныхъ законовъ, и вообще особой осмотрительности.

Я всегда съ особымъ удовольствіемъ вспоминаю службу свою въ сенатѣ и дѣятельность по званію оберъ-секретаря; сколько было случаевъ возстановить правду, утѣшить тяжущаго, избавить его отъ дальнѣйшихъ хлопотъ и отдать ему то, что принадлежало ему по праву. Всѣ эти случаи, или, лучше сказать, дѣла, принимались мною очень близко къ сердцу и служили предметомъ часто тяжкихъ трудовъ, но всегда окончаніе ихъ сопровождалось внутреннимъ самоудовольствіемъ.

Да, прежній оберъ-секретарь въ сенатѣ была сила! ибо могъ и дѣйствительно дѣлалъ много добра!

Докладъ былъ словесный съ прочтеніемъ, разумѣется, въ подлинникѣ документовъ, на кои ссылались стороны, и дѣло обсуждалось быстро. Оберъ-секретарь читалъ заготовленный вопросъ, просмотрѣнный предварительно первоприсутствующимъ, безъ замедленія.

А стороны, спросите вы: присутствовали или нѣтъ и защищали-ли?—Допускались и стороны и заслушивались защиты, но это въ прежнее время, да и теперь пожалуй, считалось недовѣріемъ къ сенаторамъ, а потому сіи послѣдніе относились къ этому неблаго-склонно. Прежній оберъ-секретарь имѣлъ право письменнаго протеста, а потому защита заключалась въ немъ, а равно въ первоприсутствующемъ и, наконецъ, въ оберъ-прокурорѣ, который послѣ доклада разсматривалъ заготовленные опредѣленія.

Оберъ-прокуроромъ въ мое время былъ Андрей Ефимовичъ Ма-

тунинъ, а сенаторами гг. Пещуровъ, графъ Завадовскій, князь Давидовъ и Катакази.

Всѣ эти лица отошли въ вѣчность, но Матюнинъ дожилъ до введенія судебной реформы (17 апрѣля 1866 г.) и былъ однимъ изъ лучшихъ сенаторовъ кассационнаго департамента. Онъ былъ очень опытный въ дѣлахъ, служилъ много лѣтъ въ министерствѣ юстиціи въ качествѣ начальника отдѣленія и считался образцовымъ стилистомъ. Онъ былъ, вообще, добръ, мягокъ въ характерѣ и постоянно жаловался на свое здоровье, хотя дожилъ до почтенной старости и оставилъ по себѣ добрую память. Послѣдними годами своей службы онъ оставался недоволенъ и жаждалъ перейти въ государственный совѣтъ, но желаніе его не осуществилось, тогда какъ сотоварищъ его по службѣ, М. Н. Любоцинскій, давно уже сидѣлъ въ государственномъ совѣтѣ; вотъ это его и мучило!

Сенаторъ Пещуровъ былъ человѣкъ весьма добросовѣстный и почтенный, хорошаго тона, но крѣпко сутуловатый; много рассказывалъ во время засѣданія про свою службу, когда былъ губернаторомъ во Псковѣ. Городъ этотъ и вообще губернія принесли ему большую горестъ подъ конецъ жизни и службы его. Онъ былъ назначенъ ревизующимъ сенаторомъ въ эту губернію. Здѣсь онъ попалъ на слѣды какихъ-то злоупотребленій со стороны чиновъ путей сообщенія. Были-ли сіи злоупотребленія дѣйствительныя или только такъ ему казалось, но онъ встрѣтилъ сильный отпоръ.

Въ это время главноуправляющимъ путей сообщенія былъ всемогущій, какъ тогда говорили, графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, и онъ-то и взглянулъ на дѣйствія Пещурова совсѣмъ иначе. Государь, по докладу Клейнмихеля, призналъ дѣйствія сенатора Пещурова неправильными и велѣлъ ему, въ присутствіи сената, сдѣлать строгій выговоръ со внесеніемъ въ формуляръ. Здоровьемъ онъ былъ весьма плохъ, характеромъ самолюбивый и вдругъ вынести такое взысканіе отъ царя, котораго онъ боготворилъ. Выговоръ онъ выслушалъ, но заболѣлъ и умеръ вслѣдъ заснѣмъ.

Правъ-ли былъ Клейнмихель—не знаемъ, ибо подробности дѣла этого намъ неизвѣстны.

Къ странностямъ Пещурова относили то, что онъ воображалъ себя похожимъ на государя императора Александра I. На чемъ основано было это—не знаемъ, но, проходя мимо зеркала въ присутствіи сената, онъ всегда и каждый разъ смотрѣлъ пристально въ оное и какъ будто думалъ про себя: а вѣдь я и въ самомъ дѣлѣ похожъ на императора? Мы, юные дѣльцы, видя это, улыбались и говорили между собою: вѣдь бываютъ-же такія странности въ людяхъ!

Сенаторъ графъ Заводовскій—высокаго роста, мужъ видный и вѣроятно въ своей молодости былъ красивъ и интересенъ. Онъ былъ супругъ извѣстной тогда красавицы, урожденной Влодекъ. Она, какъ говорили, во время пребыванія своего за границею и въ Лондонѣ, сводила съума многихъ лордовъ и портреты ея красовались въ англійскихъ кипсекахъ. Правда, мужъ ея этимъ никогда не хвалился, но тѣмъ не менѣе о ней много и много говорили.

Графъ Заводовскій завѣдывалъ моею экспедиціею и его обязанность состояла въ предварительномъ разсмотрѣніи моихъ записокъ, вопросовъ и резолюцій прежде доклада о нихъ общему присутствію.

Сенаторъ князь Сергѣй Ивановичъ Давыдовъ былъ человѣкъ очень образованный, служилъ въ военной службѣ въ молодости, былъ попечителемъ кievскаго университета и округа, гдѣ въ то время состоялъ генераль-губернаторомъ Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, о коемъ онъ много рассказывалъ. Во время засѣданія и разбора дѣлъ, онъ нѣсколько прислушивался къ докладу, но постоянно рисовалъ что-либо и почасту карикатуры какой-либо извѣстной личности. Рисовалъ онъ отлично, и вотъ, по окончаніи, каждый изъ сенаторовъ хотѣлъ завладѣть его рисункомъ; происходили шуточные споры, но все кончалось миролюбиво. Въ 1849 г. онъ назначенъ былъ ревизующимъ сенаторомъ въ Калужскую губернію, а при немъ, въ качествѣ старшаго чиновника, былъ опредѣленъ пишущій сіи строки.

О самой ревизіи и жалобѣ генерала Ершова на губернатора Смирнова мы изложимъ впослѣдствіи, а теперь скажемъ о сенаторѣ Гаврилѣ Антоновичѣ Катакази.

Онъ по рожденію былъ грекъ, говорилъ и понималъ по русски плохо, былъ посланникомъ въ 1848 г. въ Греціи и въ дѣлахъ юридическихъ мало смыслилъ. Во время разбора дѣлъ истреблялъ громадное количество нюхательнаго табаку, отчего носъ его былъ невообразимо толстъ. Впрочемъ, онъ не портилъ дѣла, подчинялся охотно и безъ спора общему теченію и докладу канцеляріи. Во время свободныхъ промежутковъ времени въ присутствіи, сенаторы обращались къ нему съ вопросами по части дипломатіи, но ясныхъ отвѣтовъ отъ него не получали. Онъ какъ-то углублялся въ самого себя, заикался, нюхалъ усиленно табакъ, говорилъ протяжно: да и нѣтъ, но все-таки, предложенный вопросъ оставался неразрѣшеннымъ. Однимъ словомъ, въ знаніе имъ дипломатическихъ дѣлъ мои сенаторы плохо вѣрили!

Въ мое время въ сенатѣ оберъ-секретарями были всѣ или кон-

чившіе курсъ въ университетѣ, или правовѣды, а исключенія были весьма рѣдки. Впрочемъ, въ межевомъ департаментѣ былъ оберъ-секретаремъ нѣкто Яковлевъ; поражавшій своею старостію, онъ едва двигался по залѣ засѣданія. Моиими сотоварищами или сослуживцами были: Н. И. Стояновскій, П. А. Зубовъ, Гильшеръ, Квистъ, Врангель, Зубаревъ, Раденъ и друг.

Въ числѣ гг. сенаторовъ было нѣсколько лицъ весьма старыхъ и едва-ли могшихъ нести нелегкое бремя трудолюбиваго внимательнаго судьи. Въ подтвержденіе сего я назову сенатора Дохтурова, Горголи, Безобразова и можно бы назвать еще много другихъ. Но независимо старости, нѣкоторые изъ нихъ были съ такими недостатками, кои положительно лишали ихъ возможности отправлять великое дѣло правосудія; напр., сенаторъ Дохтуровъ былъ слѣпецъ и едва-ли не глухой. Чтобы отобрать отъ него голосъ или мнѣніе, нужно было взять его за руку, вложить ему въ оную перо, подложить подъ руку бумагу и линейку и тогда только онъ писалъ свое имя. Въ засѣданіе его вводили не иначе, какъ подъ руки и сажали на приуроченное ему мѣсто. Говорили, что онъ когда-то былъ гроза своей дивизіи; можетъ быть, но это было давно, предъ назначеніемъ его въ сенаторы.

Сенаторъ Иванъ Савичъ Горголи — мужъ весьма почтенный, но тоже старъ. Войдя въ залу и подойдя къ своему креслу, онъ руками и ногами дѣлалъ всегда нѣсколько легкихъ движеній, обличавшихъ въ немъ искуснаго фехтовальщика или гимнаста. Прочіе сенаторы, глядя на него, улыбались, привѣтствовали его и, какъ кажется, крѣпко его любили.

Одинъ изъ нашихъ общихъ знакомыхъ и его товарищъ по корпусу рассказывалъ мнѣ про него слѣдующее:

„Ну что, Иванъ Савичъ, занимаешься въ сенатѣ или нѣтъ?“

— „Нѣтъ, братъ, ничего не дѣлаю,—боюсь напутать!“

„Чтожъ такъ? Да ты попробовалъ-бы, авось одолѣешь!“

— „Пробовалъ, братъ, еще хуже выходитъ“, — отвѣчалъ простодушный Горголи.

Около него, въ прежнее время, и оберъ-секретаремъ, и оберъ-прокуроромъ были лучшіе люди, на которыхъ онъ могъ положиться!

Сенаторъ Александръ Михайловичъ Безобразовъ тоже по лѣтамъ — престарѣлая личность, но постоянно бодрившаяся. Онъ былъ много лѣтъ первоприсутствующимъ межеваго департамента и предсѣдателемъ во второмъ общемъ собраніи. Онъ присвоивалъ себѣ научныя и спеціальныя знанія по межевымъ дѣламъ, но его знаніямъ и опытности не вѣрили, такъ, по крайней мѣрѣ, говорили,

бывшіе въ межевомъ департаментѣ, производители. На молодыхъ людей и оберъ-секретарей онъ смотрѣлъ свысока и при всякомъ удобномъ случаѣ онъ давалъ чувствовать имъ, что они будто бы не удовлетворяютъ своимъ назначеніямъ. Поводомъ къ такимъ замѣчаніямъ служило слѣдующее: каждый оберъ-секретарь, прочитывая въ засѣданіи общаго собранія имена гг. сенаторовъ, заявившихъ при первоначальномъ обсужденіи дѣла мнѣнія, долженъ былъ, по требованію Безобразова, возглашать не только фамиліи ихъ, но и имена и отчество. Вотъ при этомъ секретари и оберъ-секретари, въ особенности изъ новыхъ, дѣлали ошибки въ означеніи именъ и отчества гг. сенаторовъ, чѣмъ и навлекали неудовольствіе Александра Михайловича. Онъ положительно свирѣпѣлъ!

Но были и другіе случаи. Нѣкто секретарь Малышевъ въ день засѣданія общаго собранія не явился. Туда, сюда,—нѣтъ его, какъ нѣтъ! По поводу сего Александръ Михайловичъ положительно заявилъ присутствію невозможность разсматривать дѣла при такихъ секретаряхъ, и однимъ словомъ гнѣву его не было конца.

Вдругъ экзекуторъ, войдя въ собраніе, къ изумленію всѣхъ заявилъ, что секретарь Малышевъ, какъ оказалось, убитъ ночью у себя на квартирѣ. Безобразовъ умолкъ.

Иногда Александръ Михайловичъ желалъ себя выказать милосерднымъ и патріотомъ. Это въ особенности обнаружилось при слѣдующемъ случаѣ: нѣкто унтеръ-офицеръ, украшенный Георгіевскимъ крестомъ, находясь въ отставкѣ, укралъ рабочаго вола. Многіе сенаторы, не смотря на его отличіе, не считали возможнымъ миловать его и ходатайствовать о семъ предъ государемъ императоромъ, но Безобразовъ думалъ иначе: онъ принялъ въ соображеніе, что унтеръ-офицеръ когда-то не щадилъ своей жизни и получалъ крестъ, обнаруживающій его доблести, и если теперь укралъ, то, вѣроятно, вслѣдствіе особой нужды и крайности. Противу него возсталъ всею силою своего краснорѣчія — сенаторъ Кочубей. Нужно знать, что это была личность высокаго достоинства, извѣстная въ Полтавской губерніи и столицѣ. Для него хлѣбопашество и всѣ принадлежности отправления онаго составляли что-то превыше всего. Онъ всталъ и объяснилъ, что украденный волъ былъ не простое животное, но „волъ рабочій, рабочій“, повторялъ онъ усиленно нѣсколько разъ, и что поэтому за покражу его не можетъ быть и рѣчи о помилованіи! Безобразовъ возражалъ, упирая на пролитую кровь и Георгія, но Кочубей, обращаясь ко всѣмъ, взывалъ: „рабочій, рабочій!“

Произошло разногласіе.

Цѣль Безобразова была ясна: онъ желалъ, чтобы мнѣніе его о помилованіи дошло до свѣдѣнія государя.

Въ сенаторѣ Безобразовѣ мы видѣли человѣка, противника новому поколѣнію и тогдашнимъ современнымъ воззрѣніямъ. Впрочемъ, на немъ повторилась извѣстная истина, что всякое старое поколѣніе видитъ въ новомъ оппозицію, а послѣднее, становясь, въ свою очередь, старымъ, зрѣть такую-же оппозицію въ послѣдующемъ потомствѣ.

Итакъ, ничто не ново подъ луною,
Что было, есть, то будетъ въ вѣкъ!

Мы могли-бы разсказать еще многое о другихъ сенаторахъ, заявившихъ въ свое время свои знанія и особенности, но воздержимся, чтобы не утомить ни самого себя, ни читателя.

Скажемъ, однакожь, еще объ одномъ сенаторѣ, который въ 1840-хъ годахъ оставилъ по себѣ громкую извѣстность. Это Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ. Онъ былъ генераломъ горнаго вѣдомства, а потомъ управлялъ путями сообщенія. При небольшомъ ростѣ, онъ былъ горбатый, занимался сенатскими дѣлами, по 4 департаменту, усердно, терпѣливо и усидчиво, съ юридическою вѣрностію. Всѣ его чтили, а графъ Панинъ, т. е. министръ юстиціи, каждый разъ, когда бывалъ въ общемъ собраніи сената, въ особенности выражалъ ему знаки своего уваженія.

Однажды докладывалось дѣло графа Панина съ Мятлявою о наслѣдствѣ послѣ Орловой. Неискусный оберъ-секретарь позволилъ себѣ возгласить такъ, что къ слушанію подлежитъ дѣло господина министра юстиціи съ Мятлявою. Чевкинъ тотчасъ рѣзко остановилъ его и разъяснилъ, что въ настоящемъ случаѣ по своему дѣлу графъ Панинъ не министръ юстиціи, а просто частное лицо, а потому слѣдовало сказать такъ: докладывается дѣло графа Панина съ Мятлявою. „Повторите, что я вамъ сказалъ“, добавилъ К. В. Чевкинъ, обращаясь къ оберъ-секретарю. Произошелъ конфузъ!

А. М. Безобразовъ былъ почасту въ пререканіяхъ съ Чевкинымъ по слѣдующему случаю: послѣдній былъ старшимъ послѣ Безобразова, а потому, въ случаѣ отсутствія его, долженъ былъ открывать засѣданіе въ качествѣ первоприсутствующаго. Безобразовъ, какъ извѣстно, былъ богомоль и въ Великій постъ, молясь въ церкви, позволялъ себѣ опаздывать въ сенатъ по пятницамъ, т. е. въ день засѣданія общаго собранія.

И вотъ, какъ только настанетъ 12 часовъ, а Безобразова нѣтъ, К. В. Чевкинъ тотчасъ, минута въ минуту, открываетъ засѣданіе.

За симъ хотя Безобразовъ и являлся въ присутствіе и, указывая на свои покрытые пылью колѣни, подтверждающія, какъ онъ усердно молился, извинялся, но, увы, Чевкинъ не обращалъ на него никакого вниманія и продолжалъ отправлять обязанности первоприсутствующаго. Разумѣется, Безобразовъ гнѣвался, но что-жъ дѣлать? Чевкинъ былъ кремень своего рода—не уступалъ.

Въ I-мъ отдѣленіи 3-го департамента сената, въ коемъ я былъ оберъ-секретаремъ, кромѣ обыкновенныхъ тяжёбныхъ дѣлъ, производились еще особая важныя дѣла, именно: дѣла по конфискаціи и ликвидаціи имуществъ въ сѣверо-западномъ краѣ и дѣла по разбору вольныхъ людей. Суть послѣднихъ дѣлъ состояла въ разсмотрѣніи правъ казны на свободу крестьянъ, приписанныхъ въ прежнее время къ помѣщичьимъ имѣніямъ.

1848 годъ, какъ извѣстно, богатъ былъ выходомъ въ свѣтъ заграницею разныхъ соціальныхъ книгъ. Книги эти читали нѣкоторые съ интересомъ, другіе такъ себѣ, а проповѣдуемыя въ нихъ идеи одни считали чисто вздорными, а другіе въ примѣненіи нѣкоторымъ образомъ возможными. Итакъ, жилось безъ горя и печали!

Въ то время между петербургскими молодыми людьми (въ 1849 г.) сдѣлалось извѣстнымъ, что нѣкто Бугашевичъ-Петрашевскій, живя въ Коломнѣ (на Большой Садовой, за церковью Покрова), собираетъ у себя по пятницамъ разныхъ людей, въ томъ числѣ даже дворниковъ, и читаетъ имъ какія-то лекціи. Говорили даже, что дворники за слушаніе лекцій получали отъ него плату, начиная отъ гривенника и болѣе, и что будто-бы одинъ разъ онъ читалъ какую-то лекцію гораздо продолжительнѣе, чѣмъ въ другіе разы, а между тѣмъ далъ только по одному гривеннику. Дворники возстали и потребовали отъ него по двугривенному. До меня отъ серьезныхъ людей доходили даже такіе слухи, что лекціи эти или бесѣды были просто дребедень, курамъ на смѣхъ.

Тѣмъ не менѣе приглашенія побывать на этихъ лекціяхъ у Петрашевскаго шли то отъ одного, то отъ другаго. Однакожь, не пошелъ ни я, ни никто изъ моихъ товарищей, но не потому, что собранія у Петрашевскаго мы считали противозаконными, нѣтъ, а потому, что дорожили временемъ и были разборчивы на нашихъ знакомыхъ! Но пошелъ къ нему мой подчиненный, нѣкто Василій Андреевичъ Головинскій, и вотъ по какому случаю:

Головинскій былъ молодой человѣкъ, окончилъ курсъ наукъ въ училищѣ правовѣдѣнія и приготавлиалъ себя на ученую степень магистра политической экономіи.

Директоръ департамента юстиціи Карніолинъ-Пинскій, наз-

начая Головинскаго въ мою экспедицію, просилъ меня обратить на него вниманіе и давать ему болѣе или менѣе важныя работы. Самъ Головинскій былъ юноша весьма симпатичный и обнаруживалъ сильное желаніе посвятить себя дѣльнымъ и научнымъ занятіямъ. И съ нимъ часто видѣлся: онъ былъ въ нашемъ кругу, къ коему я отношу покойныхъ М. Н. Любощинскаго и С. И. Заруднаго. Бывши оберъ-секретаремъ, я поручилъ ему, подъ моимъ наблюденіемъ, просмотрѣть всѣ дѣла по разбору вольныхъ людей, какъ оконченныя уже, такъ и неразрѣшенныя, и вывести изъ нихъ общія начала для руководства въ будущемъ.

При этомъ я обратилъ его вниманіе, во-1-хъ, на то, что сенатъ, за отсутствіемъ въ купчихъ крѣпостяхъ именъ крестьянъ на какое-либо имѣніе, не признаетъ сіи купчія за документы на личную свободу крестьянъ, а во-вторыхъ, на то, что ревизскія сказки, по обнаруженію въ нихъ невѣрности, не суть документы на крѣпостное право крестьянъ. При этомъ я указалъ Головинскому на тѣ данныя, по которымъ, по рѣшенію сената, всѣ крестьяне цѣлаго имѣнія признавались свободными. Съ такимъ напутствіемъ Головинскій началъ заниматься симъ дѣломъ и, время отъ времени, говорилъ мнѣ, что его работа идетъ и приходитъ къ концу.

Насталъ апрѣль мѣсяцъ 1849 года. Головинскій явился ко мнѣ и объявилъ, что работа его кончена, но что ему весьма желательно было-бы сначала прочесть записку его, какъ научную работу, у Петрашевскаго въ пятницу, а потомъ онъ отдастъ ее уже мнѣ. Я былъ противъ этого, хотя и не предчувствовалъ всѣхъ горестныхъ послѣдствій, обрушившихся на Головинскаго по поводу этой записки. Записка эта, очевидно, заключала въ себѣ вопросъ о свободѣ крестьянъ. Самъ я ее не читалъ, а потому не стану увѣрять, заключала-ли она въ себѣ обстоятельства изъ сенатскихъ производствъ, относящіяся только къ сѣверо-западнымъ губерніямъ, или вмѣщала въ себѣ сумасбродныя размышленія Головинскаго, касающіяся ко всей Россіи. Говоримъ „сумасбродныя“ размышленія потому, что въ то время вопросъ о свободѣ крестьянъ былъ совершенно въ тѣни и о немъ не только писать, но и говорить считалось преступленіемъ. Что касается дѣла относительно разбора вольныхъ людей въ западномъ краѣ, то оно какъ-то было неизвѣстно для высшаго и въ особенности административнаго правительства. Продолжаемъ далѣе.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1849 г. всѣ лица, посѣщавшія Петрашевскаго, въ томъ числѣ и Головинскій, были арестованы и преданы суду. Производилъ слѣдствіе Липранди. Въ чемъ заключалось

преступление Головинскаго не знаемъ, но въ 1849 г., въ высочайшей конфирмаціи опубликованной сказано было о винѣ Головинскаго такъ: онъ у Петрашевскаго читалъ записки и сочиненія о свободѣ крестьянъ.

Извѣстно, что многіе изъ посѣщавшихъ Петрашевскаго осуждены были на смертную казнь, чрезъ повѣшеніе, и для исполненія этого выведены были на Семеновскій плацъ, но въ послѣднюю минуту предъ симъ оберъ-полицмейстеръ А. П. Галаховъ объявилъ имъ высочайшее помилованіе. Съ помилованіемъ Головинскій былъ разжалованъ въ солдаты въ Оренбургское казачье войско, гдѣ, благодаря Бога, и выслужился.

Прошло лѣтъ десять послѣ совершившагося событія, я, по совершенной случайности, жилъ на Васильевскомъ островѣ, въ томъ-же самомъ домѣ, гдѣ когда-то жилъ Головинскій и гдѣ онъ былъ арестованъ. Вдругъ, въ одно утро является ко мнѣ молодой человѣкъ и я, къ великой радости, узнаю въ немъ Головинскаго.

„Откуда?“ невольно спросилъ я.

— „Прямо изъ III-го отдѣленія, отъ князя Долгорукова!“ отвѣчалъ онъ.

„Что-жъ, опять у васъ что-либо произошло?“ сказалъ я.

— „Ровно ничего; мнѣ захотѣлось быть въ Петербургѣ и вотъ я, во избѣжаніе непріятности, прямо явился въ отдѣленіе, съ цѣлью добиться позволенія остаться здѣсь нѣсколько дней!“

„Позволили?“

— „Позволили!“

— „Ахъ, вотъ кстати, Василій Андреевичъ, какую вы записку читали у Петрашевскаго въ 1849 г., т. е. по разбору-ли вольныхъ людей въ западномъ краѣ или вообще о свободѣ крестьянъ? спросилъ я.

Но Головинскій, съ улыбкою на устахъ, махнулъ рукою и быстро удалился, не отвѣчая на мой вопросъ.

По поводу дѣла Петрашевскаго въ Петербургѣ говорили, что на собранія у него молодыхъ людей навела государя Николая Павловича княгиня Любомирская — полька. Она жила тогда въ Петербургѣ, слыла за ясновидящую, и вотъ она написала государю письмо, въ коемъ выразила, что желаетъ открыть ему свои тайнственныя видѣнія. Государь былъ у нея; она, подъ видомъ видѣнія, открыла ему то, что было извѣстно многимъ. Началось дѣло; послѣдствія его извѣстны.

При этомъ княгиня Любомирская воспользовалась великодушіемъ государя и объяснила ему свое страдальческое положеніе. Мужъ ея

былъ мотъ и картежный игрокъ, а свекръ или отецъ мужа мало обращалъ вниманія на нее. По милости государя, ей изъ имѣнія князя Любомирскаго г. Дубно была выдѣлена законная часть, гдѣ она и теперь (1891 г.) проживаетъ.

Въ концѣ 1849 г. я назначенъ былъ на ревизію въ Калужскую губернію при сенаторѣ князѣ С. И. Давыдовѣ, въ качествѣ старшаго чиновника.

Вмѣстѣ со мною назначены были: А. К. Жизневскій, Тимротъ, Износковъ, Никоновъ и графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой—сочинитель и поэтъ.

Ревизія возникла по жалобѣ Подольскаго уѣзднаго предводителя дворянства Московской губерніи Ив. Ив. Ершова на калужскаго губернатора Николая Михайловича Смирнова. Предметъ жалобы состоялъ въ томъ, что будто-бы отецъ Ершова, генералъ-лейтенантъ Иванъ Захаровичъ Ершовъ, подъ вліяніемъ губернатора Смирнова, совершилъ дарственную запись на свое имѣніе въ пользу незаконно-рожденной дочери Софіи, вышедшей замужъ за брата жены Смирнова Россета. Вотъ по этому поводу высочайше повелѣно произвести слѣдствіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ревизію цѣлой губерніи.

Жена Смирнова, Александра Іосифовна, урожденная Россетъ, была извѣстна императорскому двору, состояла фрейлиной при Большомъ дворѣ, считалась другомъ Жуковскаго, Пушкина, князя Вяземскаго, Гоголя, вела съ ними и другими примѣчательными лицами тѣхъ дней оживленную переписку и вообще была—лицо видное въ свое время. Она была дама средняго роста, румынскаго происхожденія, т. е. истая брюнетка, но не красавица; вотъ что Пушкинъ про нее сказалъ:

Черна, какъ галка,
Суха, какъ палка,
Увы, весталка,
Тебя мнѣ жалко.

Но все это она искупала своимъ умомъ, любезностію, умѣньемъ обращаться съ людьми и нѣкотораго рода, свойственнымъ всякой женщинѣ, кокетствомъ. Но святошей, какъ она теперь выставлена въ перепискѣ своей съ Гоголемъ („Русская Старина“, изд. 1890 г., іюнь, іюль, августъ) она мнѣ не казалась. Это Гоголю хотѣлось, чтобы она была богомолкою, вотъ она, вѣроятно, въ угоду ему, прикинулась религіозною и черкала ему письма въ душепа-сительномъ тонѣ, не предвидя того, что всѣ эти письма будутъ читать тѣ лица, которыя ее знали лично.

Нѣтъ, нѣтъ, Александра Іосифовна! Питая къ вамъ глубокое уваженіе, я долженъ сказать, что при жизни своей вы не такія были, какъ хотите казаться въ вашихъ письмахъ къ Гоголю! Вспомните балъ 1850 года, въ Дворянскомъ собраніи, я стоялъ возлѣ васъ, а вы, глядя на вальсирующую молодежь и вообще на приличную во всемъ обстановку, вспомнивъ фразу Гоголя: пошла губернія плясать, сказали: „Ну, откуда Гоголь беретъ свои карикатуры? У него въ губерніи что ни чиновникъ, то взяточникъ; и вообще, что ни человѣкъ, то уродъ и самаго сквернаго свойства, жалкій онъ человѣкъ!“

Я согласился съ вами!

Потомъ у васъ, въ губернаторскомъ домѣ, тоже въ Калугѣ, всегда была самая интеллигентная публика, преимущественно молодежь. Какой-же вела разговоръ въ присутствіи вашемъ эта молодежь! Вспомните, вы сами проповѣдывали любовь, женитьбу, уродливость того, кто остается холостымъ. Однимъ словомъ, молодежь, подъ наитіемъ вашимъ, вела самый оживленный разговоръ, а о религіи ни полъ слова. Да, въ 1850 году, вы жили весело!

Впрочемъ, въ оправданіе Смирновой и себя слѣдуетъ сказать, что письма ея къ Гоголю писаны въ 1847 году, а бесѣда моя съ нею была въ 1850 г., разница на три года, а въ это время сколько явилось случаевъ и обстоятельствъ, которыя могли измѣнить ея душевное настроеніе.

Въ 1851 году слѣдствіе по жалобѣ Ершова и ревизія Калужской губерніи кончены. По слѣдствію обнаружилось, что дарственная запись совершена была генераломъ Ершовымъ безъ всякаго участія губернатора Смирнова, а потому Ершовъ былъ преданъ уголовному суду за клевету. Относительно-же губернатора по управленію губерніи оказалось, что дѣйствія его не всегда соотвѣтствовали требованіямъ закона, а потому онъ былъ уволенъ отъ должности. Кстати сказать, что въ книжкахъ „Русской Старины“ за ноябрь и декабрь 1890 года помѣщены письма А. І. Смирновой къ Гоголю, съ помѣтою 1849 года. Въ этихъ письмахъ она излагаетъ свои сѣтованія за назначеніе ревизіи и на самого сенатора князя Давидова. Между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ, назначеніе ревизіи хотя и послѣдовало въ концѣ 1849 г., но прибытіе сенатора въ Калугу, самая ревизія состоялась только въ началѣ 1850 года. Посему, не входя въ разборъ напрасныхъ сѣтованій Смирновой на ревизію и

сенатора Давидова, скажу, что письма ея слѣдуетъ отнести къ 1850 и 1851 гг. На семь основаній и объясненій дочери ея Ольги Смирновой относительно времени писемъ ея матери не вѣрны. Далѣе скажу, что Гоголь въ 1850 году не былъ въ Калугѣ.

По окончаніи ревизіи, я снова былъ переведенъ изъ сената въ министерство юстиціи, на должность сначала начальника отдѣленія гражданскихъ дѣлъ, а потомъ старшаго юрисконсульта при консультаціи. Въ это время много было мною составлено докладовъ и рассмотрѣно дѣлъ по введенію судебной реформы, а въ 1857 году я участвовалъ въ комиссіи, вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ, Я. А. Соловьевымъ, К. К. Гротомъ, В. А. Арцимовичемъ, Н. И. Стояновскимъ и С. И. Заруднымъ по преобразованію полиціи, начертанію устава о судебныхъ слѣдователяхъ и посредникахъ. Занятія эти приурочивались къ трудамъ редакціонной комиссіи и всѣ лица, участвовавшія въ оной, получили золотыя медали, наравнѣ съ членами редакціонной комиссіи. Съ наступленіемъ-же 1861 года, по семейнымъ обстоятельствамъ, я вышелъ въ отставку, а въ 1866 г. опять поступилъ на службу, на должность предсѣдателя кievской гражданской палаты. Самое поступленіе мое на службу состоялось при слѣдующихъ обстоятельствахъ: 17-го апрѣля 1866 года, въ Петербургѣ, открывались новыя судебныя мѣста, гдѣ и я былъ. Открывалъ министр юстиціи Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ, отлично меня знавшій по службѣ въ департаментѣ министерства юстиціи.

Обозрѣвая публику, онъ быстро замѣтилъ меня, скромно стоявшаго въ сторонѣ. „А, это вы?“ сказалъ онъ, „очень радъ васъ видѣть! Слышите призывъ къ дѣлу! дождались, наконецъ! Поступайте снова на службу, я васъ непременно зачислю и назначу!“

— „Согласенъ“, отвѣчалъ я: — „но только въ югозападный край“.

„Хорошо!“ сказалъ Замятнинъ, — тамъ чрезъ шесть мѣсяцевъ непременно послѣдуетъ открытіе“.

Мы разстались.

А какъ Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ былъ торжественъ въ этотъ день! Какая славная, сѣдая, но бодрая личность обрисовывалась въ немъ. Любо было на него смотрѣть! Сколько радости сіяло въ его глазахъ! И наконецъ, какую дивную рѣчь сказалъ онъ при этомъ. Умилительно было его слышать. Не забудемъ.

Через самое короткое время я, единственно по усмотрѣнію министра и безъ просьбы съ моей стороны, получилъ назначеніе въ Кіевъ, гдѣ и оставался свыше девяти лѣтъ, въ качествѣ предсѣдателя соединенной палаты, но, увы, открытія новыхъ судовъ здѣсь не послѣдовало. Между тѣмъ, Дмитрій Николаевичъ вышелъ изъ министерства. Преемникомъ его мнѣ предлагалось мѣсто въ Одессѣ, Харьковѣ и Петербургѣ, но я упорно дожидался того времени, когда будетъ открытіе новыхъ судовъ въ Кіевѣ. Но явились новыя вѣянія, показались особые претенденты на славу, дѣятельность и карьеру и я вышелъ окончательно въ отставку, не дождавшись открытія судовъ въ Кіевѣ.

А въ 1880 году, 28-го іюня, при открытіи луцкаго окружнаго суда, подѣ впечатлѣніемъ одушевляющаго меня событія, на обѣдѣ, данномъ мѣстнымъ дворянствомъ, я, обращаясь къ назначеннымъ судьямъ, сказалъ собственные, хотя и весьма тяжеловѣсные, мои стихи:

Сей день свершилось назначенье,
Судомъ Руси объединенье
Въ одну великую семью!
Отнынѣ въ ней единый судъ,
Гдѣ все открыто и правдиво,
Гдѣ зло не избѣгаетъ кары,
А правда вся восходитъ вверхъ!
Гдѣ присяжные народа,
Во имя совѣсти и Бога,
Гласятъ кто правъ, кто виновать!
Гдѣ Царь, смягчивъ суровый приговоръ
Судей,
Даруетъ милость для людей!
Теперь мы всѣ, въ умѣ и на устахъ,
Гвердимъ о томъ, чтобы въ судахъ
Исполненъ былъ его завѣтъ:
О царствѣ милости и правды!
Итакъ, судьи! Привѣтъ вамъ отъ страны,
Свершите въ ней во всемъ завѣтъ Царя;
Пусть будетъ судъ вашъ всѣмъ всегда
Открытый
Правдивъ и быстръ, а равно милостивъ!
За сямъ, съ желаньемъ вамъ терпѣнья, силы воли,

Любви къ дѣламъ и къ истинѣ святой,
Здоровья, славы, а равно добра,
Мы пьемъ теперь за васъ: ура! ура!
У-ра!

Стихи эти, хотя и нескладно, но отъ души скроенные, вызвали общее оживленіе.—И такъ кончимъ сказать:

Sic transit gloria mundi.

Н. М. Колмаковъ.

Волынской губерніи
г. Луцкъ с. Ярославичи.

